Збигнев Войцеховский

Че Гевара

который хотел перемен

Биографии великих
Неожиданный ракурс

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герой книги – знаменитый Эрнесто Че Гевара, портрет которого (в берете со звездой) можно встретить на многочисленных майках и татуировках во всем мире. Личность этого человека до сих пор окутана тайнами, мифами и легендами. Самый романтический революционер минувшего века, бесстрашный солдат, неугасаемый кумир миллионов молодых людей планеты, Че Гевара уже несколько десятков лет остается мировым символом прогресса, радикальных перемен и борьбы с темными силами империализма. Но каким на самом деле был товарищ Че?

- Збигнев Войцеховский
- От автора
- Куба до режима Кастро: информация к размышлению
- Гевара жил, Гевара жив, Гевара будет жить?..
-
- На пути к революции: первые шаги. Порочное зачатие
- Болезненный ребенок
- Эль Локо
- Судьбоносные встречи
- Второе путешествие по Латинской Америке
- Жизнь в Мехико
- Подготовка экспедиции на Кубу
- Извилистый путь к «партизану-герою»
- Боевое крещение
- Настоящие дневники Че
- Битва за Санта-Клару
- Волк в овечьей шкуре
- Хижина для прессы
- Че – «профессор партизанской войны»
- Че и «первое поражение империализма» (битва в заливе Кочинос)
-
- Че благодарит американскую администрацию
- Карибский кризис
- Че – носитель традиционных убеждений
- Любимый палач Фиделя
- Жажда крови
-
- Кубинская кровь – на продажу
-

- Убийца женщин и детей
- «Мы расстреливаем из революционных убеждений!»
- Гитлер, Сталин и Че
- Эскадроны смерти на Кубе
- Лагеря для «правонарушителей» Че
- Папа Че
- «Интеллектуал и ценитель искусства»? Сжигатель книг и вор!
-
- Расхититель произведений искусства
- Подхалим и задира
- Партизан-терминатор
- «Мозг» революции и «царь» экономики
- Русские говорят «нет!»
- С чем работал Че Гевара
- Санкции США против Кубы – просьба Че
- Отчаявшиеся проститутки
- Чернокожие на Кубе
- Че в Африке
- Последний провал Че Гевары
-
-
-
-
-
- Послесловие
- Библиография

Збигнев Войцеховский

От автора

Даже спустя сорок пять лет после своей смерти команданте Эрнесто Че Гевара куда популярнее многих здравствующих политиков. Массовая культура окончательно превратила его в эдакую гламурную поп-звезду наподобие Леди Гаги или Джорджа Клуни. Че Гевара сегодня – прежде всего раскрученный и востребованный бренд. Только за последние двадцать лет в мире было продано товаров с изображением Че более чем на сотню миллионов долларов. Потребители пьют ром «Че Гевара», курят сигары «Че Гевара», варят кофе «Че Гевара».

Люди действительно любят Че Гевару? Нет, люди любят образ Че Гевары: романтического революционера, бескомпромиссного идеалиста и борца за социальную справедливость. Люди любят популярный портрет, выполненный ирландским художником Джимом Фицпатриком на основе фотографии кубинского журналиста Альберто Корда: слипшиеся локоны, мужественный и спокойный взгляд, черный берет со звездой.

Мифы о Че Геваре как о «бескомпромиссном рыцаре кубинской революции» начали складываться еще при его жизни. Мифы эти – не только результат грамотно продуманной пропаганды, но и плоды романтического воображения: ведь всегда хочется верить в эдакий благородный символ протеста и бескорыстия, противопоставляемые нашему меркантильному миру.

Но люди не знают или не хотят знать, кем был Че Гевара на самом деле.

Он был убийцей – истеричным, капризным и непредсказуемым. Главный палач режима Фиделя Кастро, «кубинский Берия», не только подписывал расстрельные списки, но и лично приводил приговоры в исполнение.

Он был одним из тех, кто превратил некогда процветающую Кубу в тот концлагерь, которым и стал в наше время Остров свободы: чудовищная нищета, распределительная система по талонам, страх перед спецслужбами, запрет на Интернет, мобильную связь, свободный выезд из страны и хождение иностранной валюты.

Он был одним из тех, кто страстно желал установления порядков, царящих сегодня на Кубе, во всей Латинской Америке.

К счастью, его вовремя остановили…

Куба до режима Кастро: информация к размышлению

Бытует расхожее мнение, будто бы до революции 1959 года Куба была отсталой аграрной страной, которая, кроме сигар и сахара, ничего больше не производила. Что на Кубе не было никакой промышленности, разве что кустарная переработка сельхозпродукции. Что научно-технический прогресс на острове был чуть повыше, чем в африканских джунглях. Что несчастные нищие кубинцы поголовно болели неизлечимыми болезнями, притом большинство от них умирало из-за отсутствия элементарной медицинской помощи. Что большинство мужчин на Кубе были или богатыми латифундистами, или бесправными сборщиками сахарного тростника. Что женщины занимались или раскаткой сигар на голых ляжках, или работали проститутками в многочисленных борделях.

Однако даже поверхностный экскурс в историю Кубы полностью опровергает домыслы об «отсталости» и «забитости». Чтобы получить более полное представление о стране, которая станет главной ареной событий нашего дальнейшего повествования, вернемся почти на два столетия назад и вспомним некоторые красноречивые факты. Впервые они появились в прессе в 1983 году, когда американский исследователь кубинского происхождения Джерри А. Сьерра последовательно и аргументированно изложил их в статье одного из номеров газеты *«Лос-Анджелес таймс»* .

В 1823 году именно Куба стала первой страной во всей Латинской Америке, которая начала использовать пароходы для грузовых перевозок. В 1837 году Куба, опередив Испанию, свою бывшую метрополию, на несколько десятков лет, построила собственную железную дорогу. Это была третья железная дорога в мире после Англии и США. В 1881 году именно на Кубе было сделано открытие, перевернувшее тогдашнюю медицину: кубинский ученый Карлос Финлей изобрел противоядие от желтой лихорадки – самой страшной тропической болезни того времени. Кстати говоря, вакцина Финлея до сих пор используется во всем мире. В 1889 году Куба первой среди испаноязычных стран установила стационарное уличное освещение.

Начало двадцатого века принесло в копилку Кубы еще больше рекордов. В 1900 году на Кубе появились первые в Латинской Америке автомобили. А кубинка Рене Мендес Капоте первой среди женщин Америки и Испании села за руль. 19 мая

1913 года на Кубе был осуществлен первый в Латинской Америке полет на самолете. Управляли им, естественно, кубинцы – Доминго Росильо и Агустин Парла. Полет между Гаваной и городом Ки-Уэст во Флориде продолжался 2 часа 40 минут.

Технический прогресс также не стоял на месте. В 1906 году Гавана стала первым городом в мире, где свершилась своеобразная революция в области связи: на смену «барышням-операторам» пришли дисковые телефонные аппараты и начала использоваться телефония с прямым набором.

В 1922 году на Кубе открылась вторая в мире радиостанция, которая первой в мире транслировала регулярные новости. Представительницы прекрасного пола и тут оказались впереди планеты всей: кубинка Эстер Переа де ла Торре стала первым в мире радиодиктором. К 1928 году на Кубе появилось 68 радиостанций; в одной только Гаване их было 43. По количеству радиостанций в пропорции к числу населения и территории Куба заняла первое место в мире, а по общему показателю – четвертое (после США, Канады и СССР). Появлением радиосериалов (а в будущем – и телесериалов) мир опять же обязан Кубе. Их родоначальницей стала выпущенная на острове радиопостановка, автором которой был кубинец Феликс Кайнет. В 1935 году Куба уже была крупнейшей страной Латинской Америки по объему экспорта радиосценариев и радиосериалов.

В 1950 году Куба второй в мире открыла телевизионную станцию и телевизионную студию, став впоследствии телецентром Латинской Америки. Благодаря этому Гавана вскоре превратилась в средоточие латиноамериканского шоу-бизнеса. А уже в 1958 году на Кубе стартовало вещание цветного телевидения, и цветные телевизоры поступили в массовую продажу (к слову, во многих домах эти телевизоры стоят до сих пор).

В 1957 году в Гаване открылся второй в мире стереокинотеатр. На то время в Гаване работало 358 кинозалов – благодаря чему город вышел на первое место в мире, обогнав даже Нью-Йорк, Лондон и Париж.

Не обошли Кубу стороной и спортивные достижения. Первым латиноамериканским чемпионом Олимпийских игр за все время их существования стал уроженец Кубы – фехтовальщик Рамон Фонтс. Произошло это еще в 1900 году. И, конечно, отдельного упоминания заслуживает легендарный кубинец Хосе Рауль Капабланка, третий чемпион мира по шахматам. Это звание он удерживал на протяжении нескольких лет – с 1921 по 1927 год.

Гордость Кубы – медицина – также позволяла острову выделяться на фоне других стран Латинской Америки. Например,

в 1907 году в Гаване открылось первое рентгенологическое отделение. К середине пятидесятых годов Куба была второй страной (после Уругвая), где уровень детской смертности был наименьшим – 33,4 на тысячу новорожденных. К концу 50-х годов на 957 жителей Кубы приходился один квалифицированный врач-специалист. Этот показатель был одним из лучших в мире и лучшим – в Иберо-Америке, что было отмечено Организацией Объединенных Наций в 1957 году.

Социальные показатели Кубы также были на высоте. В 1937 году страна первой в Латинской Америке утвердила закон о минимальной заработной плате и о восьмичасовом рабочем дне. Конституция, принятая в 1940 году, была самой передовой в Иберо-Америке: в ней, к примеру, впервые были зафиксированы равные во всем права между женщинами и мужчинами, между представителями разных национальностей и рас и т. д. (Для сравнения: в Испании женщине были предоставлены права наравне с мужчиной только в 1976 году). В 1956 году ООН признала Кубу латиноамериканской страной с наименьшим уровнем безграмотности – 23 процента (эта цифра для того времени была низкой: в Гаити безграмотное население составляло 90 процентов, в Испании, Гватемале, Сальвадоре, Венесуэле, Боливии, Доминиканской Республике, Перу, Бразилии – чуть более 50 процентов).

И наконец, экономические показатели, говорящие сами за себя: с 1950 по 1958 год по доходам населения Куба занимала второе либо третье место в Иберо-Америке, обгоняя Испанию более чем в два раза. Несмотря на небольшую площадь и население численностью лишь 6,5 миллиона, в 1958 году Куба намного обгоняла страны Латинской Америки, а также Испанию, Португалию и Италию, занимая 29-е место среди всех мировых экономик.

Согласно данным Международной организации труда, в 1958 году уровень безработицы на Кубе был одним из самых низких в мире – 7,07 процента. По средней зарплате рабочих Куба занимала восьмое место в мире (после США, Канады, Швейцарии, Швеции, Новой Зеландии, Норвегии и Дании), а по доходам крестьян – седьмое.

Самый, пожалуй, красноречивый факт из всех – это то, что с 1915 по 1959 год единственной валютой в мире, которая обесценилась по отношению к доллару США за 44 года всего на 1 цент, было кубинское песо.

И еще несколько штрихов в дополнение к общей картине: к 1958 году среди государств Латинской Америки на Кубе было самое лучшее дорожное покрытие, самый современный аэропорт

(в Гаване) и наибольшее количество супермаркетов на сто тысяч населения. На сохранение архитектурных и исторических памятников выделялся самый большой бюджет, а по объему иностранных инвестиций Куба также была лидером в регионе.

Такой Куба подошла к роковому рубежу 1959 года. Как же выглядит Остров свободы теперь, полвека спустя? Пошел ли ему на пользу «социалистический эксперимент»? Судить об этом мы предоставим читателю, предложив его вниманию несколько фактов, которые говорят сами за себя.

В 1962 году на Острове свободы были введены карточки на продукты питания, произошла национализация земли и промышленности, сельское хозяйство было обобществлено. Новые «друзья» из социалистического лагеря стали активно помогать в строительстве промышленных предприятий. Однако далеко не все кубинцы оценили эти нововведения: более 500 тысяч человек в спешном порядке покинули остров (на 1959 год эта цифра составляла примерно 8,5 процента всего населения). Для примера, только дипломированных врачей с Кубы сбежало более 3300 человек (большая половина из общего их числа – 6250). На сегодняшний день в одной только Флориде кубинских эмигрантов насчитывается более 1 миллиона. Следует учитывать, что из-за массового бегства Куба в первую очередь утратила самые высококвалифицированные кадры. Кроме того, даже расовый состав жителей Кубы претерпел значительные изменения: если 50 лет назад доля чистокровных «белых» составляла примерно две трети населения, то сейчас их число не превышает 38 процентов.

Фактически до 1991 года Остров свободы находился на содержании Советского Союза. В 80-х годах Москва каждый год поставляла на Кубу – в основном по бартеру или просто бесплатно, в рамках «интернациональной помощи» – около 7 миллионов тонн сырой нефти, а также закупала – по ценам, близким к рыночным, 2–4 миллиона тонн сахара. Поддержка братской Кубе оказывалась и по другим направлениям. СССР вкладывал средства в развитие нефтедобывающего промысла на острове, инвестировал в разработку никелевых месторождений (по его запасам Куба находится на третьем месте в мире после Канады и России), занимался строительством дорог, бесплатной поставкой автомобильной техники и пшеницы, а кроме того – вооружением кубинской армии и обучением кубинских специалистов (естественно, также на безвозмездной основе). Перечислять благодеяния Союза можно еще долго.

Когда в 1991 году «аттракцион невиданной щедрости» по вполне понятным причинам закончился, то выяснилось, что до

Кубы в этом мире никому нет дела. По сути, Гавана до сих пор существует под бременем санкций США (ради справедливости стоит отметить, что они были частично обоснованы: ведь братья Кастро просто-напросто украли американскую собственность на острове, а такого великая держава не прощает). Тем не менее Куба вполне свободно может торговать со странами Евросоюза, Китаем, Канадой (которые сейчас являются ее главными партнерами), Россией, да и остальным миром. Загвоздка лишь в том, что предложить этим странам братья Кастро практически ничего не могут. Развитие никеледобывающей и перерабатывающей промышленности требует миллиардных вложений; сфера туризма на Кубе выглядит откровенно жалко по сравнению хотя бы с соседней Доминиканской Республикой (и это при том, что в Европе Куба весьма активно позиционируется как место отдыха)…

Чтобы увеличить приток иностранной валюты, коммунистические власти пошли даже на фактическую легализацию проституции (естественно, под присмотром местного «комсомола»). Несмотря на это, экономика страны с каждым годом погружалась во все более глубокий кризис.

В 2009–2010 годах наступил момент истины. Внешний долг страны превысил отметку в 21 миллиард долларов. Для сравнения: совокупный объем экспорта (никель, сахар, кофе, сигары, табак) приносит в казну Кубы лишь от 3 до 3,5 миллиарда долларов. Объем промышленного производства катастрофически снизился, составив от уровня 1988 года всего 40–45 процентов, а урожайность главной сельскохозяйственной культуры, которую коммунисты внедряли повсеместно – сахарного тростника, – упала в 2–3 раза. И если в 70-х годах на Кубе производилось 6,5–9,5 миллиона тонн сахара-сырца, то уже в 2011 году производство составило лишь около 2 миллионов тонн.

Летом 2010 года братья Кастро ничтоже сумняшеся «заморозили» счета иностранных банков и фирм на острове, поскольку попытки выцыганить кредиты на сумму 3 миллиарда долларов не увенчались успехом. А ведь обращались они практически ко всем, к кому только можно: к России, Венесуэле, Китаю, Канаде, Великобритании, государствам Евросоюза и богатым арабским странам. Таким образом, в распоряжении Кастро – пусть и на время – оказалось около 1 миллиарда евро.

Итак, даже самым ярым коммунистам стало сложно отрицать очевидное: долго так продолжаться не сможет. По сути, путей осталось всего два: или в срочном порядке начинать строить капитализм (а при оказии попытаться наладить отношения с

США – поскольку никому, кроме Штатов, этот остров, в общем-то, не нужен), или тихонько помереть от голода. Согласно данным кубинского правительства, на сегодняшний день уровень урожайности и механизации в сельском хозяйстве съехал до показателей 40—50-х годов ушедшего века (если не ниже, как утверждают злые языки).

Кубинское руководство в авральном порядке кинулось «перестраиваться» – ведь альтернативы этому не было. Из тюрем на свободу вышли примерно сотня политических заключенных. Власти одобрили малое частное предпринимательство (что не помешало им тут же установить зверский подоходный налог размером в 40–50 процентов, если годовой доход бизнеса выше 2500 долларов). Жителям острова позволили приобретать ноутбуки, микроволновые печи и мобильные телефоны (правда, только за валюту). В Гаване открылась католическая семинария – впервые за 50 лет. 19 апреля 2011 года на VI партийной конференции в Гаване Рауль Кастро заявил об одном из последних новшеств – кубинцам было разрешено покупать и продавать жилую недвижимость. А 28 сентября власти Кубы впервые за 52 года разрешили своим жителям покупать и продавать легковые автомобили (до этого можно было покупать или продавать только автомобили, приобретенные до революции 1959 года). Учитывая то, что средняя зарплата на острове не превышает 20 долларов в месяц, легко понять скептицизм простых кубинцев, которые говорят: «Ну, хотя бы теоретическая возможность приобрести машину у нас уже есть…»

Правда, пока непонятно, как именно будет происходить «перестройка».

У правительства Кубы просто-напросто нет средств, и уже к сентябрю 2011 года из государственного сектора было уволено около 1 миллиона человек (всего же там занято 3,5 миллиона). К концу 2014 года запланировано уволить оттуда еще примерно 2 миллиона человек. Социалистический режим не способен кормить такое количество тунеядцев (а большую часть из них как раз и составляют госслужащие), но власти опасаются социального взрыва. В планах – предложить им заняться мелким бизнесом и выплачивать небольшие пособия. Денег на них, правда, тоже нет, посему у кубинцев уже отняли талоны на бесплатные сигареты.

Катастрофическая нехватка средств привела к тому, что кубинская армия практически утратила боеспособность. Проводить парады, на которых красуется советская техника 30-летней давности – это «потолок» возможностей нынешних генералов. Топливный кризис 90-х годов заставил мотострелковые подразделения островной армии передвигаться

на велосипедах.

Несмотря на большие достижения в области профилактики заболеваний, здравоохранение на Кубе финансируется недостаточно. Многие дома в кубинских городах находятся в аварийном состоянии. Что касается деревень, то там обычно живут в «бойо» – глинобитных или деревянных постройках с соломенной крышей; как правило, в них есть электричество, но часто отсутствует проточная вода.

Вечная нехватка денег и отсутствующие на прилавках предметы первой необходимости превратились в норму повседневной жизни. Продовольственные карточки, существующие и по сей день, удовлетворяют далеко не все потребности кубинцев. Свободно продается лишь ограниченное количество товаров, да и то по высоким ценам, которые устанавливает государство. На дефицитные же товары, предназначенные для длительного использования (например, стиральные машины и телевизоры), предприятиям выделяются определенные квоты, и уже сами предприятия продают эти товары своим сотрудникам (и цены на них, разумеется, немаленькие). Причем место в очереди на покупку бытовой техники определяется в соответствии с активностью сотрудника в политической жизни и его успехами в труде.

Зато черный рынок на Кубе процветает, пытаясь компенсировать дефицит товаров. Здесь ничего не выбрасывают, поэтому на улицах часто можно увидеть наполовину развалившиеся, но все еще способные передвигаться колымаги 50-х годов. За пределами же Гаваны самым распространенным транспортным средством является повозка, запряженная лошадью.

Зарплата государственных служащих составляет примерно 350 песо в месяц (то есть всего порядка 13 долларов). Кубинцы – трудолюбивый народ, но на рабочих местах все чаще воцаряется уныние. Стимула для производительного труда нет давно. Жители острова горько шутят: «Фидель делает вид, будто нам платит, а мы притворяемся, что работаем». Некоторым кубинцам частично облегчают жизнь деньги, которые присылают родственники из Майами. Тот же, кто не имеет подобного доступа к долларам, еле сводит концы с концами.

В общем и целом положение Кубы весьма и весьма неважное. Верхушка осознает необходимость реформ, но опасается возмездия со стороны Штатов. Поэтому, хоть и проведя некоторые поверхностные реформы, 79-летний Рауль Кастро (который фактически управляет Кубой с 2006 года) назначил своим потенциальным преемником (то есть вторым секретарем партии)

80-летнего Хосе Рамона Мачадо. Добавим к слову, что пост третьего секретаря занял 78-летний Рамиро Вальдес Менендес. Геронтократам из брежневского Политбюро и ЦК такое и не снилось.

По сути, коммунисты пытаются внедрить на Кубе нечто вроде ленинского нэпа и одновременно любой ценой сохранить власть за собой. Насколько у них это получится – время покажет. Так или иначе, уже сегодня Куба импортирует почти половину всего объема продовольствия, и на плаву ей удается держаться лишь благодаря гуманитарной помощи «акул капитализма» из Канады, Китая и Евросоюза.

Дальнейшие комментарии, как говорится, излишни, а выводы вдумчивый читатель без труда сделает сам.

Гевара жил, Гевара жив, Гевара будет жить?..

Романтик из «Дневника мотоциклиста», который любил прокаженных чуть ли не как Иисус и, ежеминутно рискуя жизнью, перешел реку вброд, чтобы показать свое сострадание к ним, – это тот же самый человек, который заявлял, что «революционер должен стать холодной машиной для убийства, движимой чистой ненавистью». Как читатель сможет убедиться далее, сам Че Гевара был живым воплощением этого принципа. Это человек, который гордился тем, что приводил смертные приговоры в исполнение, опираясь на «революционные убеждения», а не на какие-то «устаревшие буржуазные мелочи» вроде судебных доказательств и презумпции невиновности, и который утверждал, что самым лучшим аргументом в борьбе с «американскими шакалами» будет только ядерный удар и глобальная ядерная война. Кстати, в октябре 1962 года его мечты чуть было не осуществились.

«Если бы ядерные ракеты остались, мы бы направили их в самое сердце Америки, включая Нью-Йорк, – доверительно рассказывал Гевара корреспонденту газеты *«Лондон дейли уоркер»* в ноябре 1962 года. – Мы пройдем маршем по тропе победы, даже если это будет стоить миллионов ядерных жертв… Мы не должны давать нашей ненависти угаснуть, мы должны превратить ее в безудержную ярость». И это слова человека, который, по мнению журнала *«Тайм»* , должен стоять в одном ряду с матерью Терезой.

Он стал одним из основателей режима, количество жертв которого составляет достойную конкуренцию режимам Гитлера и Сталина. Он заявлял, что «индивидуализм должен исчезнуть навсегда». В 1959 году с помощью агентов КГБ Че участвовал в отборе, тренировке и идеологической подготовке кадров кубинской тайной полиции.

Че Гевара, чье изображение Анджелина Джоли, которая является «послом доброй воли Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев» и обладательницей Гуманитарной премии ООН – носит на теле в виде татуировки, стал причиной одного из величайших кризисов беженцев в истории Западного полушария. Более двух миллионов кубинцев бежали из страны, имея при себе лишь то, что было на них надето. Еще около 80 тысяч погибло от жажды, переохлаждения, утонуло или было разорвано на куски акулами в попытке спастись от тюрем и расстрельных отрядов Че.

Неведение – преднамеренное или случайное – встречается

сплошь и рядом, если речь заходит о Че Геваре. И дело касается не только простых обывателей, а в первую очередь «звезд» мировой величины, которым в эпоху глобализации подражают миллионы поклонников. Знали ли рок-звезды Карлос Сантана и Эрик Бердон о том, что режим, который они популяризируют, в конце 60-х годов загонял всех *«рокерос»* и длинноволосых парней в тюремные лагеря, где те вынуждены были работать под палящим солнцем? Многих юных заключенных подвергали суровым наказаниям за «попрание норм революционной морали» и «контрреволюционные преступления», которые чаще всего не представляли собой ничего серьезнее прослушивания записей группы *«The Animals»* или найденного портрета Джона Леннона.

Осознает ли известная поборница прав сексуальных меньшинств Мадонна, что, появляясь на сцене в наряде «а-ля Че», она поддерживает режим, который считал гомосексуализм преступлением? В середине 60-х десятки молодых людей попадали в лагеря прямо с улиц по одному лишь подозрению в отклонении от общепринятых норм поведения. Мрачным отзвуком лозунгов нацистских концентрационных лагерей звучала надпись над воротами кастровских тюрем: «Работа сделает из вас людей». Чем не гитлеровское «Arbeit macht frei»?

Понимали ли те знаменитости – и Шэрон Стоун, и Мерил Стрип, и Пэрис Хилтон, и многие другие, – что, рукоплеща в 2004 году на кинофестивале *«Сандэнс»* фильму «Че Гевара: дневники мотоциклиста», они устроили овацию ленте, прославляющей человека, который заключил в тюрьмы или выслал из страны большинство лучших кубинских писателей, поэтов и независимых кинорежиссеров? Человека, который превратил кубинское кино в примитивную пропагандистскую машину?..

Когда повстанцы Кастро заняли Гавану, Че Гевара без зазрения совести присвоил себе чуть ли не самый шикарный особняк на Кубе. Его законный владелец с семьей едва успели скрыться от расстрельного отряда Че. Рядом с особняком находился причал для яхт и огромный бассейн; в самом доме было семь ванных комнат, сауна, массажный салон и пять телевизоров. Один из них был специально спроектирован в США, имел экран шириной в три метра и пульт дистанционного управления – на январь 1959 года технология совершенно экзотическая. По словам очевидцев, жилище больше напоминало дворец из «Тысячи и одной ночи». И жил там человек, который, как утверждал Филипп Беннетт, в то время журналист газеты *«Бостон Глоуб»* (а ныне старший редактор одного из самых влиятельных американских изданий *«Вашингтон пост»*), был на

удивление бескорыстен и начисто лишен каких-либо материальных устремлений.

Нашумевшая выставка под названием *«Че: Революционер и Символ»* , прошедшая сравнительно недавно в таких именитых музеях, как Международный центр фотографии в Нью-Йорке или Музей Виктории и Альберта в Лондоне, представляла Че как воплощение бунтарства и антиимпериализма. На самом же деле, во время обращения к кубинской молодежи в 1962 году Гевара осуждал сам дух бунтарства, называя его достойным порицания. Этот знаменитый антиимпериалист всецело одобрял резню, которую учинили советские войска в 1956 году в Венгрии. Как попугай, он заученно твердил вслед за советскими средствами массовой информации, что те рабочие, крестьяне и студенты, что забрасывали советские танки самодельными гранатами с «коктейлем Молотова», были «фашистами» и «недобитыми пособниками Гитлера». Когда спустя несколько лет на самой Кубе вспыхнуло подобное антикоммунистическое (или, вернее сказать, направленное против советского империализма) восстание, у Гевары появился шанс доказать, что политику СССР он может поддержать не только словом, но и делом. С той лишь разницей, что кубинских повстанцев он окрестил попросту «бандитами».

А что же знаменитая «военная стратегия» Че? За день до своей смерти в Боливии Гевара впервые в жизни столкнулся с тем, что называется настоящим боем. Он приказал своим партизанам не щадить никого, сражаться до последней капли крови и последнего патрона. Несколько часов спустя он был легко ранен. И хотя его люди, несмотря ни на что, продолжали выполнять приказ, он незаметно убрался с линии огня и, имея полную обойму патронов… сдался в плен боливийским солдатам, причитая: «Не стреляйте, я Че! Живой я вам нужнее, чем мертвый!»

Чтобы описать феномен популярности Че, иногда даже фраза «театр абсурда» кажется слишком слабой.

Джон Ли Андерсон, член редколлегии еженедельника *«Нью-Йоркер»* , написал и издал в 1997 году 814-страничную биографию Че под названием: *«Че Гевара. Важна только Революция»* . Андерсон утверждает, что, несмотря на исчерпывающее и всестороннее исследование, он так и не нашел ни одного заслуживающего доверия источника, который подтверждал бы, что Гевара убивал невиновных. Однако сотни очевидцев того, что Че казнил без суда и следствия, живут буквально в нескольких кварталах от нью-йоркского обиталища Андерсона. Гевара сам хвастался, что собственноручно фабриковал доказательства, и открыто заявлял: «Мне не нужны судебные доказательства, чтобы

отправить человека на расстрел; мне лишь нужно доказательство того, что его необходимо расстрелять». Под этим он подразумевал, что тот или иной человек теоретически мог стать препятствием на пути к сталинизации Кубы. Как говорил сам Сталин, смерть решает все проблемы: нет человека – нет проблем. Один только факт, что некоторые из своих ранних писем Че Геваре хватило наглости подписывать «Сталин II», свидетельствует о многом.

«Естественно, мы расстреливаем, – пожимал плечами Че, обращаясь к Генеральной Ассамблее ООН в декабре 1964 года. – И мы продолжим расстреливать до тех пор, пока это будет необходимо». Согласно данным *«Черной книги коммунизма»* , выпущенной в Париже в 1997 году, к началу 70-х годов число жертв расстрельных отрядов достигло 14 тысяч.

А как насчет Че-интеллектуала? По словам Джона Ли Андерсона, для Эрнесто Гевары все начиналось именно с литературы. Однако первым официальным мероприятием Че после занятия Гаваны было массовое сожжение книг. По прямому приказу Гевары более трех тысяч книг было похищено из частных библиотек и подожжено прямо на одной из оживленных улиц города. Тогда же Че заочно подписал несколько смертных приговоров кубинским писателям, на которых тайная полиция начала настоящую охоту.

Летом 1960 года журнал *«Тайм»* впервые поместил изображение Гевары на обложку номера. В одной из его статей Жан-Поль Сартр восхвалял выдающийся интеллект и компетентность Гевары, который недавно был назначен на пост министра экономики. Спустя год после этого назначения страна, имевшая больший доход на душу населения, чем Австралия и Япония, постоянный приток иммигрантов и третье место в мире по уровню потребления животного белка, начала распределять продукты по карточкам, закрывать фабрики и терять десятки тысяч наиболее работоспособных граждан.

На нежданно разразившийся экономический кризис Гевара отреагировал в свойственной ему манере: он организовал первый в стране трудовой лагерь на полуострове Гуанахакабибес – этакая кубинская Колыма, только с палящей жарой вместо дикого холода.

Из-за спровоцированного Геварой кризиса Советскому Союзу пришлось влить в экономику Кубы – страны с населением 6,4 миллиона – сумму, эквивалентную восьмикратному Плану Маршалла. Те изначальные 9 миллиардов долларов, которые по Плану Маршалла были выделены Штатами на разоренную войной Европу с 300-миллионным населением, быстро поставили

европейскую экономику на ноги. Советские же богатства помогли Кубе, как мертвому припарки: сегодняшний уровень жизни кубинцев пугает даже их полунищих соседей-гаитян.

Некомпетентность Че попирает не то что законы экономики, а даже, кажется, основные законы *физики* .

Что касается военных подвигов Гевары, то тут уж СМИ и вовсе временами хватали через край. «Тысяча погибших за 5 дней ожесточенных уличных боев», – трубили заголовки газеты *«Нью-Йорк таймс»* 4 января 1959 года, освещая финальную «битву» повстанцев в городе Санта-Клара. «Командующий Че Гевара переломил ход кровавого боя и героически разгромил трехтысячный отряд Батисты», – сообщалось далее. На самом же деле победа при Санта-Кларе досталась Че путем банального подкупа офицеров Батисты. Число жертв с обеих сторон не превысило *пяти человек* .

Четыре года спустя в Конго Че планировал военную операцию против отряда наемников. Ими командовал профессиональный военный, который участвовал в разгроме армии Роммеля в Северной Африке. Гевара же уверенно вступил в союз с «солдатами», которые делали шлемы из куриных перьев и стояли, размахивая руками, перед атакующим самолетом (потому что *муганга* – шаман – окропил их волшебной водой и заверил, что пули пятидесятого калибра не причинят им никакого вреда). Через полгода Гевара, спасая свою шкуру, бежал из Африки, оставив за собой настоящую военную катастрофу и сотни трупов.

Двумя годами позже, во время партизанской кампании в Боливии, Че совершил ряд элементарных ошибок, непростительных для прославленного командира партизанского отряда. Он разделил своих людей и… позволил обоим подразделениям безнадежно затеряться в джунглях без еды, пресной воды, средств связи и медикаментов. Полуголодные, оборванные, они бродили кругами – часто в каком-то километре друг от друга, – не имея возможности связаться (Гевара не озаботился приобретением хотя бы самых завалящих раций времен Второй мировой) и, по-видимому, не умея даже воспользоваться компасом. Весь этот фарс продолжался в течение шести месяцев, пока боливийские солдаты не положили ему конец.

Профессор Ариэль Дорфман, преподаватель Сорбонны и университета Дьюка, в одном из номеров журнала *«Тайм»* утверждал, что партизанская кампания Че отличалась неистовой смелостью и виртуозным мастерством. Однако, прежде чем писать этот панегирик, профессор Дорфман мог бы связаться с бывшим соратником Гевары Хубером Матосом, ныне живущим в

Майами. Тогда бы он узнал, что, планируя совместную атаку на силы Батисты в 1958 году, Гевара простосердечно признавался Матосу, что не имеет ни малейшего понятия о военной стратегии. Между собой коммунисты чаще всего бывали честны – в конце концов, именно они придумали термин «полезный идиот»…

Некоторые биографы Че Гевары принимают ложь, выдаваемую им из официальных и влиятельных источников, за чистую монету – и передают ее дальше, даже не пытаясь критически осмыслить. Из двух самых объемных и популярных биографий Че одна была написана журналистом *«Ньюсуик»* и *«Нью-Йорк таймс»* , бывшим членом Мексиканской коммунистической партии, который с умилением вспоминал о том, как увешивал стены в комнате университетского общежития плакатами с изображением Гевары. Другую корреспондент *«Нью-Йоркера»* написал, находясь на Кубе под покровительством Фиделя Кастро, а в качестве первейшего и надежнейшего источника выступала Алейда Гевара, дочь Че и высокопоставленный член Кубинской коммунистической партии.

Дневники Че Гевары были изданы кубинским отделом пропаганды. Предисловие к ним писал сам Фидель Кастро. Несмотря на это, биографы Че и тенденциозные СМИ не могут на них надышаться, словно это невесть какое сокровище вроде знаменитых Свитков Мертвого моря. О том, что в этих гаванских изданиях факты о выдающемся уме и героизме Че могут быть, мягко говоря, несколько приукрашены, они не допускают и мысли. Однако у людей, которые знали Гевару лично, есть иная версия событий – зачастую коренным образом отличающаяся от общепринятой. Дело в том, что озвучить ее они смогли лишь недавно – живя в эмиграции и не опасаясь больше репрессий со стороны режима Кастро. В нормальной ситуации очевидцам событий, в которых принимал участие «герой и символ XX века» (по версии влиятельного журнала *«Тайм»*), пришлось бы отмахиваться от журналистов, биографов и сценаристов бейсбольной битой. Вместо этого на протяжении сорока лет последние старательно избегали упоминания о существовании этих бесценных источников информации. Еще бы, ведь тогда им пришлось бы кардинально пересматривать красивую историю о непримиримом борце за справедливость, взлелеянную их совместными усилиями при участии самого искусного манипулятора столетия – Фиделя Кастро…

Немалая заслуга в феномене «жизни после смерти» Гевары принадлежит, конечно, знаменитой фотографии. Следует признать, Че прекрасно исполнил свою роль, позируя в марте 1960 года для фотографа Альберто Корды. Чего стоит один

только суровый, устремленный вдаль взгляд… Мало кто знает, что, когда этот снимок должен был впервые появиться на страницах официальной кубинской газеты *«Революсьон»* , в последний момент его заменили фотографией Кастро, беседующего с двумя своими преданными поклонниками-интеллектуалами – Жан-Полем Сартром и Симоной де Бовуар. Причина была элементарна: в то время образ Че мог попросту затмить собой образ «великого вождя кубинской революции», а этого Фидель – всегда прекрасно сознававший силу воздействия изображения на умы обывателей – просто не мог допустить.

По прошествии семи лет после того, как Корда столь удачно щелкнул затвором, когда Че благополучно почил в бозе и уже не мог представлять популярности «великого вождя» никакой угрозы, Фидель Кастро ловко отряхнул пыль с фотографии и залепил изображениями Гевары всю Кубу. Журналисты из разных стран заглотили наживку, что называется, вместе с крючком. Результат? Снимок превратился в символ, узнаваемый повсеместно, и стал самым растиражированным изображением в истории мировой фотографии.

Как сказали бы бывшие соратники Кастро – Фидель хвалит только мертвых.

Популярность Че Гевары и сейчас продолжает играть на руку режиму братьев Кастро. Однако заслуживает ли этот человек такого поклонения? Пусть каждый читатель ответит на этот вопрос для себя. Возможно, рассказы очевидцев помогут ему взглянуть на «партизана-героя» по-иному. В этой книге читатель найдет лишь необходимый минимум общеизвестных фактов, связывающих повествование воедино. Все остальное – это воспоминания людей, переживших революционный ад, а также малоизвестная либо вовсе старательно замалчиваемая официальными биографами информация. А без нее образ Че Гевары получается несколько однобоким, не так ли? Итак, постараемся восполнить эти пробелы, так тщательно вымаранные пропагандой.

На пути к революции: первые шаги. Порочное зачатие

Нет, Эрнесто Гевара не родился в берете с золотой звездой. Он не держал в руках карабин вместо погремушки. И первыми его словами были вовсе не «родина или смерть». Однако не следует забывать, что именно события детства и ранней юности накладывают наибольший отпечаток на всю дальнейшую жизнь человека. Каким же было детство Че, если он стал тем, кем стал?..

Эрнесто Рафаэль Гевара Линч де ла Серна – именно так полностью звали человека, позднее прославившегося под коротким, как щелчок затвора, прозвищем «Че» – родился в 1928 году в Росарио, одном из крупнейших городов Аргентины. Предки Эрнесто по отцу – род Гевара Линч – жили в Аргентине на протяжении последних двенадцати поколений. В стране эмигрантов, большинство из которых прибыло на ее земли лишь недавно, этот срок был достаточно долгим, чтобы происхождение семьи считалось аристократическим. Мать Эрнесто также принадлежала к знатному семейству, имевшему давние испанские корни и обширные земельные владения, что в Аргентине, несомненно, означало богатство.

По отцу Эрнесто унаследовал испанскую и ирландскую кровь. Его прадед, Патрик Линч, бежал из Британии в Испанию, а позже в Аргентину, где во второй половине XVIII века занял пост губернатора Рио-де-ла-Плата и вскоре превратился в одного из самых богатых людей всей Южной Америки. Среди предков Че по испанской ветви наличествовал даже сам вице-король Новой Испании – дон Педро Кастро-и-Фигероа (правда, его правление в середине XVIII века длилось всего год и пять дней). У него был сын Хоакин, сбежавший в Луизиану вместе с женой. Потомки Хоакина очутились в эпицентре золотой лихорадки в Сан-Франциско (один их них, к примеру, разводил крупный рогатый скот и продавал мясо искателям золота), а их правнуки, в свою очередь, столетием позже осели в Аргентине.

Много позже, говоря о беспокойной натуре Че Гевары, его отец – Эрнесто Гевара Линч – с гордостью заявлял: «В первую очередь нужно помнить о том, что в венах моего сына текла кровь ирландских мятежников и испанских конкистадоров». Однако пафос тут был вовсе не уместен, ведь сам Че отзывался о своих предках весьма пренебрежительно, утверждая, что те были «великими аргентинскими олигархами-скотоводами».

Что же касается самого Гевары Линча, то к моменту его

вступления во взрослую жизнь ему действительно оставалось гордиться разве что происхождением. Капиталы семьи к тому времени почти иссякли, и от отца (умершего, когда Эрнесто было девятнадцать) ему досталась лишь небольшая сумма денег. В возрасте двадцати семи лет, бросив колледж, где он изучал архитектуру и инженерное дело, Гевара Линч вложил почти все свои сбережения в небольшую судостроительную компанию.

Далеким предком матери Эрнесто был генерал Хосе де ла Серна – последний испанский вице-король Перу, потерпевший сокрушительное поражение в битве с войсками Антонио Хосе де Сукре при Аякучо, после которого наступил переломный момент в войне за независимость испанских колоний в Латинской Америке.

Селии, дочери Хуана Мартина де ла Серна и Эдельмиры Льоса, не исполнилось и двадцати одного года, когда она вышла замуж за Эрнесто Гевару Линча. На тот момент она была свежеиспеченной выпускницей престижной католической школы для девушек в Буэнос-Айресе. Родителей Селия потеряла в раннем детстве: дон Хуан умер вскоре после ее рождения (по словам одной из его внучек, он бросился с корабля в море, когда узнал, что болен сифилисом), а вслед за ним угасла и Эдельмира. Воспитанием Селии занялась ее старшая сестра, Кармен де ла Серна, которая в 1928 году вышла замуж за поэта-коммуниста Каэтано Кордова Итурбуру. Оба они были активными членами аргентинской коммунистической партии.

Селия, как и ее мать, получила классическое католическое образование в школе Св. сердца. Однако под влиянием радикальных и вольнодумных левых взглядов старшей сестры она превратилась в личность, довольно нетипичную для людей ее круга – антиклерикальную феминистку с социалистическими убеждениями. Во время разнообразных кампаний, проводимых аргентинскими женщинами в 20-е и 30-е годы, Селия организовывала в своем доме многочисленные встречи, и сохраняла независимое мировоззрение как до замужества, так и в браке до самой своей смерти в 1965 году. Позже Роберто Гевара, брат Че, вспоминал: «Мы были воспитаны в духе абсолютного антиклерикализма. В еще большей степени это касалось нашей матери. Она была ярой противницей церкви».

Семья Селии имела «целую кучу денег», как много раз безо всякого стеснения признавался ее муж. В наследство Селии досталась седьмая доля состояния отца и часть его земельных владений. Впоследствии оказалось, что прибыль с земель и деньги отца Селии были в семействе Гевара де ла Серна куда

более надежным источником доходов, чем очередные – по большей части неудачные – финансовые начинания главы дома.

Однако получить это наследство оказалось не так-то просто. Селия и Эрнесто еще не были женаты, когда молодому Геваре Линчу пришла в голову идея заделаться плантатором. Дела в судостроении шли с переменным успехом, но для Эрнесто этого было недостаточно. Душа его жаждала приключений и романтики; кроме того, он был полон решимости «пойти своим путем» и добиться успеха самостоятельно. Выбор его пал на траву мате – «зеленое золото», как называют иногда растение, из которого готовится этот знаменитый южноамериканский напиток. Лучшим местом для ее выращивания, по мнению Эрнесто, мог стать Мисьонес – северная провинция у границ Парагвая и Бразилии, на расстоянии в тысячу двести миль от Буэнос-Айреса, где в то время жили будущие супруги. Естественно, все это предприятие требовало значительных финансовых инвестиций, и Эрнесто рассчитывал, что деньги отца Селии лягут в основу его будущего капитала.

Так как Селия еще не была совершеннолетней, для того, чтобы выйти замуж и получить причитающуюся ей часть наследства, ей требовалось согласие всех членов семьи. Однако шестеро братьев и сестер девушки были, мягко говоря, не в восторге от этой затеи и совершенно не разделяли энтузиазма молодого Гевары Линча.

Отказ семейства не смутил парочку: в ответ они пригрозили сбежать к старшей сестре Селии и пожениться тайком. Их упрямство поколебало решимость родных Селии, которым в конце концов пришлось нехотя дать официальное согласие на брак.

Правда, до момента достижения совершеннолетия Селия все так же не могла вступить во владение наследством. Тем не менее молодые люди проявили чудеса настойчивости, и в итоге по решению суда девушка получила право распоряжаться частью денег отца – вполне достаточной для того, чтобы основать плантацию, которой бредил Эрнесто.

Они поженились 10 ноября 1927 года и практически сразу отбыли в девственные земли Мисьонеса. Там они приобрели пятьсот акров земли и построили дом, однако толком свыкнуться с новой ролью землевладельцев так и не успели. Селия была беременна, и это обстоятельство вынудило молодую пару переехать поближе к благам цивилизации, так как те джунгли, которые теперь были их домом, не обеспечивали должного комфорта и безопасности в столь деликатном положении. Семья перебралась ниже по течению реки Параны – в Росарио, третий по

величине город Аргентины. Здесь Селия родила своего первенца – на месяц раньше положенного срока.

То, что Эрнесто Гевара де ла Серна родился недоношенным, еще больше усложнило и без того щекотливую ситуацию. В большинстве источников датой рождения Че считается 14 июня 1928 года – что очень близко к истине, однако таковой не является. По свидетельству самого авторитетного биографа Че, Джона Ли Андерсона, о котором уже упоминалось выше, на самом деле Эрнесто родился месяцем раньше – 14 мая. Его родители, опасаясь скандала и осуждения со стороны обоих семейств, скрыли настоящую дату рождения ребенка – и, соответственно, дату его зачатия. Таким образом, выходит, что молодой человек, которому суждено было стать международным символом бунта и сопротивления, был, по сути, зачат вне брака. Еще и поэтому Мисьонес казался свежеиспеченным супругам таким привлекательным: в глуши, подальше от любопытных глаз, этот постыдный по тем временам факт легче было сохранить в тайне.

Эрнесто и Селия объявили семьям о появлении малыша на свет лишь тогда, когда тому исполнился месяц. Для пущего правдоподобия они попросили знакомого доктора подделать свидетельство о рождении, что и было сделано за небольшое вознаграждение.

Не успела Селия полностью оправиться от родов, как новорожденный Эрнестито подхватил бронхиальную пневмонию и, по словам его тетки, Эрсилии Гевары Линч, едва не умер. Эта болезнь стала своего рода предвестницей всех тех проблем с дыхательным аппаратом, которые преследовали Че до конца его жизни. Когда мать и сын наконец почувствовали себя лучше, семья вернулась в Мисьонес, где Эрнесто-старший принялся за тяжелую и кропотливую задачу по расчистке земли под первый урожай травы мате.

Однако карьера землевладельца дона Гевары Линча закончилась, едва успев начаться. Вскоре Селия забеременела снова, и в конце 1929 года семья приехала в Буэнос-Айрес, где родилась младшая сестра Че – Селия. В это время потребовалось срочное присутствие Гевары Линча на судостроительном заводе в Сан-Исидро. Компания терпела убытки, инвесторы покидали ее один за другим. Эрнесто делал все возможное, чтобы спасти предприятие, однако разрушительный пожар на судоверфи довершил череду неудач. Наследство Гевары Линча в буквальном смысле слова развеялось, как дым.

Несмотря на это, дон Гевара продолжал жить как ни в чем не бывало, без зазрения совести пользуясь доходами с родовых

имений жены. Именно тогда брак Эрнесто и Селии дал первую трещину. Причиной тому послужили не только финансовые неурядицы, но и романтические увлечения Эрнесто «на стороне». С того момента супруги начали постепенно отдаляться друг от друга. Их надеждам на возвращение в Мисьонес также не суждено было сбыться.

Болезненный ребенок

Однажды в мае 1930 года Селия отправилась поплавать на реку и взяла с собой двухлетнего Эрнестито. Вода была холодной, дул сильный ветер, и к вечеру у Эрнестито случился приступ сильного кашля. Ему был поставлен диагноз «астматический бронхит» и назначено обычное в таких случаях лечение, однако приступы только участились, иногда продолжаясь по нескольку дней. Вскоре стало очевидно, что у мальчика развилась хроническая астма. Лечение не приносило никаких результатов. С того злосчастного майского утра астма неотступно следовала за Эрнесто по пятам до конца его дней. Говорят, что даже одним из первых слов мальчика было «укол» – им он звал родителей, чувствуя надвигающийся приступ.

Дон Гевара Линч во всем винил жену, будучи уверенным, что именно купание в холодной реке стало причиной болезни сына. Хотя единственное, в чем Селию можно было упрекнуть, – это в плохой наследственности. Она сама страдала от астмы в детстве, и младшие сестры и братья Эрнестито также переживали ее приступы, пусть и не такие тяжелые. Пребывание в холодной воде и на ветру могло лишь обострить состояние ребенка, однако заболевание вызвало вовсе не оно. Тем не менее мужу успешно удалось внушить Селии глубочайшее чувство вины, которое в последующие годы лишь усугублялось, весьма своеобразно повлияв на становление отношений между матерью и старшим сыном.

О возвращении в душный и влажный климат Мисьонеса теперь не могло идти и речи. На протяжении пяти лет семья кочевала по Аргентине в поисках подходящего места, где Тете, как еще называли Эрнесто-младшего, мог бы если не избавиться от болезни, то хотя бы легче ее переносить. В конце концов Гевара де ла Серна осели в небольшом курортном городке Альта-Грасия у подножия горной цепи Сьерра-де-Кордова.

Поначалу они остановились в гостинице «Грот», но среди ее постояльцев было много лечившихся от туберкулеза, что не слишком благоприятно воздействовало на астматика Тете. Поэтому Гевара переехали в давно заброшенный дом с привидениями – виллу «Чичита», слухи о которой заставляли жителей Альта-Грасии обходить ее стороной. Затем семья переселилась в более просторный дом за меньшую плату, виллу «Нидия».

Чистый и сухой горный воздух провинции Кордова облегчил приступы астмы у Эрнестито, хоть и не стал для него панацеей.

Вскорости в Альта-Грасию перебрались мать дона Гевары Линча Анна-Исабель и незамужняя сестра Беатрис, вызвавшиеся помогать в уходе за Эрнестито.

Тем временем дела в семье шли не лучшим образом. В мае 1932 года родился Роберто, а в январе 1934 – Анна-Мария. Груз материальной ответственности, тяготевший над Эрнесто-старшим, все увеличивался, а надежного источника доходов он так и не приобрел. Мечты о плантации пришлось похоронить вместе с резким обвалом рыночных цен на мате; прибыль с поместий Селии упала в разы по той же причине. Вдобавок Геваре Линчу никак не удавалось найти в Альта-Грасии работу, а вернуться в Буэнос-Айрес он не мог из-за болезни сына. Несмотря на это, семья продолжала жить на широкую ногу, нанимать слуг и разъезжать по различным курортам. Растущее от чувства безысходности раздражение дон Гевара вымещал на супруге, и конфликты между ними становились все более частыми.

Отцом, надо сказать, он тоже был неважным. Порой он, конечно, мог поиграть с детьми (что они всегда встречали с бурным восторгом) или просидеть всю ночь у постели Тете, однако по большей части Гевара Линч оставался безучастным и равнодушным к потребностям своих отпрысков и семьи. Постоянное нахождение рядом с больным сыном и ухаживающими за ним родственниками неимоверно его раздражало и вгоняло в депрессию. Львиную долю свободного времени он проводил в отеле «Сьерра», а изредка подряжаясь на строительство домов в округе Альта-Грасии, и вовсе мог неделями не появляться дома. Таким образом, ответственность за организацию быта и воспитание детей практически полностью лежала на плечах Селии.

Поскольку из-за болезни Эрнестито не мог посещать школу, мать взялась за его обучение сама. Читать и писать он научился, сидя на ее коленях. Именно в этот период между ними возникла необычайно сильная эмоциональная связь – отразившаяся на всей их дальнейшей жизни, – в основе которой переплелись почти маниакальная опека, грызущее чувство вины и безграничное обожание.

Уже в детстве Тете проявлял настойчивость и упрямство, благодаря которым прославился позднее. Правда, делал он это довольно странным, граничащим с безумием способом. Его отец вспоминал, что, по совету врачей, у них под рукой всегда был большой баллон с кислородом, чтобы мальчик мог сделать вдох во время приступа. Но, по его словам, Эрнестито не желал становиться зависимым от этой процедуры. Он старался терпеть приступ как можно дольше, и лишь когда начинал совсем

задыхаться, а лицо его делалось лиловым, он корчился и показывал пальцем на рот. Кислород же моментально приносил ему облегчение. Из этого эпизода видно, что уже тогда Эрнесто предпочитал не искать легких путей, а терпеть до последнего, подвергая опасности собственную жизнь (а заодно и сводя с ума родных и близких), прежде чем окончательно сдаться.

Эрнестито, вынужденный проводить в постели иногда по нескольку дней кряду, не мог не пристраститься к чтению. Выучившись как следует читать, он начал глотать все подряд – от Стивенсона до Гарсии Лорки и от Сервантеса до Пабло Неруды. Впоследствии эта привычка сослужила ему плохую службу – но к этому мы еще вернемся.

Когда здоровье позволяло, Тете бросался в другую крайность. Футбол, настольный теннис, гольф, верховая езда, купание в горных ручьях и длительные прогулки по окрестным холмам – он словно пытался наверстать упущенное. Селия, будучи сама довольно рисковой натурой и движимая страстным желанием растить сына так, словно он ничем не отличался от других детей, поощряла его активные увлечения. Это было еще одним камнем преткновения между ней и мужем: дон Гевара Линч был уверен, что подобные энергичные занятия только вредят сыну, и упрекал Селию в безответственности.

Эти прямо противоположные взгляды на воспитание ребенка были очередным свидетельством растущего напряжения между Селией и Эрнесто. Оба родителя отличались взрывным характером и необузданным латиноамериканским темпераментом, и их бурные ссоры вскоре стали притчей во языцех среди соседей. Поводом для очередной стычки могла служить и нехватка денег, и – что случалось все чаще – неприкрытые заигрывания Гевары Линча с другими женщинами.

Когда Эрнестито исполнилось девять, администрация школы потребовала, чтобы ребенок начал наконец посещать занятия. Селия отпустила его неохотно, зная, что из-за астмы он все равно не сможет ходить на уроки регулярно. Школьные учителя позже вспоминали, что Тете был «непослушным, озорным ребенком, который не блистал на уроках, однако на игровой площадке проявлял лидерские качества».

Эрнестито любил прихвастнуть и порисоваться перед сверстниками, и никогда не упускал случая выкинуть какую-нибудь штуку: выпить на спор бутылочку чернил, подбросить петарду в соседний класс или попросту сжевать кусок мела, отвечая у доски. Однажды, предвидя неминуемое возмездие после очередной безумной выходки, Тете заранее засунул в брюки угольный брикет, так что учительница, доведенная до отчаяния и

вынужденная прибегнуть к телесному наказанию, едва не сломала руку. Он был заводилой в банде таких же, как он, сорвиголов, и их игры частенько превращались в локальные стихийные бедствия: например, играя на заднем дворе дома Гевара, они несколько раз умудрились устроить небольшой пожар. Отец часто грозил Эрнестито переводом в католическую школу, где священники строже следили за дисциплиной и где наказания были более ощутимыми, но угрозу так не исполнил.

Именно в школе Тете впервые столкнулся с тем, что называется социальным неравенством. Из-за закона об обязательном начальном образовании школы в Альта-Грасии принимали всех детей без разбору, невзирая на материальное положение – и внезапно Эрнестито оказался среди сверстников из бедных и практически нищих семей. Для него, до этого росшего в «тепличных» условиях, сам факт существования детей, которым повезло в жизни меньше, чем ему, оказался сродни шоку. Этот опыт, вне всякого сомнения, оказал огромное влияние на всю его дальнейшую жизнь.

Эль Локо

В последующие годы люди в Альта-Грасии с удивлением отмечали, что Эрнестито гораздо охотнее общается со сверстниками из бедных семей, чем с детьми «своего сословия». За столом в доме Гевара собирались дети со всей округи, причем многие были из самых убогих районов города, зачастую – настоящие оборванцы-беспризорники. Мать Тете воспринимала это спокойно: чем больше было ртов, тем меньше становились порции за обедом, только и всего; у нее и в мыслях не было, что таким образом она как-то обделяет собственных детей.

Среди жителей города Гевара де ла Серна также выделялись своими религиозными взглядами – точнее, их полным отсутствием. Бабушка Эрнестито Анна-Исабель была атеисткой, и в таком же русле растила своих детей и внуков. Селия перестала ходить на службы, едва окончив католическую школу. Когда Тете под давлением властей был вынужден все же отправиться на учебу, его родители настояли, чтобы он – равно как позднее его братья и сестры – был освобожден от уроков религии. В городе, где жители в подавляющем большинстве были примерными прихожанами католической церкви, такое поведение не могло не вызвать осуждения. Тем более что репутация четы Гевара и без того была далеко не безупречной – благодаря их «богемному» образу жизни, частым размолвкам и любовным интрижкам главы семейства. Ко всему прочему Селия коротко стриглась, прилюдно курила, была первой женщиной в городке, надевшей брюки и севшей за руль автомобиля, а в ее доме постоянно собирались поборницы феминистического движения, зарождавшегося в те годы в Аргентине.

В семье Гевара каждый делал, что ему заблагорассудится. В доме царил беспорядок и было страшно грязно, притом все члены семьи находили такое положение вещей вполне приемлемым. Старая горничная Кармен, прибираясь у кузин Кордова – детей сестры Селии, при виде клоков пыли горестно всплескивала руками: «Вы только поглядите, грязища, словно дома у Гевара!»

Тем временем Тете старался компенсировать потерянное время, проведенное взаперти в борьбе с приступами болезни. В Альта-Грасии он начал играть в футбол. В городке было две футбольные команды: в одну входили те, кто посещал церковь, в другую – те, кто не делал этого. Эрнесто вместе с братом Роберто играли за команду антиклерикалов.

Тете словно стремился взять реванш. По словам его матери,

он хотел доказать, что в состоянии совершить невозможное. Чтобы добиться лучших результатов в плавании, Эрнестито интенсивно тренировался в бассейне за отелем «Сьерра». Там его часто можно было увидеть во второй половине дня, он продолжал тренировки после уроков физкультуры в школе. Тщеславие заставило его приналечь и на другой вид спорта – настольный теннис, хоть особой тяги к нему Эрнестито не испытывал. Ему просто нестерпимо было видеть, как чемпионом Альта-Грасии в соревнованиях, проводившихся в местной гостинице, раз за разом становился некий юнец по имени Родольфо Руарте. В подвале дома он соорудил теннисный стол и с поистине маниакальным упорством упражнялся там в полном одиночестве. Обыграв Руарте, он вскоре потерял к теннису интерес.

В это время, во многом под влиянием отца, у Эрнестито впервые проснулся интерес к политике – естественно, на том уровне, на каком политикой может интересоваться ребенок. Во время Чакской войны между Парагваем и Боливией, которые в 1932–1935 годах сражались за обладание областью Гран-Чако (как ошибочно тогда считалось, там находилось перспективное месторождение нефти), Гевара Линч пристально следил за развитием конфликта и делился наблюдениями с детьми. Что касается Боливии, то отец Тете всегда считал тамошнего главнокомандующего – генерала Ганса Кундта – форменным нацистом. Симпатии Гевары Линча были на стороне его парагвайского противника, генерала Хосе Феликсу Эстигаррибиа. Тот был выпускником военной школы Сен-Сир и воевал на стороне Франции в Первой мировой войне. Неудивительно, что вскоре дети начали с упоением играть «в войнушку», предварительно делясь на «парагвайцев» и «боливийцев».

Осознание серьезности и опасности военных сражений пришло к Эрнестито немного позже, во время гражданской войны в Испании (1936–1939 годы). С приходом к власти генерала Франсиско Франко в Альта-Грасию начали прибывать испанские беженцы. Дети Гевара подружились с детьми из некоторых таких семей, и далекая заокеанская война, таким образом, начала приобретать личностный характер. К тому же в доме Гевара поселилась сестра Селии Кармен. Муж Кармен, поэт Каэтано Кордова Итурбуру, коммунист до мозга костей, наблюдал за ходом войны на месте. Он был откомандирован в Испанию в качестве военного корреспондента от столичной газеты «Критика» – этот печатный орган был одним из немногих, поддерживавших испанское правительство в деле борьбы против мятежного генерала Франко. Его репортажи с места событий, которые Кармен читала семье вслух, производили на Тете

неизгладимое впечатление. Жестокие подробности рассказов о военных действиях он готов был слушать часами, притом больше всего интересовался количеством убитых и искалеченных с обеих сторон. Раздобыв карту Испании, он начал размечать ее крохотными флажками, строил план осады Мадрида с помощью оловянных солдатиков, следил за динамикой событий и пытался самостоятельно разобраться в стратегии и тактике республиканской и фашистской армий. Война стала неотъемлемой частью детских игр: во дворе разворачивались нешуточные баталии с применением вполне полноценного оружия – палок, орехов, рогаток и камней, поэтому нередко Эрнестито и его братья после такой игры бывали покрыты синяками и ссадинами и хромали по нескольку дней. Однажды в пылу битвы Роберто даже чуть не сломал Тете ногу.

Дон Гевара Линч сформировал в округе группу, поддерживавшую республиканцев, одной из задач которой была помощь беженцам. Когда началась Вторая мировая война, он направил свои политические усилия на поддержку антигитлеровской коалиции и стал членом антифашистской организации «Аксьон Аргентина». Тогда же его старший сын – несомненно, подражая отцу – вступил в юношеское подразделение этого объединения. Опасаясь нападения нацистов на Аргентину, Гевара Линч выступал на публике с речами, предупреждавшими сограждан о возможной опасности. Он шпионил за немецким поселением неподалеку от Альта-Грасии, заявляя, что видел, как немцы выполняют упражнения по военной подготовке с деревянными винтовками. (Немецкие офицеры и матросы были интернированы в Аргентину после того, как экипаж сам заминировал опрокинувшийся в заливе Ла-Платы крейсер «Адмирал граф Шпее», уходя от британского военного флота.) Позиция же официальной Аргентины была куда более сдержанной: страна сохраняла нейтралитет до тех пор, пока скорое поражение Германии не стало очевидным.

К концу Второй мировой войны Эрнестито из маленького симпатичного мальчика превратился в неуклюжего подростка. Пойдя в гимназию в четырнадцать лет, он выглядел слишком худым и малорослым для своего возраста. Большинство учеников гимназии носило длинные волосы. Эрнесто же всегда стригся коротко, чем заслужил кличку *Пеладо* (Лысый). Правда, проносил он ее недолго.

Гимназия, куда он был зачислен вместе с сестрой, находилась в Кордове – втором по величине городе Аргентины, и первое время детям приходилось ежедневно преодолевать 35 километров из Альта-Грасии до Кордовы, чтобы попасть на учебу. Вскоре

семья приняла логичное решение перебраться туда.

Они поселились в большом обветшавшем доме, который стоял в опасном соседстве с глубоким оврагом. Порой рядом с домом показывались крупные ящерицы, пугая детей до полусмерти. Отец отодвигал детские кровати от стен – на случай, если тем вдруг вздумается обвалиться. Во время дождя древняя крыша частенько протекала.

Позднее финансовые дела как будто пошли на лад: дон Гевара Линч нашел в городе партнера, с которым основал строительную фирму. Однако брак Эрнесто и Селии трещал по всем швам. В 1943 году на свет появился их пятый ребенок – Хуан-Мартин, но постоянные измены Гевары Линча делали их совместную жизнь невыносимой. Более того, большую часть денег, которые начал зарабатывать Гевара, он тратил не на семью, а на женщин, с которыми проводил время. Разойтись они не могли, несмотря на бессмысленность и мучительность дальнейшего притворства: разводы в Аргентине в то время были еще запрещены законом. Чтобы не сойти с ума, Селия цеплялась за последнюю спасительную мысль, будто они делают это ради детей… но в самом ли деле подобная домашняя атмосфера способствовала сохранению их душевного спокойствия? Весьма сомнительно.

Гимназиста Эрнесто Гевару едва ли можно было назвать прилежным учеником. Его одноклассники вспоминали, что он мог заявиться на урок, совершенно не имея при этом представления о домашнем задании.

Зато он продолжал всячески демонстрировать страсть к спорту, из всех видов которого выбрал, пожалуй, чуть ли не самый брутальный – регби. Вскоре он прослыл отчаянным игроком, на поле проявляя жестокость, граничащую со свирепостью. Сломя голову несясь на противников, он орал: «С дороги, идет Неистовый Серна!» Правда, большую часть времени он играл в защите, так как астма не позволяла ему долго бегать.

Большинство матчей по регби происходило на территории теннисного клуба в Кордове. Именно там юный Гевара познакомился с двумя братьями – Томасом и Альберто Гранадо. С младшим, Томасом, Тете дружил, будучи подростком. Альберто же, который был на шесть лет старше, стал его закадычным другом в пору ранней юности.

Кроме того, Эрнестито любил настольный теннис и стрельбу по мишени, которой он нередко занимался с отцом (к слову, управляться с револьвером Тете научился, когда ему еще не было пяти). В перерывах между тренировками он, как и в детстве,

запоем читал – Дюма, Стейнбека, Бодлера, постепенно переключаясь на все более специфическую литературу, к примеру, труды психоаналитиков Зигмунда Фрейда и Карла Густава Юнга.

Вопреки ожиданиям, астма с возрастом не отступила, а продолжала терзать Тете, вызывая серьезную тревогу у его родителей. В борьбе с болезнью были испробованы все методы, даже самые нетрадиционные: мешочки с песком в постели, все мыслимые и немыслимые виды травяных настоев, и даже лечение гипнозом. Эрнестито кололи кальций, натирали все тело вазелином. Одежда, мебель, погода, температура – практически вся окружающая среда была взята под контроль. В доме заменили подушки и матрасы, купили льняное и нейлоновое белье вместо хлопкового, сняли занавески и убрали ковры, но симптомы никуда не исчезали. Тете были запрещены любые контакты с кошками, собаками и птицами. Правда, однажды кто-то из доброжелателей посоветовал Геваре Линчу положить на ночь в постель Эрнестито живого кота – мол, от этого у мальчика выработается иммунитет. «Процедура» закончилась плачевно для обеих сторон: ночью кот сдох, а у Тете разыгрался новый приступ астмы.

Детство Эрнесто совпало со временем бурных потрясений для Аргентины. Чтобы позволить читателю лучше ориентироваться в событиях и тенденциях, дадим небольшую зарисовку исторического фона, на котором происходили все вышеописанные события.

В 1928 году президентом был избран Иполито Иригойен. Правил он недолго – всего около двух лет. В сентябре 1930 года объединенными усилиями гражданских лидеров Национально-демократической (бывшей Консервативной) партии, высших офицеров и отделившейся от Радикальной партии оппозиции президент был свергнут. Предлогом для совершения государственного переворота послужила неспособность Иригойена руководить страной в условиях экономического кризиса. Во главе правительства встал генерал Хосе Феликс Урибуру. Будучи сторонником авторитарной власти, он предпринял попытку установить фашистскую диктатуру – которая, впрочем, не увенчалась успехом.

В 1931 году противники генерала из числа военных вынудили его назначить выборы. Основными конкурентами правящей коалиции стали прогрессивные демократы и социалисты, которые выступили совместно, поскольку Радикальной партии принимать участие в выборах было запрещено. Победа в 1932 году досталась генералу Агустину Педро Хусто – радикалу, пользовавшемуся

поддержкой консерваторов. Когда срок его полномочий истек, коалиция выдвинула на президентский пост собственного кандидата – Роберто Марселино Ортиса; на пост же вице-президента – Рамона Кастильо из консерваторов. В 1938 году, несмотря на неоднократные сообщения о фальсификации результатов, была провозглашена их победа на выборах.

Ортис пользовался широкой поддержкой населения, поскольку впервые после революции 1930 года сделал попытку исправить многочисленные нарушения законности, которыми грешили его предшественники. Однако, пробыв на посту президента в течение двух лет, он передал исполнительную власть Рамону Кастильо, так как состояние здоровья вынудило его отстраниться от активной политической деятельности. Официально вступив в должность после смерти Ортиса в 1942 году, Кастильо занимал ее вплоть до военного переворота, который случился 4 июня 1943 года.

Когда началась Вторая мировая война, победы нацистов были встречены многими аргентинскими офицерами с энтузиазмом. Аргентинцы, не знавшие ужасов нацизма, во многом сочувствовали Гитлеру. Только на рубеже 1943–1944 годов к высшим военным чинам Аргентины пришло понимание, что Германия не сможет выиграть войну. Благосклонность армии к государствам «оси» для президента Кастильо оказалась роковой. Несмотря на искреннее восхищение личностями Франсиско Франко и Бенито Муссолини, в первые годы войны он непреложно соблюдал политику нейтралитета. Ставя верность Национально-демократической партии превыше всего, он не стал оспаривать ее решение о выдвижении Робустиано Патрона Костаса в качестве его преемника. Казалось, что поддержка Кастильо непременно обеспечит Патрону Костасу победу.

Однако 4 июня Кастильо был свергнут в результате военного переворота. В отличие от событий 1930 года гражданские лица практически не принимали в нем участия. События полностью находились под контролем военных. Правительство, состоявшее почти исключительно из военных, возглавил генерал Педро Пабло Рамирес. Он распустил Национальный конгресс, прежде контролируемый радикалами и социалистами, ввел в стране жесточайшую цензуру, приказал арестовать многих политических деятелей, принадлежавших к различным партиям. Кроме того, многие неправительственные общественные организации (особенно те, что были связаны с рабочим движением) были взяты под жесточайший контроль правительства.

То, что новый режим не будет пользоваться популярностью среди жителей Аргентины, стало очевидно уже через несколько

месяцев. По стране прокатилась волна протестов – это была вполне предсказуемая реакция на произвол правительства. Группа офицеров, возглавляемая полковником Хуаном Доминго Пероном (который в то время руководил Министерством труда и одновременно исполнял функции секретаря министра обороны), решила завоевать поддержку населения. Проведя переговоры с лидерами рабочего движения, эта группа развернула широкую программу социальных преобразований, целью которой было улучшение положения трудящихся.

В ноябре 1943 года Перон занял пост министра труда и социального обеспечения. С этого момента в жизнь стал проводиться новый курс. Перон всячески поощрял развитие профсоюзного движения, требуя от предпринимателей соблюдения норм трудового законодательства и признания профсоюзов. К маю 1944-го Перона уже поддерживало большинство профсоюзов, входивших во Всеобщую конфедерацию труда. Забастовки и другие проявления активности оппозиционного рабочего движения жестоко подавлялись режимом.

Перон воспользовался растущей поддержкой рабочих, чтобы упрочить свое положение в правительстве. В январе 1944 года группа Перона вынудила президента Рамиреса покинуть пост под предлогом того, что тот прекратил дипломатические отношения со странами гитлеровского блока. На его место был назначен генерал Эдельмиро Фаррель. Перон сделался вице-президентом и министром обороны; пост министра труда был также сохранен за ним. За последующие полтора года Перон фактически стал главой военного правительства.

Противники же режима подвергались жестоким гонениям. Правительственные декреты, принятые в конце 1943 года, узаконили временные ограничения свободы слова и печати. Все политические партии объявлялись вне закона. Профсоюзных и политических деятелей, несогласных с режимом, заключали в тюрьмы, отправляли в концентрационные лагеря или высылали из страны. В государственных школах были введены обязательные дисциплины по религиозному воспитанию, чтобы обеспечить режиму поддержку католической церкви.

К середине 1945 года временное правительство начало предпринимать первые шаги по восстановлению конституционного строя. Свобода печати и слова была на какое-то время восстановлена, перонисты объявили амнистию и разрешили политические партии. Эти послабления были восприняты оппозицией всерьез, и в конце сентября она организовала массовый марш протеста. Правительство Перона

вновь принялось «закручивать гайки». И все же Перон был арестован группой оппозиционно настроенных военных.

С 9 по 17 октября правительства в Аргентине фактически не было. Оппозиционные партии не желали войти в его состав до тех пор, пока Фаррель занимает пост президента. Вместе с тем приверженцы Перона из рабочих и *«descamisados»* («безрубашечников» или попросту «оборванцев») захватили практически весь Буэнос-Айрес. Через 8 дней, 17 октября, Перон вновь вернулся к власти.

Семья Гевара, как и другие представители высшего класса Аргентины, относилась к Перону весьма скептически. Мало того, что он был выскочкой из простого народа без роду-племени, так еще и, побывав в Риме в роли военного атташе, он нахватался там фашистских идей. Мать Эрнесто, как и подобает женщине с либеральными взглядами, даже организовала в Кордове – прямо в центре города, на площади Сан-Мартин – акцию протеста против Перона. Ее немедленно задержали, но скорее ради ее же собственной безопасности. Арестовавшие Селию полицейские обругали ее на чем свет стоит, а капитан караула терпеливо объяснил, что сеньору Гевара практически спасли от линчевания.

Во время периода «закручивания гаек» в 1943 году в Кордове, как и во многих других городах, преподаватели и студенты организовывали акции протеста (предлогом было введение в программу обязательных религиозных дисциплин), и многие из них были арестованы. Среди них оказался Альберто Гранадо, старший друг Эрнестито. Проходили недели, но арестованных не выпускали на свободу. Тогда студенты и ученики средних школ прошли маршем по улицам Кордовы, требуя их освобождения.

На удивление, пятнадцатилетнего Эрнесто среди них не было. Он считал, что демонстрация была несерьезным и бесполезным мероприятием, и заявил, что в жизни не вышел бы на улицу без револьвера. Слова эти, как окажется впоследствии, были пророческими. В действительности, чтобы стать по-настоящему «политически активным» (проще говоря, самому взять в руки оружие), Эрнесто потребовалось пройти долгий путь. Многие его одноклассники вспоминали, что политикой он практически не интересовался. Любопытству, которое он проявлял в детстве, выстраивая в шеренги оловянных солдатиков, нужно было больше времени, чтобы перерасти в «сознательную гражданскую позицию». Позже сам Че напишет: «В юности социальные проблемы меня нисколько не волновали, и ни в студенческих забастовках, ни в политической жизни Аргентины я не участвовал».

В подростковом возрасте к Эрнесто прилепилась новая

кличка: *эль Локо* – Сумасшедший. Его пристрастие к всевозможным проделкам и безрассудным выходкам только упрочилось. Пройтись по тонкой балке над ущельем; спрыгнуть с высокой скалы в реку; проехать на велосипеде вдоль опасных железнодорожных путей… В юного Эрнесто словно вселился бес.

В 1945 году, однако, Эрнесто стал все больше интересоваться философией и несколько утихомирился, начав заниматься самоанализом. Из читателя он постепенно стал превращаться в «писателя»: целые блокноты были исписаны у него изречениями выдающихся, по его мнению, мыслителей на тему любви, вечности, смерти и морали. Аристотель, Фрейд, Маркс, Гитлер, Ницше, Уэллс, Ленин, Франко, Геббельс, Сталин… Легко представить, какой хаос из идей и мировоззрений царил в голове впечатлительного подростка. Позже Че Гевара признавался, что мало что понимал из сочинений Маркса или Ленина, однако совершенно очевидно, что прочитанное накрепко засело в его подсознании, так или иначе формируя его дальнейшую линию поведения.

Пока же Эрнесто, как и многие его сверстники, готовился к поступлению в университет, решив изучать инженерное дело, и радовался первой серьезной работе – настоящей, оплачиваемой, которую ему удалось получить в муниципальной службе Кордовы (первым его заданием была проверка качества дорожных материалов в городке Вилла-Мария). Однако последующие события заставили его изменить эти планы.

Судьбоносные встречи

Вместе с Альберто Гранадо, более известным по кличке Миаль, в течение восьми месяцев с января по август 1952 года Эрнесто Гевара путешествовал по Латинской Америке: Чили, Перу, Венесуэла, Колумбия. Предыстория дружбы Эрнесто Гевары и Альберто Гранадо такова.

В свое время Миаль, закончив фармацевтический факультет университета, решил посвятить себя лечению проказы. Проработав в университетских лабораториях еще три года, он стал доктором биохимии и с 1945 года перешел на работу в лепрозорий, расположенный неподалеку от Кордовы. За несколько лет до этого он через своего брата Томаса и познакомился с Эрнесто Геварой, которому на тот момент было 13 лет и который учился с Томасом в одном классе. Завязалась дружба, Альберто Гранадо стал частым гостем в семье Эрнесто, где пользовался богатейшей библиотекой.

Именно под влиянием Миаля молодой Эрнесто и решил продолжить учебу на медицинском факультете университета в Буэнос-Айресе. Однако в то время семья будущего революционера уже испытывала финансовые сложности, и Эрнесто время от времени подрабатывал библиотекарем. Летом же он навещал Гранадо в лепрозории, подрабатывая там медбратом, а заодно – помогая другу в изучении новых методик лечения больных.

И вот в один из этих приездов, в сентябре 1951 года, Миаль и предложил младшему товарищу отправиться в путешествие по всей Южной Америке. Цель была благородной: посетить лепрозории беднейших стран континента, ознакомиться с достижениями тамошних врачей и, в свою очередь, ознакомить их с собственным опытом по лечению проказы. В идеале планировалось написать об этом путешествии книгу.

Как бы то ни было, но Эрнесто принял это предложение на ура. Тем более что родители его не возражали, однако поставили условие: не позже чем через год сдать все выпускные экзамены в университете.

В путь друзья отправились в предпоследний день 1951 года, нагрузив старенький мотоцикл Гранадо разными полезными и не очень полезными предметами: палатка, одеяла, спиртовка, фотоаппарат, с десяток килограммов одежды и обуви и даже автоматический пистолет. По дороге заехали с прощальным визитом к Чинчине. Девушка расплакалась, дала Эрнесто 15 долларов, наказав купить нарядное платье с кружевами ручной работы.

Миаль потом вспоминал – мол, нас больше ничего не задерживало в Аргентине, и мы отправились в Чили – ближайшую страну, что лежала на нашем пути. Проехали провинцию Мендоса, откуда происходили далекие предки Че, посетили несколько гасиенд, посмотрели, как укрощают диких лошадей и как живут гаучо.

Затем друзья круто повернули на юг – ведь горные перевалы были непроходимыми для старенького мотоцикла Гранадо. С мотоциклом, кстати, пришлось сильно помучиться: он постоянно ломался, а нужных запчастей в убогих андских селениях достать было невозможно в принципе. Путешественники не столько ехали на нем, сколько тащили его на себе через горные перевалы.

Денег было мало – ни о каких придорожных мотелях не могло быть и речи. Путешественники перебивались случайным заработком: мыли в забегаловках посуду, лечили местных крестьян, чинили радиоприемники, подрабатывали носильщиками или грузчиками.

Наконец, 18 февраля 1952 года молодые врачи прибыли в чилийский город Темуко. Местная газетка тут же опубликовала статью о двух мужественных аргентинских лепрологах. Неподалеку от Сантьяго мотоцикл сломался окончательно, и его пришлось оставить. Дальнейший путь пришлось преодолевать на попутках, пешком и даже «зайцем» на пароходах. В Перу, ставшей следующим пунктом путешествия, молодые врачи остановились на несколько недель. В Куско молодой Эрнесто неожиданно увлекся книгами об империи инков – все свободное время он проводил в библиотеке. И потому визит на развалины древней столицы Мачу-Пикчу был вполне предсказуем. Друзья расположились на площадке для человеческих жертвоприношений, пили мате и фантазировали.

Миаль потом часто вспоминал разговор с Эрнесто – мол, давай тут останемся, я женюсь на индианке из древнего знатного рода и стану правителем Перу, а тебя назначу премьером. И вот тогда, мол, мы с тобой и совершим величайшую социальную революцию! На что Эрнесто посмотрел на друга очень внимательно и ответил буквально следующее:

– Ты псих, Миаль! Неужели непонятно, что революцию без стрельбы не делают?!

Их путь лежал через сельву. Молодые люди соорудили плот, на котором по Амазонке планировали добраться до колумбийского порта Летисия. Однако по роковому стечению обстоятельств путешественники проскочили Летисию. Пришлось покупать лодку и возвращаться, но уже по бразильской

территории. Тут произошел курьез: молодые люди выглядели уставшими, оборванными и грязными, и потому сразу угодили в тюрьму. Однако местный начальник полиции оказался футбольным фанатом, к тому же он симпатизировал сборной Аргентины. Выяснив, что путешественники как раз оттуда, он предложил Эрнесто – мол, тренируй нашу команду, и тогда я сниму с вас все претензии. Спустя несколько недель команда городка выиграла районный чемпионат, и восторженные болельщики купили аргентинцам билет на самолет до Боготы. А уж оттуда с самыми разнообразными приключениями добрались до Каракаса – столицы Венесуэлы.

В Каракасе Гранадо получил выгодное предложение – за 800 долларов в месяц поработать в местном лепрозории. Каковое и принял. Так что дальше Эрнесто путешествовал в одиночку. Уже в Буэнос-Айресе он случайно встретил дальнего родственника – торговца лошадьми, приняв его предложение стать сопровождающим «живой груз» в США.

Так Эрнесто оказался в Майами. Там он действительно купил Чинчине обещанное кружевное платье, и в августе 1952 года благополучно вернулся домой, защитил диплом по проблемам аллергии и получил диплом доктора в области дерматологии.

И тут Эрнесто получил повестку в армию. Служить, даже на не слишком обременительной должности офицера-медика, он не желал. А потому решил симулировать болезнь, а попросту говоря, «откосить». По нескольку часов кряду лежал в ледяной воде, прикладывал ко лбу колотый лед, ходил по холодной земле босиком. Астма, которая вроде бы отпустила молодого человека несколько лет назад, вновь дала о себе знать. Медицинская комиссия признала молодого дерматолога негодным к военной службе, и Эрнесто решил, от греха подальше, покинуть родину.

Спустя несколько недель он вновь отправился в венесуэльский лепрозорий в Каракасе к Гранадо, однако по разным причинам встреча не состоялась, и судьба вновь свела молодых врачей лишь в начале шестидесятых годов, и не в Венесуэле, а на Кубе…

Второе путешествие по Латинской Америке

Второе путешествие по Латинской Америке мало чем отличалось от первого. Разве что путешествовал Эрнесто в основном самостоятельно и с куда большим комфортом – не на мотоцикле, а поездом и на автобусах.

Первым большим городом на пути Гевары стал боливийский Ла-Пас. В Боливии на тот момент произошла очередная «национальная революция». Народная милиции, организованная новым президентом Пас Эстансоро, контролировала страну. Милиция эта, составленная из шахтеров, крестьян, а зачастую и просто городских люмпенов, очень подозрительно относилась ко всем без исключения иностранцам, однако Эрнесто не трогали: все-таки он был врач с революционными убеждениями. К тому же у него были рекомендательные письма от влиятельных людей, которые симпатизировали Пас Эстансоро. А потому молодой человек путешествовал по стране относительно свободно: объехал озеро Титикака, горные селения индейцев и шахтерские поселки. Молодой доктор даже встретился с членами нового революционного правительства и несколько недель давал консультации по всем возможным вопросам: информации, культуры и даже аграрной реформы.

Далее была Колумбия, где Эрнесто вновь едва не арестовали, и Гватемала, где правительство нового президента Арбениса провело через парламент закон об экспроприации 554 гектаров земли у местных латифундистов и 160 тысяч гектаров угодий – у американской корпорации «Юнайтед фрут». Страна бурлила, недовольные латифундисты готовили сопротивление, и Гевара посчитал за лучшее уехать в Панаму, а уж оттуда – в Сан-Хосе (Коста-Рика).

Недолгое проживание в Сан-Хосе стало богатым на самые разные знакомства, которые во многом и сформировали взгляды Эрнесто. Гевара познакомился с венесуэльским политиком и будущем президентом страны Ромуло Бетанкуром; с этим человеком он резко и навсегда разошелся во взглядах, о чем со свойственной ему экспрессией и заявил. Не завязалась дружба и с писателем из Доминиканы Хуаном Бошем, кстати – тоже будущим президентом своей страны.

А вот кубинцев – противников Батисты – в Сан-Хосе было много, и большинство из них стали приятелями молодого врача.

Следующим пунктом маршрута стала Гватемала. Тут

кубинская диаспора была представлена еще шире, чем в Коста-Рике. Именно в Гватемале Эрнесто и познакомился со сторонниками Фиделя Кастро: Антонио Лопес Фернандесом (Нико), Марио Дальмау, Дарио Лопасом. Эти люди в дальнейшем и стали участниками похода на яхте «Гранма». К сожалению для Эрнесто, в Гватемале у него закончились деньги. Устроиться врачом в индейскую общину не получалось – правительство Гватемалы потребовало пройти процедуру подтверждения аргентинского диплома, которая бы растянулась минимум на год. Гевара несколько месяцев перебивался случайными заработками – грузчиком, продавцом газет, разносчиком мелкой розницы.

В июне 1954 года неожиданно началась война между Гондурасом и Гватемалой. Вооруженные группы массово потекли через границу из соседней страны, начались бомбежки столицы. Аргентинец Эрнесто, бывший в стране гостем, тут же вырвался в район боев и призвал к партизанской войне. К Эрнесто отправился посол Аргентины, чтобы усовестить – мол, своими неразумными действиями ты можешь спровоцировать серьезный конфликт с нашей страной. И лишь после поражения Гватемалы молодой Эрнесто с огромным трудом выехал из страны в Мехико…

В тот раз ему очень крупно повезло.

Жизнь в Мехико

В мексиканской столице Эрнесто поселился на квартире пуэрто-риканского революционера Хуана Хуарбэ – активиста Националистической партии, выступавшей за полную независимость Пуэрто-Рико. Националистическая партия к тому времени была запрещена в стране из-за учиненной стрельбы в конгрессе США. Денег у Гевары не было, и единственным источником существования стала уличная фотография. Он купил фотоаппарат и контрабандно делал снимки. Печатать фотографии помогал один сочувствующий, владелец полуподпольной фотолаборатории.

Однако уличной фотографией невозможно было заработать на жизнь, и Эрнесто решил заняться журналистикой. По горячим впечатлениям жизни в Гватемале была написана статья «Я своими глазами видел свержение Арбениса». Но из-за радикальных оценок ни одно мексиканское издание не рискнуло ее опубликовать. Правда, вскоре Эрнесто крупно повезло: в одной из клиник мексиканской столицы освободилось место врача, и выпускника медицинского факультета университета Буэнос-Айреса взяли на это место, правда – «с испытательным сроком».

Примерно в это же время из Гватемалы приехала невеста Че, Ильда Гадеа. Молодые поженились. 15 февраля 1956 года Ильда родила дочь, которую и назвали в честь матери Ильдитой.

Однако отец занимался ею мало – в его голове уже отстраивался план экспедиции на Кубу…

Подготовка экспедиции на Кубу

О нападении на казармы «Монкада» Эрнесто узнал в июне 1955 года. В городскую больницу, где Эрнесто был дежурным врачом, пришли на консультацию два кубинца, притом в одном из них доктор с удивлением признал Ньико Лопеса, знакомого еще по Гватемале. Кубинцы и поведали, что революционеры, совершившие нападение на воинскую часть, уже освобождены из каторжной тюрьмы на острове Пинос. Вдохновленные амнистией революционеры теперь массово потянулись в Мехико, чтобы готовить новую национально-освободительную экспедицию.

Спустя несколько недель состоялась первая встреча Эрнесто Гевары с Раулем Кастро – теперешним кубинским лидером. Раулю молодой врач очень понравился: харизматичный, пылкий, готовый умереть – настоящий революционер!

В это самое время Фидель, находясь в США, собирал среди кубинских эмигрантов деньги на революцию. Во время нью-йоркского митинга против Батисты, безусловного союзника США, Фидель заявил: мол, к Новому году мы все или обретем свободу, или станем великими мучениками!

Судьбоносная для Кубы и всей Латинской Америки встреча Фиделя Кастро и Эрнесто Че Гевары произошла в доме Марии-Антонии Гонсалес, где революционеры при полном попустительстве мексиканских властей организовали конспиративную квартиру. На встрече очень эмоционально обсуждалась стратегия высадки на Кубу. Обсуждение шло всю ночь. Об Эрнесто бородатый Фидель уже знал от брата Рауля – последний дал ему необычайно высокую характеристику. И уже к утру Гевара был безоговорочно зачислен в отряд революционеров.

Любопытная деталь: приблизительно в это же время в родной для Эрнесто стране произошел очередной военный переворот, в результате которого ненавистный всем Перон наконец был свергнут. Как следствие, была объявлена амнистия. Проживавшие в Мехико аргентинцы предложили Геваре вернуться на родину: мол, теперь нет никаких препятствий для того, чтобы построить там нормальное цивилизованное общество. Более того – переходное правительство Аргентины даже настаивало на возвращении в страну всех эмигрантов.

Эрнесто отказался: свобода Кубы почему-то была для него дороже…

Тем временем кубинские эмигранты, почти не встречая противодействия властей, взялись за поиски оружия для будущей экспедиции. Терпение полиции истекло. 22 июня 1956 года был

арестован Фидель Кастро. В тот же день на конспиративной квартире Марии Антонии Гонсалес была устроена засада, где арестовывали всех входящих. Списки арестованных, куда попал и Эрнесто Че Гевара, были опубликованы в мексиканских газетах, притом самого Эрнесто мексиканская пресса охарактеризовала как «международного коммунистического агитатора»; его поведение в Гватемале не осталось незамеченным.

Однако, как это часто бывает в латиноамериканских странах, за арестованных тут же вступились многочисленные «левые». Ходатайство об амнистии подписали бывший президент Ласеро Карденис, бывший военно-морской министр Эриберта Хара, лидер рабочих профсоюзов Ломбарде Толедано, всемирно известные художники левых взглядов Альфаро Сикейрос и Диего Ривера…

Фидель и Рауль Кастро, а также практически все арестованные были тут же освобождены из-под стражи и, окрыленные солидарностью, сразу взялись за старое – сбор средств и покупку оружия. А вот Гевара и кубинец Галиксто Гарсия были обвинены в нелегальном въезде в страну, и разбирательство по их делу затянулось. В общей сложности Гевара пробыл в мексиканской тюрьме всего лишь 57 дней, притом сидел там не в камере для уголовников, а в более «привилегированной». Тюремного он не ел, никаких пыток и издевательств, присущих мексиканским тюрьмам, не переносил… Что не мешало Эрнесто при всяком удобном случае рассказывать о том, что здоровье он подорвал как раз в мексиканской тюрьме.

Тем временем подготовка к освободительной экспедиции на Кубу шла полным ходом. Полицейские власти наверняка знали об этом, однако теперь кубинцев почти не трогали – градус давления значительно снизился. По всей стране в небольших лагерях шла подготовка бойцов. Собранных в кубинской диаспоре денег хватило на приобретение у шведского этнографа Вернера Грина небольшой яхты «Гранма» – Фидель отдал за нее 12 тысяч долларов. Вскоре, однако, мексиканская полиция наконец осознала всю пикантность ситуации: ведь у них под носом происходила подготовка, по сути, террористических групп, которые собирались сместить президента соседнего государства. К тому же информация о лагерях боевиков просочилась в мексиканскую прессу.

Приготовления пришлось форсировать. Вскоре кубинцы сосредоточились в порту Туспан, что в Мексиканском заливе, где у причала уже стояла «Гранма». Высадка революционеров, мечтавших об освобождении Кубы, должна была начаться через несколько дней. Счастливый Эрнесто Че Гевара с потертым

медицинским саквояжем на такси подъехал к дому жены, поцеловал спящую дочь и на всякий случай написал прощальное письмо родителям: мол, если умру – то знаю, за что!

Извилистый путь к «партизану-герою»

Самая известная книга Че называется «Партизанская война», а его знаменитая фотография в берете обычно сопровождается подписью «героический партизан». Биографический фильм, позже снятый в Голливуде, так и называется – «Партизан».

Однако самое громкое поражение он потерпел именно в качестве бойца-партизана. Не существует ни одной записи, ни одного документально зафиксированного свидетельства друзей или врагов, подтверждающего его победу в каком-нибудь бою. Ничтожно мало даже отчетов о том, что он *вообще принимал участие* в чем-либо, мало-мальски напоминающем классическое сражение.

Если бы Эрнесто Гевара не познакомился в Гватемале в 1954 году с кубинским маргиналом по имени Нико Лопес, который позже в Мехико свел его с Раулем Кастро и его братом Фиделем – он, возможно, до конца жизни бы бродяжничал, сидел на шее у женщин, спал в ночлежках и пописывал дрянные стихи. В зрелом возрасте он, возможно, взялся бы за ум, скопил денег и открыл бы частную клинику или придорожную забегаловку. Ведь у него была молодая жена и дочь, которым по большому счету было глубоко наплевать и на Кубу, и на Батисту. А каждый порядочный мужчина должен кормить семью, а не бросать ее ради освобождения каких-то голодранцев…

Как бы то ни было, но Фидель Кастро назначил нового друга врачом в повстанческой армии (на основании его липовых рекомендаций) перед вторжением на Кубу. Во время переправки по бурным волнам Карибского моря от полуострова Юкатан до кубинской провинции Ориенте на дряхлой яхте *«Гранма»* один из повстанцев случайно обнаружил Гевару лежащим в каюте без сознания. Он бросился к командиру: «Фидель, похоже, Че мертв!»

«Ну, если он и правда мертв, то выбросьте его за борт», – безразлично пожал плечами Кастро. Однако у Гевары был лишь приступ астмы, усугубленный морской болезнью, и поэтому он остался на борту.

Боевое крещение

Даже на берегу состояние Гевары улучшилось не сразу. Был момент, когда он объявил, задыхаясь: «Доктор! Мне кажется, я умираю!» И это «доктор» Эрнесто Че Гевара говорил своему товарищу-повстанцу (и, по совместительству, настоящему врачу) Фаустино Пересу во время их кубинского боевого крещения.

Тремя днями ранее повстанцы Кастро высадились на Кубе, приплыв на *«Гранма»* из Мексики. Кубинская армия, загодя предупрежденная крестьянами, которые, похоже, не желали признавать их самозваных освободителей, устроила на них засаду возле тростникового поля в местечке под названием Алегрия-дель-Пио.

В опубликованных в Гаване дневниках Че (которые являются основным источником информации для большинства биографов и журналистов) он использует несколько иную терминологию в связи с инцидентом. Так же, как Джон Уэйн в «Песках Иводзимы», Че вспоминает свои собственные слова: «Я ранен!» Но Че Гевара не был бы собой, если бы остановился на простой констатации факта. Он продолжил фонтанировать дальше: «Фаустино, продолжая отстреливаться, посмотрел на меня… но в его глазах я мог прочесть, что он уже считал меня мертвым… Я немедленно начал обдумывать лучший способ умереть, так как все, казалось, было потеряно. Я вспомнил старую историю Джека Лондона, где герой, понимая, что он обречен замерзнуть в снегах Аляски, спокойно опирается о дерево и готовится умереть с достоинством. Это было единственное, что пришло мне на ум в тот момент. Я тоже хотел умереть с достоинством, как литературный герой».

На самом деле Фаустино Перес позже рассказывал, что он чуть было не покалечился сам. Однако причиной тому стала бы не шальная пуля, а душивший его смех, от которого Перес чуть не лопнул. Выражение лица Че было непередаваемо, и особенно оно контрастировало с «тяжестью» его ранения. «Это же просто царапина! – воскликнул Перес. – Идите уже, ничего страшного». Пуля едва задела шею Че около затылка.

А что же Фидель? Услышав первые выстрелы в ответ на свое славное восстание, этот великий главнокомандующий исчез, бросив своих людей на произвол судьбы. Городская легенда гласит, что будущий «лидер максимо» бежал от перестрелки – продираясь сквозь заросли сахарного тростника, перепрыгивая через колючие кусты, уворачиваясь от деревьев – так долго и с такой впечатляющей скоростью, что невольно возникает мысль: возможно, истинным его призванием, так некстати упущенным,

была игра в высшей бейсбольной лиге…

Ни один из его людей, в том числе Че, не видел Кастро до конца дня. Но в середине ночи, отшагав пешком много километров, Фаустино Перес услышал неуверенный голос: «Синьор Перес? Синьор Перес?..» И из тростника вышел Фидель Кастро в сопровождении своего телохранителя, Универсо Санчеса. «Позже я узнал, что Фидель безуспешно пытался собрать всех на прилегающем к месту битвы поле тростника», – писал непоколебимый в вере Фиделю Гевара в своих дневниках. Учитывая длину и ширину кубинских тростниковых полей в этом районе, слово «прилегающий» вполне подходит для обозначения места, даже удаленного на пять километров.

Через несколько недель после этой стычки, когда в подчинении Фиделя Кастро находилась лишь жалкая обтрепанная кучка из десятка «повстанцев» в горах Сьерра-Маэстра, к нему прибыло несколько богатых горожан, поддерживавших восстание. «Что мы можем сделать? – спросили они. – Как мы можем помочь славному восстанию против негодяя Батисты, этого выскочки-мулата? Мы можем выписать вам несколько чеков. Мы можем купить вам оружие. Мы можем привлечь больше людей. Скажите, Фидель, что мы можем сделать, чтобы помочь?»

«Все, что мне пока нужно – это корреспондент *«Нью-Йорк таймс»* . Раздобудьте мне его», – ответил Кастро».

Остальное – это уже история. Благодаря связям Кастро телефонные линии вскоре гудели от Сантьяго до Гаваны и от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса. Эксперт *«Нью-Йорк таймс»* по Латинской Америке Герберт Мэтьюз с блокнотом, диктофоном и камерами был препровожден в лагерь повстанцев Кастро. Фидель превозносился на первых страницах самых престижных газет в мире как латиноамериканский Робин Гуд. В следующем месяце компания *Си-би-эс* отправила на Кубу съемочную группу. Два года спустя Кастро уже был диктатором Кубы, расстреливавшим сотни политических заключенных в неделю и бросавшим в тюрьмы тысячи. И все это время газеты по всему миру продолжали именовать его «кубинским Джорджем Вашингтоном».

Кастро и Че не удалось организовать успешное военное вторжение. Они вторглись на Кубу с потоками чернил на кончиках журналистских перьев.

Настоящие дневники Че

Осенью 1958 года, двигаясь из гор Сьерры в восточной части Кубы в центральную провинцию Лас-Вильяс, колонна Че умудрилась наткнуться на отряд Сельской гвардии Кубы численностью в двадцать человек, который тут же открыл огонь по мятежникам. Группа Че во главе с ним самим в панике разбежалась, едва услышав первые выстрелы. В полном замешательстве они бежали от группы обычных фермеров, которую превосходили количеством в четыре раза. В испуге бравые *герильеро*с бросили даже два украденных грузовика с оружием.

«Мы нашли личный дневник и записные книжки Че Гевары в одном из грузовых автомобилей», – вспоминает лейтенант кубинских ВВС Карлос Лазо, который совершал рекогносцировочный полет над районом и увидел стычку Сельской гвардии с колонной Че. Вид разведсамолета лейтенанта Лазо в значительной степени усугубил панику среди членов отряда и ускорил и без того поспешное бегство. Пухлые тома произведений Гевары и его биографов почему-то обходят молчанием этот увлекательный военный инцидент.

Как ни странно, записные книжки и дневники, найденные Лазо, кардинально отличаются от «Дневников Че», «Секретных документов революционера» и «Воспоминаний о Кубинской революционной войне», позднее опубликованных правительством Кастро за подписью Че Гевары, с апологетическим предисловием самого Фиделя Кастро. Это был как раз тот переломный момент, когда в официальные исторические исследования стал проникать яд пропаганды и начал создаваться миф о героическом партизане Че. С одной стороны, историки имели доступ к массе конфиденциальных записей, захваченных после поспешного бегства Гевары. С другой стороны, режим под оглушительный рев фанфар публиковал «официальные дневники и воспоминания Че». И какие же документы послужили исходным материалом для пытливых журналистов *«Нью-Йорк таймс»* и прилежных биографов Че? Пропагандистские, конечно.

«Эти личные записные книжки и дневники, которые мы нашли в грузовике Гевары, подтвердили все, что мы уже говорили о нем, – сообщает Лазо. – Во-первых, Гевара жаловался, что его отряд не получает абсолютно никакой помощи от сельских жителей, которые, по его словам, были латифундистами (крупными землевладельцами). Первая часть была правдой, сельские жители в основном избегали их. Вторая часть явно не

соответствовала действительности. Они вовсе не были богатыми землевладельцами. Они были просто мелкими земельными собственниками, а значит, антикоммунистами – ведь обобществления собственной земли они явно не желали. Этого было достаточно для Че, чтобы наметить их в качестве будущих жертв. Я видел в этом дневнике имена нескольких мальчиков – одному из них было семнадцать лет, другому восемнадцать – с пометкой «расстрелять». Они не были «военными преступниками» ни в одном из смыслов этого определения. Они были просто сельскими мальчиками, которые отказались сотрудничать с Геварой. Я думаю, это действительно сильно раздражало его. Вскоре после победы восстания их схватили и казнили как «военных преступников».

Корреспонденты *«Нью-Йорк таймс», «Лук»* и *Си-би-эс* не присутствовали при этих убийствах. Даже те, кого повстанцы называли «военными преступниками», зачастую были просто кубинскими военнослужащими, которые осмелились защищаться и стрелять в ответ. Однако когда они действительно воспринимали слова присяги всерьез, когда они на самом деле – как велел им долг – преследовали повстанцев Че, боролись с ними и наносили большие потери… что ж, тогда приспешники Че охотились за ними с особым рвением. Лейтенант Орландо Энризо был одним из таких. «Они называли нас военными преступниками Батисты, – вспоминает Энризо сегодня, находясь в Майами. – Прежде всего я не имел ничего общего с Батистой, он мне даже не нравился. Чеки, если на то пошло, он мне не выписывал. Я и большинство моих товарищей-военных считали себя членами Конституционной армии Кубы».

«Повстанцы Кастро, находившиеся под коммунистическим руководством, сами далеко не все были коммунистами – их просто обманули. Они начали устраивать на нас засады, убивать наших людей в казармах, разрушать дороги и мосты, терроризировать деревни – и мы должны были приветствовать их с распростертыми объятиями? Только не я, – говорит Энризо. – Я боролся с ними. Позже, будучи в изгнании, я встретил нескольких экс-мятежников, которые прямо рассказали мне, что люди Че убивали крестьян за отказ от сотрудничества или за подозрение в доносительстве – да за что угодно. И во всем этом они тут же спешили обвинить нас».

И, конечно, в то время средства массовой информации – как в Соединенных Штатах, так и на Кубе – верили словам повстанцев о том, что убийцами были люди из кубинской армии, почище Евангелия. Кастро и его приспешники пользовались тогда неограниченным доверием журналистов.

«Да, я признаю это, – говорит Энризо. – Я сражался с повстанцами изо всех сил. Я стрелял во время боя, когда противники стреляли в нас. Я преследовал их.

Я чертовски горжусь тем, что моя совесть чиста. Пусть биографы Че продолжают сколько угодно называть меня военным преступником и даже убийцей. Я не убил *никого* . Сколько повстанцев – я уж не говорю про Че – может похвастаться тем же самым?»

Че не смог забыть нападение лейтенанта Энризо на его «колонну». «Я знал, что на нас уже были расставлены сети после победы повстанцев, и поэтому бежал в Майами», – говорит Энризо. Как и большинство кубинских эмигрантов того времени, Энризо ожидал, что его изгнание не продлится долго. Однажды, вскоре после того как он прибыл в Майами, лейтенант Энризо наткнулся в закусочной на двух мужчин, которые были повстанцами Кастро. «Вот тот человек, которого мы так долго искали!» – воскликнули они, окружая Энризо. Че Гевара самолично послал этих людей в Майами с особой миссией – похитить Орландо Энризо и притащить его обратно на Кубу для эффектного показательного процесса и публичного расстрела. Похожий судебный процесс состоялся в феврале 1959 года над командиром кубинской армии Хесусом Соса Бланко, на который была приглашена международная пресса. Будущие похитители поспешили выразить Геваре свое восхищение полученным заданием.

«О, они были очень рады этому распоряжению, – говорит Энризо, – потому что оно позволило им наконец сломя голову бежать с Кубы, что они планировали уже давно, но не могли придумать, как. Эти ребята до сих пор живут здесь, в Майами. Мы друзья».

Соратник Энризо, лейтенант Лазо, обнаружил много интересного в личных документах Че. Практически каждый человек, упомянутый Геварой в записных книжках, был известным членом кубинской коммунистической партии. Компартия Кубы действовала в лучших традициях сталинизма и рабски следовала указаниям из Москвы. Но и по сей день, попробуйте только сказать, что повстанцы Кастро получали поддержку коммунистов или сами были коммунистами – и господствующие научные круги Европы и Америки заклеймят вас позором как ненормального.

Все они в один голос станут утверждать, что исключительно «произвол янки» толкнул колеблющихся Кастро и Че в объятия Советского Союза. Эта стена сопротивления истине оказалась более прочной, чем бетон и сталь Берлинской стены. Ее не

пошатнули даже полвека противоположных доказательств, в том числе рассекреченные советские документы, в которых Рауль Кастро числится надежным агентом КГБ с 1953 года. Этот миф продолжает существовать, несмотря на множество красноречивых подробностей – как, например, тот факт, что, когда Че Гевара был арестован в Мехико в 1956 году, в его кошельке была найдена визитка местного агента КГБ Николая Леонова, который в то время находился в Мексике якобы как журналист.

В общем и целом документы Лазо, несмотря на свою огромную ценность в деле установления истины, не имеют ни малейшего значения для научных кругов, ведущих СМИ и других апологетов режима.

«Война с США – мое истинное предназначение», – писал Кастро своему доверенному лицу в начале 1958 года.

Правительство Батисты предоставило все данные, найденные в личных записях Гевары, правительству США. Это не помогло. Правительство США продолжало придерживаться жесткой политики в отношении эмбарго на поставку оружия режиму Батисты, в то время как почти все без исключения американские СМИ до небес превозносили Кастро.

Битва за Санта-Клару

Самым известным военным подвигом Че в качестве кубинского *команданте* была «Битва за Санта-Клару» – противостояние в декабре 1958 года, которое вынудило Батисту утратить надежду и бежать с Кубы. «Тысячи убитых в течение пяти дней ожесточенных уличных боев», – гремел заголовок *«Нью-Йорк таймс»* от 4 января 1959 года к статье о битве. «Командующий Че Гевара обратился к войскам Батисты с призывом к временному перемирию, чтобы очистить улицы от убитых и раненых, – говорилось в статье. – Гевара переломил ход кровавой битвы и сократил число противников на три тысячи человек».

«Санта-Клара стала полем кровавой битвы, – пишет Джон Ли Андерсон. – Сражения велись на улицах. Стреляли танки, самолеты сбрасывали бомбы… В больницах росло число жертв – как со стороны гражданского населения, так и партизан».

Изгнанники, которые были в Санта-Кларе, рассказывают совсем другую историю. «Я был там, – вспоминает Мануэль Серейхо. – Я жил в Санта-Кларе. Конечно, какая-то перестрелка велась, но на самом деле люди выходили на улицы, чтобы увидеть шоу. Из того, что я помню, в общей сложности погибло два мирных жителя и два или три повстанца».

На самом деле битва за Санта-Клару – вопреки раздутому вокруг нее шуму – была всего лишь несерьезной перестрелкой. Репортеры *«Нью-Йорк таймс»* по-прежнему находились под очарованием харизматической личности Кастро и писали про битву в соответствующем тоне, хотя в действительности никого из них на месте событий не было. На какие же еще «безупречные» источники опирался Андерсон? Вдова Че и режим Кастро, через тридцать лет после свершившегося факта – весьма непредвзято, не так ли?.. Сам Че Гевара в собственном дневнике упоминает, что его колонна потеряла лишь одного солдата в этом «свирепом бою». Другие источники указывают, что общий итог потерь повстанцев колебался в пределах от трех до пяти человек. Большинство солдат Батисты не видели причин бороться за непопулярный режим, который был явно обречен, поэтому они даже не пытались стрелять – даже те из них, кто был на знаменитом «бронепоезде», который Гевара якобы атаковал и захватил.

«Че вел огонь по всем вражеским позициям, но основное внимание сосредоточил на бронепоезде, – пишет вечно благоговеющий Андерсон, который затем ссылается на дневники

Че, опубликованные в Гаване. – Люди были вынуждены покинуть поезд под ударами «коктейля Молотова»… Поезд стал настоящим пеклом для солдат», – утверждает он.

На самом деле эти люди были «вынуждены покинуть поезд», потому что Че дал взятку их командиру еще до того, как был произведен хотя бы один выстрел – не говоря уже о забрасывании «коктейлем Молотова».

Сегодня этот бронированный поезд служит главной достопримечательностью Санта-Клары. Поезд с 373 вооруженными солдатами и боеприпасами стоимостью четыре миллиона долларов был отправлен из Гаваны в Санта-Клару в конце декабря верховным командованием Батисты в последней отчаянной попытке остановить повстанцев.

Повстанцы Че в Санта-Кларе разобрали пути, и поезд сошел с рельсов недалеко от города.

Тогда повстанцы пару раз выстрелили в поезд, а солдаты открыли довольно вялый ответный огонь. В результате «битвы» никто не пострадал. Вскоре несколько повстанцев, размахивая белым флагом, приблизились к поезду, и один из офицеров, Энрике Гомес, вышел к ним навстречу. Гомеса привели к команданте Че.

«Что здесь происходит?! – закричал Гевара. – Мы так не договаривались!»

Гомес был озадачен. «Договаривались?» – перепросил он.

Оказалось, что без ведома военных поезд и все его вооружение было *продано* Геваре в честной и справедливой сделке его командиром, полковником Флорентино Росселем, который в тот момент уже со всех ног улепетывал в Майами. Цена сделки, по данным разных источников, варьируется от трехсот пятидесяти тысяч до миллиона долларов США. «Весь захват поезда был спектаклем, разыгранным специально на камеры, – говорит Мануэль Серейхо. – Поезд уже был продан Че без единого выстрела с любой из сторон. Гевара приказал немного отогнать поезд назад, чтобы они могли проехаться по путям бульдозером, а потом устроить зрелищное его крушение под прицелом фотоаппаратов».

Похоже, Гевара наконец начал учиться у Фиделя, как надо вести «партизанскую войну». И вдруг – настоящие *выстрелы* ? Против его войск? Естественно, у Че были все основания для расстройства. Вот еще один рассказ очевидца известного «вторжения Че» в провинцию Лас-Вильяс незадолго до знаменитой «битвы при Санта-Кларе».

«Колонна Гевары без долгих церемоний завалилась прямиком на американскую сельскохозяйственную опытную станцию в

Камагуэе. Гевара попросил менеджера Джо Магуайра, чтобы тот распорядился передать командующему войсками Батисты в этом городе некий пакет. В пакете оказалось сто тысяч долларов, сопровождаемых запиской.

Вскоре солдаты Гевары продвигались через провинцию практически на глазах войск Батисты, которые не проявляли к ним никакого интереса».

Франсиско Родригес Тамайо был капитаном повстанцев, дезертировавшим через пару месяцев после повстанческой победы. Он лично присутствовал при заключении многих подобных сделок.

В статье в *«Диарио де Нуэва-Йорк»* от 25 июня 1959 года он заявил, что на момент победы революции у Кастро все еще оставалось четыре с половиной миллиона долларов в этом «фонде». «Я не знаю, что позже случилось с этими деньгами», – добавляет Родригес Тамайо.

«Кастро держал деньги в джутовых мешках в его лагере, – вспоминает бывший мятежник Хосе Бенитес. – Я лично видел мешки, под завязку набитые песо».

В январе 1959 года люди Че арестовали полковника армии Батисты по имени Дуэнас в его кабинете в Камагуэе. «Что здесь происходит? – протестовал возмущенный полковник. – Да вы должны оказывать мне всяческое уважение! Я тот, кто позволил вам пересечь эту провинцию без единого выстрела! Спросите самого Фиделя! Он подтвердит!»

Тем не менее сразу после заварушки в Санта-Кларе Че приказал казнить двадцать семь солдат Батисты как «военных преступников».

Чувство благодарности никогда не было его сильной стороной. Доктор Серафин Руис в то время действовал в качестве агента Кастро в Санта-Кларе – однако, по-видимому, был он человеком порядочным.

«Но, команданте, – ответил он на распоряжение Че, – наша революция обещает не казнить без суда, без доказательств. Как же мы можем просто?..»

«Послушайте, Серафин, – фыркнул Че. – Если ваши буржуазные предрассудки не позволяют вам выполнять мои приказы, хорошо. Идите и допросите их завтра утром – но расстреляйте их *сейчас* !» Возможно, Гевара любил Льюиса Кэрролла так же, как Кафку, и на ум ему пришла знаменитая реплика Королевы Червей из «Алисы в стране чудес»: *«Сначала казнь, приговор потом!»*

«Когда повсюду окружает смерть, цепляться за жизнь – это нормальная человеческая реакция, и даже Че не был застрахован

от этого инстинкта», – утверждает агиограф Че Андерсон, имея в виду действия Гевары во время чуть ли не «сталинградоподобной» битвы за Санта-Клару.

На самом деле единственной смертью, окружавшей Че, был шквал казней без суда и следствия против его будущих врагов. «Черт, да ведь Че утопил этот город в крови! – воскликнул его соратник Камило Сьенфуэгос, проходя через Санта-Клару. – Кажется, что тела расстрелянных валяются буквально в каждом углу!»

Проявлением того, что Че «цеплялся за жизнь», было, видимо, и решение променять невзрачную жену-перуанку Ильду Гадеа на новую пассию, элегантную блондинку с Кубы Алейду Марч. В то время официальные лица в посольстве США на Кубе довольно скептически взирали на сообщения *«Нью-Йорк таймс»* и *Си-би-эс* о кровопролитных боях и небывалом героизме. Американские чиновники стали искать более надежные сводки новостей и рассказы очевидцев о том, что *«Нью-Йорк таймс»* подавало как кровавую гражданскую войну с тысячами погибших в каждом сражении. Они обнаружили, что во всей сельской местности Кубы за эти два года «свирепых» боев между силами повстанцев и войсками Батисты общие потери с *обеих* сторон на самом деле составили примерно сто восемьдесят человек.

В своем личном дневнике сам Че Гевара оценивает общий итог потерь своих сил за все два года «гражданской войны» на Кубе в *двадцать* человек. Примерно столько же умирает во время карнавала в Рио-де-Жанейро каждый год. Короче говоря, за все это время армия Батисты едва ударила палец о палец.

Волк в овечьей шкуре

Во время испанской гражданской войны сталинисты пытались обезопасить свое будущее правление, разделавшись со своими левыми союзниками. Эта бойня началась задолго до того, как появилась хотя бы надежда на победу над общим врагом – правым генералом Франко. Спустя лишь год после начала этой войны испанские сталинисты уже кучами сваливали трупы анархистов, троцкистов и социалистов в братские могилы – каждый с пулевым отверстием в затылке. Этот левый сброд некоторое время был полезен в качестве пушечного мяса. Но к 1937 году пришло время навести в доме порядок.

Одним левым, чудом избежавшим расправы, был Джордж Оруэлл, который записался добровольцем в антифранкистскую анархистскую милицию и был ранен в бою.

В отличие от других литераторов (тут приходит на ум вечно неистовствующий Эрнест Хемингуэй, военные заслуги которого были минимальны) Оруэлл действительно поступил на службу в испанские республиканские войска и сражался – долго, упорно и смело. В его опусе «Памяти Каталонии» рассказана вся эта история. Оруэлл тайно бежал из Испании – и очень вовремя: эскадроны смерти уже плотно сидели у него на хвосте.

Существует достаточно доказательств того, что Эрнесто Че Гевара был весьма послушным орудием в подобной резне кубинских антикоммунистов и некоммунистов во время антибатистовского восстания. «По каким-то причинам, – вспоминает потом бывший повстанец Ларри Дейли, – из наших рядов постоянно исчезали известные антикоммунисты. Колонна Че почти не участвовала в сражениях на марше из Сьерры в Лас-Вильяс и Санта-Клару. Дорогу ей расчищала другая колонна под руководством командира повстанцев Хайме Веги, который был известен как убежденный противник коммунизма.

Отряд Веги постоянно натыкался на засады кубинской армии и попадал под обстрел с воздуха, неся довольно тяжелые потери (относительно других отрядов, конечно). Мы подозреваем, что Кастро и Че специально подставляли их, тем или иным образом сообщая вражеским силам об их местонахождении».

Шлейф подобного вероломства и предательств тянется за кастровцами от Гаваны до Сантьяго. Некоторые из известных повстанцев-антикоммунистов были казнены самими повстанцами; другие, как Франк Паис и Рене Латур, то и дело наталкивались на войска или полицию Батисты и попадали в засаду, или же умирали в стычках и перестрелках, где большинство коммунистов

каким-то чудом выживало. Однажды отряд Батисты без особых усилий захватил целое судно под названием *«Коринфия»* , на котором из Флориды в провинцию Ориенте плыло восемьдесят антибатистовских повстанцев. Видит бог, такая смертоносная эффективность была вовсе не характерна для большей части армии Батисты. Экипаж *«Коринфии»* целиком состоял из некоммунистов и не имел каких бы то ни было связей с Кастро – но, вероятно, среди них находились его агенты. Снова подстава? Многие антибатистовцы того времени сильно подозревали, что так оно и было.

Чуть ранее, в Сьерре, храбрый и известный антикоммунист по имени Армандо Каньисарес крупно повздорил с Геварой в его лагере.

Они не сходились во мнении по поводу недавнего вторжения советских войск в Венгрию. «Че был всеми руками за», – вспоминает Хулио, брат Армандо, который также был повстанцем и стал свидетелем стычки. «Советы имели на это полное право. Более того, вторгнуться в Венгрию было их долгом! – заявил Че. – Венгерские повстанцы были фашистами! Агентами ЦРУ!» – и все в том же духе. Это звучало так, будто он на память декламировал сводки из *«Правды»* или ТАСС. Мы уставились на него в изумлении.

Конечно, в настоящее время не может показаться странным то, что Че Гевара цитировал отрывки из коммунистических пропагандистских газет, – говорит Хулио. – Но не забывайте о том, что в 1957 году Кастро и все лидеры повстанцев в один голос утверждали, что они антикоммунисты, продемократы и так далее. И многие из нас, рядовых, действительно были антикоммунистами.

Таким образом, выступление Гевары застало нас врасплох. Армандо, споря с Геварой, распалялся все больше и больше. Я видел выражение его лица. Он не мог поверить, что этот аргентинский парень (а все это происходило на заре революции, Че тогда еще не был знаменитым *команданте*) с пеной у рта защищал неприкрытую агрессию и ужасную резню венгров, которые боролись лишь за свою свободу и национальную независимость – что, по нашему мнению, делали в то время и мы. Армандо сделал шаг назад, и я увидел, что он сжимает кулаки. Он готовился ударить Гевару – да что там, он готов был проломить ему череп!

Тогда я вмешался и попросил Армандо отойти. Но он был так взвинчен, что мне пришлось схватить его за руку и силой оттащить от Гевары. Через некоторое время после того, как мы немного остыли, еще один солдат-повстанец подошел и шепнул

нам, что лучше бы нам убраться отсюда – и побыстрее. Мы действительно ушли от Гевары, но по-прежнему продолжали сражаться против Батисты».

После победы революции братья Каньисарес в ярости наблюдали, как Че и Кастро постепенно реализуют свои скрытые планы по коммунизации Кубы. Они оба поехали в Соединенные Штаты и вскоре вернулись на остров с карабинами в руках – в залив Кочинос. Там Армандо отдал свою жизнь за свободу Кубы, израсходовав последний патрон. Где похоронен Армандо Каньисарес, его семья не знает и по сей день.

«Мы должны создать всего одну объединенную команду, с одним главным команданте, – заявил Гевара изумленным боливийским партизанам вскоре после того, как он проник в эту страну, чтобы начать свою партизанскую войну. – Так мы делали на Кубе. Глава партизан должен принять все меры, которые *полностью* обеспечат его будущий контроль над властью. Мы должны начать с уничтожения любых других революционных групп, которые существуют вне нашего контроля. Пока что мы можем использовать другие группы, чтобы с их помощью избавиться от главного противника. Но это не означает, что после победы мы должны делиться с ними властью. Кубинский опыт в этом деле весьма эффективен, поэтому он действует для всего континента».

Хижина для прессы

Одно время казалось, что в горах Кубы было больше журналистов, чем партизан и солдат. Наступил момент, когда на одну из лачуг в «партизанском лагере» Кастро в Сьерра-Маэстре пришлось водрузить табличку «Хижина для прессы», чтобы разместить там орду репортеров, которые к тому же притащили в горы свои фотоаппараты, осветительные приборы, звуковую аппаратуру и грим.

Глава отдела по связям с общественностью при посольстве США в Гаване, Ричард Кушинг, даже служил неофициальным гидом для толпы американских репортеров, которые валом валили в Сьерру, чтобы взять интервью у кубинских повстанцев.

В марте 1957 года компания *Си-би-эс* отправила в Сьерру с микрофонами и камерами двух корреспондентов, Роберта Тэйбера и Уэндела Хоффмана. Они должны были взять интервью у Кастро и его «воинов». Результатом этой командировки стала «История о бойцах кубинских джунглей» – захватывающий и драматический новостной «сериал», который шел в прайм-тайм на американском телевидении.

Для справки: в строго ботаническом смысле слова на Кубе нет никаких «джунглей», «бойцов» в то время насчитывалось около двух десятков (хотя *«Нью-Йорк таймс»* и *Си-би-эс* говорили о «сотнях»), а сама «борьба» до этого времени сводилась к немногочисленным засадам и убийствам солдат Батисты – как правило, в то время, когда те спали в своих деревенских казармах.

Вообще говоря, лавры изобретателя гениальной системы подкупа армии Батисты принадлежат вовсе не Че Геваре, а Фиделю Кастро. И то, как он раздувал мелкие стычки до масштабов карибского Сталинграда в интервью восторженным журналистам – тоже школа Фиделя.

Как-то раз один из повстанцев, который не видел Кастро со времени их совместного пребывания в Мексике, встретился с ним в его горном лагере. «Господи Иисусе! – выпалил он. – Какой же ты стал толстый! Когда ты умудрился столько набрать?..»

Видимо, он не понимал, что вся «изматывающая партизанская война» Кастро на самом деле была типичнейшим латиноамериканским карнавалом и непрекращающейся пирушкой.

Что же было источником этих средств? Они поступали от богатых политических противников Батисты, одураченных Фиделем. Как он убедил этих трезвомыслящих предпринимателей

профинансировать свое «Движение 26 июля»? Говоря с ними на языке «демократии и процветания».

В конце 1957 года Кастро подписал соглашение под названием «Пакт Майами» с несколькими антибатистовскими кубинскими политиками и экс-министрами, бывшими в то время в изгнании. И политики, и экс-министры были отвержены от политики. Им никто не запрещал заниматься бизнесом, в том числе и на Кубе. Однако этим тщеславным людям хотелось большего, и они, словно дети, купились на обещание Фиделя, что «после революции их пожертвования будут вознаграждены сторицей». Сделка, как оказалось впоследствии, принесла выгоду только Кастро…

Че Гевара, который никогда не был в состоянии постичь всей тонкости схем и замыслов Кастро, обрушился на «Пакт Майами» с яростью, осуждая его как позорное соглашение с «буржуазными элементами». «Я отказываюсь бесчестить свое имя и подписываться под этим преступлением! – писал он. – Наши повстанческие задницы поимели в самом отвратительном акте мужеложства за всю историю Кубы!» Че недооценивал коварство Кастро, принимая *опозоривших* за *опозоренных* .

То, что Батиста был свергнут в результате «партизанской войны» при «поддержке крестьян и рабочих» – это один из самых распространенных и стойких академических мифов века. Но никто из участвовавших в ней кастровцев на самом деле в это не верил – за исключением, конечно же, самого Че Гевары. Репортажи агентства *Ассошиэйтед Пресс* о «войне» Кастро и Че были на самом деле выдуманы и состряпаны собственным агентом Кастро в Нью-Йорке, Марио Льереной, который подтверждает это в своей книге «Неожиданная революция». Следует отдать им должное: большинство из *команданте* Кастро знали, что их война с Батистой была лишь хитроумным обманом. После славной победы они с удовольствием погонялись за теми немногими людьми Батисты, которые были достаточно мотивированы для того, чтобы отстреливаться, и расстреляли их, а затем расположились в экспроприированных у батистовцев особняках и поделили прочее награбленное добро.

Британский историк Хью Томас, бывший член лейбористской партии, который в юности сочувствовал революции Кастро, изучил горы документов (за пределами кастровской Кубы) и просто не мог уклониться от истины. Его увесистый и авторитетный исторический труд *«Куба, или Стремление к свободе»* резюмирует всю ситуацию весьма лаконично: «По всем статьям и по самой своей сути битва Кастро за Кубу была пиар-кампанией, проводимой в Нью-Йорке и Вашингтоне».

Как утверждает военный историк Артур Кэмпбелл в своем авторитетном труде *«Партизаны: история и анализ»* , для партизанской войны на Кубе был характерен заметный недостаток военных навыков и отсутствие наступательного духа в солдатах с обеих сторон. У фиделистов полностью отсутствовало понятие об основных военных искусствах, а также опыт борьбы в качестве единой скоординированной силы. Среди них не было ни одного профессионального военного, а уж о людях, закончивших военные академии и участвовавших в серьезных боевых действиях, и речи быть не могло. Тактика сторонников Фиделя Кастро сводилась к придорожным засадам, которые редко приводили к непосредственному столкновению с силами врага, и патрулированию местности, удаленной от основных транспортных артерий, с редкой стрельбой по какой-нибудь одиночной цели. У батистовцев же отсутствие воли к борьбе граничило практически с параличом. Фидель Кастро выступал против слабого и неэффективного режима, который фактически изжил сам себя еще до начала партизанской войны. Эта короткая кампания было отмечена весьма небольшим числом жертв.

Как мы увидим далее, способности Че Гевары к самообману касательно умения вести «партизанскую войну» были поистине безграничны, что в конечном счете привело его к гибели в Боливии. На Кубе мало кто воевал *против него* . В Конго мало кто сражался *на его стороне* . Наконец, в Боливии Че испытал и то и другое одновременно. Его, недолго думая, предали те самые крестьяне, которых он пришел «освободить».

Че – «профессор партизанской войны»

Ученые, придерживающиеся левых взглядов, оправдывают радикализм Че тем, что это-де был ответ на события в заливе Кочинос в апреле 1961 года – вероломную атаку против безобидной национально-освободительной революции, которая нуждалась только в том, чтобы ее оставили в покое. Они игнорируют тот факт, что все до единого «агрессоры», в том числе командный состав, были кубинцами. И, если уж на то пошло, существуют документальные свидетельства того, что Кастро и Че выдвинули пять собственных версий вторжения в залив Кочинос еще до того, как США начали обдумывать собственные.

Вскоре после занятия Гаваны Че создал «Отдел Освобождения» в Департаменте государственной безопасности Кубы и начал консультировать, экипировать и отправлять партизанские отряды в Доминиканскую Республику, Гаити, Панаму и Никарагуа, чтобы повторить в этих странах Кубинскую революцию (притом – именно такой, какой он ее видел, то есть с расстрелами без суда и следствия, конфискациями и экспроприациями). Все эти партизанские отряды, состоявшие поголовно из коммунистов и коммунистами возглавляемые, были уничтожены в короткие сроки – и, как правило, до последнего человека. Ведь Рафаэль Трухильо в Доминиканской Республике и Луис Сомоса в Никарагуа не собирались следовать примеру Батисты на Кубе и нерешительно ходить вокруг партизан на цыпочках. Через несколько лет Че снарядил и отправил отряды партизан в Аргентину и Гватемалу. И снова они были истреблены почти поголовно. Эти партизанские экспедиции стоили жизни двум друзьям Че: гватемальцу Хулио Касересу и аргентинцу Хорхе Массетти. Их доверие Геваре оказалось смертельным. Историю Массетти стоит привести здесь.

Вскоре после того как Че стал тюремщиком и палачом в Ла-Кабанье, он вспомнил о своих аргентинских дружках. Он поселил их в присвоенных кубинских особняках и предоставил им по автомобилю (естественно, тоже украденному) с личными шоферами для перемещения по Гаване. Товарищи Че были весьма впечатлены тем, как «преуспел» их некогда нищий приятель. Среди этих аргентинцев были безработный журналист, злополучный Хорхе Массетти, которого Че притащил на Кубу, чтобы основать агентство печати, безработный адвокат по имени Рикардо Рохо, который впоследствии написал полный

благоговения фолиант *«Мой друг Че»,* и безработный карикатурист по имени Сиро Бустос, ставший впоследствии асом разведки.

Однажды в 1962 году, сидя и размышляя в своем кабинете в Гаване, Че внезапно осознал, что в его родной Аргентине неожиданно созрели «объективные условия для пролетарской революции», и разработал план. Он решил, что его дерзкие и бесстрашные аргентинские друзья могли бы стать революционным авангардом, пробить себе дорогу в джунглях на севере Аргентины, создать очаг партизанской борьбы и повести за собой массы на штурм президентского дворца в Буэнос-Айресе так же смело, как французы в Париже штурмовали Бастилию.

Вскоре друзья Гевары окончили кубинскую академию партизанской войны Че и провозгласили себя «Народной партизанской армией». Несколько недель спустя, с помощью кубинских офицеров, они проскользнули через Боливию на север Аргентины, где создали «подпольную организацию», состоявшую в основном из профессоров и администраторов факультета философии и литературы университета Кордовы. К ним присоединились несколько студентов факультета философии и скучающих банковских клерков, которые приковыляли в лагерь партизан с жуткими волдырями на ступнях, почесываясь от блох – но тем не менее увеличив ряды «Народной партизанской армии» почти до двух дюжин.

Вскоре *герильерос* уже передавали пламенные «военные сообщения» из их кишащего насекомыми и змеями лагеря, готовясь свергнуть демократически избранное правительство Аргентины.

Единственными «представителями аргентинского народа», которых им удалось завербовать, были еще несколько студентов и таких же безработных неудачников, как они сами. В течение месяца они голодали, зарабатывали новые ушибы и царапины, выворачивали лодыжки, неистово расчесывали укусы москитов и клещей, все это время пререкаясь и подводя друг друга. При этом одни партизаны были готовы перестрелять других партизан за «недостаточную преданность идеям национально-освободительной революции». В течение двух месяцев, еще до того, как в сторону аргентинских военных был сделан хотя бы один выстрел, трое бездельников-«партизан» были расстреляны по приказу Массетти. Массетти был способным учеником, он слишком хорошо усвоил уроки Че Гевары.

Местные крестьяне наконец устали от этих бледнолицых интеллектуалов, шатающихся по округе и занимающихся мелкими кражами. Буэнос-Айрес отправил в джунгли пару патрулей, и в течение нескольких дней «партизаны» были

уничтожены.

У Гевары на самом деле не было ни единого шанса организовать эффектное партизанское вторжение в родную страну. Что касается проницательного Бустоса, то он успел ускользнуть, пока ситуация еще не накалилась до предела. (Позже он неожиданно объявится в Боливии.)

Хуан де Диос Марин, сбежавший из одной из «партизанских школ» Гевары, рассказывает леденящую кровь историю.

Хуан был венесуэльским новобранцем в одном из таких лагерей, который был организован на территории роскошного поместья Тарара, расположенного на берегу моря в двадцати пяти километрах к востоку от Гаваны. Гевара «реквизировал» его по состоянию собственного хилого здоровья. «Я болен, – утверждал Че на страницах кубинской газеты *«Революсьон»* . – Врачи порекомендовали мне выбрать дом в уединенном месте, подальше от ежедневных посещений». Видимо, врачи Че также назначили ему катания на яхте, прописали огромный бассейн с водопадом, и, конечно, футуристический телевизор.

«Эта партизанская школа насчитывала тысячу пятьсот новобранцев, – вспоминает Марин. – Мы тренировались по шестнадцать часов в сутки, семь дней в неделю. Обучение длилось четыре месяца, и каждый год оттуда выпускалось шесть тысяч партизан-коммунистов. Программой руководил ветеран испанской гражданской войны Альберто Байо. Нашими преподавателями были в основном русские и чехи, которых мы никогда прежде не видели. Тренеры и руководство постоянно следили за нами. Двоих парней, которые попытались однажды ночью улизнуть, поставили у расстрельного столба и казнили. Главное учебное пособие называлось *«150 принципов, которые должен знать каждый партизан»* . Его автором был Альберто Байо». Сам Че не участвовал в обучении новобранцев, а русские и чехи не были такими идиотами, чтобы использовать учебник такого авторства и уж тем более, чтобы прислушиваться к советам Че Гевары по подготовке партизан.

Хуан де Диос Марин в итоге разочаровался и попытался бежать. Он был пойман, жестоко избит и в конце концов поставлен перед расстрельной стеной. «Стена была заляпана засохшими мозгами и замазана кровью. Повязки на глазах у меня не было, и шесть винтовочных дул смотрели мне прямо в лицо, – вспоминает он. – Раздались выстрелы, и я чуть не потерял сознание. Через несколько секунд я понял, что они стреляли холостыми патронами».

Это была любимая техника допроса полицейских, обученных Че, своего рода уловка «хороший полицейский и плохой

полицейский», которая часто приносила свои плоды, когда ошеломленный заключенный вдруг осознавал, что он жив.

Единственным скептиком, который открыто критиковал эти революционные кадры, был Кастро. «Одни неприятности от этих иностранцев, – сказал он соратнику по имени Лазаро Асенсио сразу после триумфа революции. – Знаешь, что я собираюсь сделать с аргентинцем Че Геварой? Я собираюсь отправить его в Санто-Доминго и посмотреть, удастся ли Трухильо убить его».

Насколько серьезен был Кастро, произнося эти слова? Мы можем только догадываться. Однако немедленное назначение Гевары командиром Ла-Кабаньи, весьма точно соответствовавшее его наклонностям и способностям, служит еще одним доказательством проницательности Кастро.

Че и «первое поражение империализма» (битва в заливе Кочинос)

Кастро и его придворные историки объявили вторжение в залив Кочинос «первым поражением империализма». Оно должно было стать венцом военной деятельности Че, кульминацией его (пусть и не бог весть какой) карьеры. На деле же почти полторы тысячи борцов за свободу за три дня на этих кровавых берегах понюхали больше пороху (фигурально выражаясь), чем «партизан-герой» за всю свою жизнь.

Согласно плану вторжения, команда ЦРУ направила три скромные гребные шлюпки к берегам провинции Пинар-дель-Рио на западе Кубы, в пятистах шестидесяти километрах от настоящего места высадки. Шлюпки были загружены пиротехникой с часовым механизмом, зеркалами и снабжены магнитофонными записями боя. Этот район Кубы был ближе всего к Соединенным Штатам, что делало его выбор предельно логичным для любой десантной операции. Таким образом, эта хитрость имела такой же смысл, как и во Второй мировой войне, когда Гитлер ошибочно предположил, что основные силы союзников высадятся в Кале, в то время как те штурмовали Нормандию.

Кастро и Гевара, решили, что действия в заливе Кочинос, за пятьсот шестьдесят километров к югу, были очевидным отвлекающим маневром. Настоящее же вторжение произойдет в западной провинции Пинар-дель-Рио, прямо на «пороге» у янки – и, как нарочно, именно эти территории находились под ответственностью Че Гевары!

Че ворвался в провинцию с несколькими тысячами солдат, окопался, зарядил оружие и стал ждать атаки «наемников-янки». Солдаты из всех сил поддерживали в себе боевой дух, в то время как в море, недалеко от берега, разыгрывалось представление с помощью фейерверков, дымовых шашек и зеркал.

Позже выяснилось, что во время этого шоу-иллюзиона Гевара умудрился едва не вышибить себе мозги. Пуля пробила подбородок Че и вышла выше виска, чудом не задев мозг. Шрам виден на всех фотографиях Гевары, сделанных после апреля 1961 года. Даже апологеты Че Гевары – Джон Ли Андерсон, Хорхе Кастанеда и Пако Тайбо – и те признают, что это было не боевое ранение, а собственный пистолет Че, неожиданно сработавший

прямо у него под носом.

То, что Гевара не поучаствовал напрямую в «первой победе над империализмом», беспокоит его биографов почти так же сильно, как это беспокоило самого Че. Хорхе Кастанеда в книге *«Компанеро: Жизнь и смерть Че Гевары»* пытается доказать, что вклад Че в победу был решающим. По его словам, двести тысяч кубинских *милисианос* сыграли центральную роль в победе. Они позволили Кастро развернуть легковооруженные, мобильные силы во всех возможных местах высадки, образуя огромную сеть раннего предупреждения. Обучение ополченцев было поручено Отделу обучения вооруженных сил повстанцев, во главе которого с 1960 года стоял Че Гевара. Его вклад в победу, таким образом, имел решающее значение. Без ополченцев военная стратегия Кастро не была бы жизнеспособной; без Че ополченцы не были бы надежными – резюмирует Кастанеда.

На самом же деле все те, кто был на месте высадки десанта и в настоящее время может свободно говорить, могли бы просветить Кастанеду касательно воинской доблести ополченцев, подготовленных Геварой. Несколько очередей, выпущенных с идущих с американского авианосца *«Эссекс»* на бреющем полете истребителей *«Скайхок»* , привели бы *милисианос* в еще большее замешательство и панику, чем вначале, когда те думали, что действительно столкнулись с основными силами противника.

Более того, *любая* демонстрация силы якобы со стороны американских «союзников» – например, несколько залпов с эсминцев, курсировавших недалеко от берега, да все что угодно – вероятно, сделала бы свое дело.

«Когда мы впервые высадились на берег и стали стрелять, *милисианос* начали сдаваться буквально пачками, – вспоминает выживший в заливе Кочинос Найло Мессер. – Например, один батальон *милисианос* сдался сразу и целиком. И вот пара наших ребят сидела там, охраняя несколько сотен ополченцев! Но в конце концов войска Кастро подтянулись к месту событий. Они увидели, что мы брошены, что на выручку к нам никто не спешит, и поняли, насколько сильно они превосходят нас в численности».

Поскольку администрация США отказала десантникам в прикрытии с воздуха и моря, «бригада 2506» в свой первый день на берегу залива Кочинос понесла бóльшие потери (в пропорциональном соотношении), чем американские силы при высадке в Нормандии 6 июня 1944 года. Несмотря на это, они громили силы Кастро и Че со свирепостью, которая поразила их американских наставников – людей, которые заработали свои шрамы в таких боях, как Арденнская операция или битва за Иводзиму.

Коммунистические силы Кастро и Че превосходили этих людей в соотношении почти пятьдесят к одному – и едва не проиграли сражение, неся катастрофические потери: на одну жертву среди покинутых захватчиков приходилось двадцать кастровских ополченцев. У этих людей – в основном гражданских добровольцев – не возникало вопросов «почему они нас ненавидят». Им не нужно было объяснять, почему и за что они сражаются. Они видели коммунизм в упор. Видели и то, что он означает: воровство, ложь, тюрьмы, отравление умов, убийства без суда и следствия. Они видели полуночные облавы и лицемерные показательные процессы. Они слышали страшное *«Фуэго!» («Огонь!»)* , когда расстрельные отряды Че казнили тысячи их храбрых соотечественников. И, что еще важнее, они слышали возгласы *«Да здравствует свободная Куба!»* и *«Да здравствует Христос!»* из уст связанных и ослепленных повязками патриотов за секунду до того, как пули вгрызались в их тела.

«Они сражались, как тигры», – писал их товарищ по оружию и наставник Грейстон Линч, участник Второй мировой войны. «Они боролись упорно и умело, и наносили страшный урон своим противникам, – пишет другой наставник кубинцев, полковник Корпуса морской пехоты США Джек Хоукинс, удостоенный множества наград ветеран битв за Батаан, Иводзиму и Инчхон. – Они не были побеждены, – продолжает Хоукинс о «бригаде 2506». – У них просто кончились боеприпасы, и не осталось другого выбора, кроме как сдаться. И это была не их вина. Они сражались великолепно. Их бросили на берегу моря без провианта, защиты и поддержки, которая была обещана их спонсором, правительством Соединенных Штатов».

«Впервые в жизни мне было стыдно за мою страну, – признает Грейстон Линч, вспоминая о событиях в заливе Кочинос. – В моих глазах стояли слезы».

Один из брошенных захватчиков по имени Мануэль Перес-Гарсиа, который спустился на парашюте в ад, именуемый Плайя-Хирон, олицетворяет собой всю глубину этого предательства. Вскоре после Перл-Харбора он добровольно вступил в армию США и сделался десантником знаменитой Восемьдесят второй воздушно-десантной дивизии. «Тихоокеанский театр военных действий – это место громких побед и страшных поражений», – сказал как-то генерал Дуглас Макартур. И именно в это место кубинец Мануэль Перес-Гарсиа был сброшен на парашюте, прорвавшись через Новую Гвинею.

В конце войны Восемьдесят вторая дивизия преподнесла специальную награду американскому солдату, на счету

которого – больше всего вражеских смертей за время военных действий в Тихом океане.

Сегодня эта награда находится в Майами, в музее Залива Кочинос, подаренная музею человеком, который сам же и завоевал ее. Рядом находятся три медали «Пурпурное сердце», три «Бронзовые Звезды» и три «Серебряные Звезды». Все эти награды Мануэль Перес-Гарсиа получил на Тихом океане.

Когда свирепый японский генерал Томоюки Ямасита, печально известный «Малайский тигр», наконец, вышел из своей штаб-квартиры, чтобы сдать пистолет, самурайский меч и боевой флаг (кстати, они тоже находятся в музее Майами) первому встречному американскому солдату, он оказался лицом к лицу с Мануэлем Пересом-Гарсиа. «Мануэль всегда был нашим авангардом», – вспоминает его брат по оружию Хосе Хуара Сильверио, также десантировавшийся в заливе Кочинос.

«Острие копья» – так военный историк Джон Киган называет место, которое Перес-Гарсиа всегда всячески старался занять. Когда Ким Ир Сен напал на Южную Корею в июне 1950 года, Мануэль Перес-Гарсиа снова попытался записаться в ряды армии США – в возрасте сорока одного года. Понадобилось письмо от самого президента Гарри Трумэна, чтобы объяснить ему, что по закону Штатов он уже слегка не подходит по возрасту для участия в военных действиях, однако что «Вы, сэр, с лихвой выполнили свой долг перед нацией. Вы написали блестящую страницу в истории служения этой стране».

Сын Мануэля, Хорхе, однако, был подходящего возраста. Он вступил в армию США, дослужился до сержанта – и умер под градом пуль в Корее, ведя свой отряд в наступление 4 мая 1952 года. Для борьбы с врагами Америки Переса-Гарсиа и его сына отправляли за тысячи километров к далеким континентам. Когда же он попытался сразиться с тираном, ничуть не менее фанатичным и кровожадным, чем Тодзио или Ким Ир Сен, но лишь в ста пятидесяти километрах от американских берегов – он был забыт и покинут.

Вот краткий пересказ событий битвы в заливе Кочинос, дающий представление о «доблести» обученных Геварой *милисианос* . Сорок одна тысяча солдат и ополченцев Кастро, огромное количество советского оружия, включая танки, самолеты и батареи тяжелой артиллерии – с одной стороны, и тысяча четыреста борцов за свободу из числа гражданских эмигрантов, большинство из которых едва имело за плечами месячный курс подготовки. У этих людей было только легкое оружие и однодневный запас боеприпасов. И эти люди смогли заставить вздрогнуть и остановиться обученных Че *милисианос* …

а позже обратить их в паническое бегство.

Подчиняясь приказу, те вернулись назад, неуверенно попытались атаковать, снова получили решительный отпор – и стремительно отступили. И вновь возвратились обратно – многие под дулом пистолета, сопровождаемые несколькими батареями 122-мм советских гаубиц. Они выпустили две тысячи очередей по легковооруженным людям, которых они превосходили численностью в соотношении двадцать к одному. (По словам историка Хейнса Джонсона, исследовавшего битву в заливе Кочинос, знаменитый Африканский корпус Роммеля под аналогичным обстрелом сдался и отступил). Затем ВВС Кастро беспрепятственно и неоднократно обстреляли десантников.

Те держались стойко, и ополченцы были вынуждены атаковать еще раз, но с большим подкреплением (перевес в численности двадцать к одному оказался недостаточным). Новый град снарядов советской артиллерии обрушился на горстку борцов за свободу, брошенных американским правительством на произвол судьбы.

В конце концов они окружили и разгромили десантников – после трехдневных безуспешных попыток, и только тогда, когда захватчики, не евшие и не спавшие в течение трех дней, полностью израсходовали боеприпасы, и надежды на получение новых не было никакой. В ходе этого сражения потери сил Кастро составили *три тысячи сто* человек. Со стороны же борцов за свободу жертв оказалось *сто четырнадцать* . И это даже без воздушной защиты, которую они ожидали от администрации Кеннеди.

Найло Мессер, Хосе Кастаньо и Мануэль Перес-Гарсиа вместе с тысячей выживших собратьев по оружию из «бригады 2506» не сочли нужным писать учебники по десантной войне. Хотя тот же Мануэль Перес-Гарсиа, в частности, уж кое-что да знает о боевых действиях. Немногочисленные повстанцы Эскамбрая, которым удалось выжить в кастровской резне, также воздержались от изложения своего опыта в печатном виде.

Нет, предоставьте это «скромному», по словам его биографов, Че Геваре. После нескольких стычек, которые даже некоторым уличным бандам показались бы мелковатыми, он счел возможным явить миру книгу под названием *«Партизанская война»* , а вступительную главу поименовать *«Партизанская война как метод»* . Марио Риверон, офицер ЦРУ в отставке, ветеран битвы в заливе Кочинос, выследивший и захвативший Гевару в Боливии, утверждает, что над этой книгой в действительности можно только посмеяться. Да, конечно, на обложке этой книги значится имя Гевары. Но ни один человек из тех, кто

действительно воевал против него, не считает, что это были *его* идеи. Как партизан этот человек был полным неудачником. Он постоянно терялся. У него не было надежных карт. Он разделил своих людей на две группы, и *обе* они заблудились, пробыв без контакта друг с другом в течение нескольких месяцев, хотя они часто блуждали всего в паре километров одна от другой.

Он не заметал следы своих стоянок и небрежно оставлял документы, фотографии и провиант там, где их могли легко найти. Он ничего не знал об использовании воздушной разведки и вертолетов против партизан, что усиливает подозрения, что материалы для своей книги он взял прямиком из выкладок Мао Цзэдуна. И в довершение всего он не смог завербовать *ни одного* крестьянина в свои партизанские ряды. И это были люди, которых он пришел «освободить», говорит Марио Риверон.

Даже многие из тех, кто воевал *на стороне* Че Гевары, были поражены его вопиющей некомпетентностью в военных действиях. В интервью Педро Корсо для документального фильма *«Анатомия мифа»* бывший мятежник-команданте Убер Матос вспоминает: «Когда я прибыл в Сьерру, Че уже сражался больше года. В подчинении у него была колонна. Моим заданием было сформировать линию обороны – полосу укреплений в районе, находившемся под его командованием. Я хотел посоветоваться с ним и спросил его об этом, попросив его помочь мне с планом.

«Послушайте, Убер, – ответил он мне прямо в лицо. – Я ни малейшего понятия не имею о подобных вещах». «Но командир-то здесь *вы* ? – удивленно переспросил я. – Я хочу сказать, что мы должны координировать это дело, должны придумать какой-то тактический план. Я несу за это ответственность, поэтому я хотел бы знать, сколько человек я могу задействовать, и где будет лучше их разместить. Я хочу убедиться, что моя линия обороны согласуется с вашим собственным планом обороны этой территории». «Но у меня нет никакого плана», – ответил Че. Несколько раз после этого он признавался мне, что он ничего не знает о вопросах военной тактики».

Че действительно появился на поле битвы в заливе Кочинос – в день, когда перестрелка закончилась. Он вошел в здание, где находились пленные и раненые борцы за свободу, огляделся с кривой аргентинской улыбкой и рявкнул: «Мы расстреляем каждого из вас». Затем он повернулся на каблуках и вышел вон. (Как обычно, план Кастро, касающийся этих заключенных, был намного практичнее. Вернув их Америке, режим получил не только 62 миллиона долларов выкупа от Кеннеди, но и огромную выгоду с точки зрения пропаганды.) Джон Ли Андерсон описывает сцену прибытия Гевары с омерзительным «юмором»: «Узнав Че,

один из пленных был так напуган, что от страха обмочился в штаны». Как мы помним, одним из основных источников информации для Андерсона было правительство Кастро, поэтому в правдивости данного инцидента можно усомниться. Ни один из участников «бригады 2506» не упоминал об этом. Допустим, однако, что это на самом деле произошло. Единственное, чего мог бояться пленный, так это того, как Че обращался с *беззащитными* людьми – а это было известно слишком хорошо. Да уж, чувство юмора у Андерсона просто отменное.

Вместе со своими товарищами по несчастью из «бригады 2506» Мануэль Перес-Гарсиа провел почти два года в темницах Кастро под каждодневным страхом смертного приговора. Избежать этого можно было очень просто. Достаточно было лишь подписать небольшой клочок бумаги, который захватившие его коммунисты чуть ли не ежедневно подсовывали ему под нос. Этот документ объявлял Соединенные Штаты – государство, которое оставило их умирать – предателем.

Ни Мануэль, ни Хосе, ни Найло, ни их братья по оружию не подписали этот документ. Многие плевали на это, зная, что этим самым подписывают себе смертный приговор. В конце концов, Кастро и Че расстреливали сотни кубинцев в неделю и за менее значительные преступления. Эти же люди были заклятыми врагами режима.

«Мы умрем с достоинством!» – день за днем твердил заместитель командующего «бригады 2506» Эрнейдо Олива, приводя коммунистов в ярость. Такая позиция не только бесила, но и сбивала с толку подобных Кастро – и Че, как мы поймем позже из его поведения в Боливии.

Товарищи Мануэля Переса-Гарсиа вспоминают, что к его напыщенным тюремщикам он относился с особенным презрением и даже вызовом. После того как стрельба прекратилась, те с вновь обретенной храбростью стали строить из себя великих воителей перед плененными мужчинами. Понаблюдав за этими обученными Че людьми в бою – и с учетом собственного боевого опыта, – Перес-Гарсиа, должно быть, просто не мог удержаться от шпилек и фырканья в их адрес. Сам генерал Ямасита, завоевавший половину азиатских территорий Великобритании, никогда так не раздувался от важности, как Фидель и Че перед этими заключенными.

Один из заключенных, Хосе Кастаньо, вспоминает, как однажды утром в гаванской тюрьме Эль-Принсипе Мануэль Перес-Гарсиа отпустил особенно ехидный комментарий в адрес одного из тюремщиков. «Этому охраннику было что-то около двадцати пяти лет, и в руках у него был заряженный чешский

пулемет. И, несмотря на это, он *боялся* Мануэля – полуголодного пленника, которому был пятьдесят один год от роду! Поэтому он подозвал парочку своих приятелей, и они вместе двинулись на Мануэля. Тот быстро выдернул ремень из брюк и зажал его в кулаке, обмотав один конец вокруг ладони. Он стал издеваться над ними: «Ну давайте, идите же!» – и щелкать концом ремня с пряжкой, как кнутом. Вдруг какой-то офицер подбежал к охранникам и что-то прошептал им. Это сразу же разрядило обстановку, – говорит Хосе. – История Мануэля была хорошо известна даже кастровцам».

Сам же Кастро – естественно, вдали от глаз журналистов – буквально кипел от злости при мысли о боевых «способностях» собственных ополченцев. Через неделю после боя Кастро посетил некоторых борцов за свободу в камерах гаванской тюрьмы. Один из них был старым знакомым Фиделя еще по колледжу. «Знаешь, если бы у меня было двадцать тысяч таких бойцов, как вы, ребята, я бы держал всю Латинскую Америку в руках уже сейчас», – сказал Кастро своему старому другу.

Че благодарит американскую администрацию

Через четыре месяца после вторжения в заливе Кочинос Организация американских государств провела конференцию в Пунта-дель-Эсте (Уругвай). На этом мероприятии Соединенные Штаты представлял специальный советник и спичрайтер Джона Кеннеди Ричард Гудвин. С представителем Кубы Эрнесто Че Геварой у него состоялся долгий и вполне дружелюбный разговор.

«Под бородой черты его лица довольно мягкие, почти женственные, – доложил Гудвин в служебной записке Кеннеди, рассекреченной в 1999 году. – У Гевары хорошо развито чувство юмора, и во время встречи звучало много шуток. В разговоре не звучало никакой пропаганды, агитации или просто напыщенности. Он говорил спокойно, открыто, с большой долей беспристрастности и объективности. Он сказал, что весьма нам благодарен за вторжение в Залив – что это была большая политическая победа для них, которая позволила им объединиться. В конце он сказал, что никому не передаст содержания этого разговора, кроме Фиделя. Я сказал, что тоже не стану обнародовать его.

После окончания разговора я отправился делать заметки о том, что было сказано. Че остался на приеме, чтобы побеседовать с представителями Бразилии и Аргентины. Аргентинец Ларретта позвонил мне на следующее утро и сказал, что Гевара нашел разговор весьма плодотворным и что, по его словам, с представителем «нового поколения» разговаривать гораздо проще».

В недавно рассекреченных документах Гудвин не выказывает никакого смущения или скептицизма в отношении каких-либо заявлений Че. Ни малейшего опровержения слов Гевары там тоже нет. Очевидно, шутки, звучавшие во время беседы, имели куда большее значение. Че действительно имел веские основания быть благодарным администрации Кеннеди. Кастро неоднократно повторял в течение 1960 года, что будет надеяться на победу Кеннеди на выборах – ибо если победит Никсон, то революция долго не протянет.

Гудвин, выпускник Гарвардской юридической школы, отличался типичным снисходительным отношением многих новых, молодых «левых» американцев к братьям Кастро. «Я считаю, что этот разговор с Геварой – в сочетании с другими

доказательствами, которые удалось собрать в течение довольно продолжительного времени, – означает, что Советский Союз не готов приложить больших усилий, необходимых, чтобы помочь Кубе встать на ноги, – пишет Гудвин. – Я полагаю, что Куба желает взаимопонимания с США. Они проведут свободные выборы – но только после того, как институционализация революции будет завершена. Они могли бы согласиться не заключать никаких политических союзов с Востоком. Че сказал, что они не намерены строить «железный занавес» вокруг Кубы. США должны искать какие-то пути продолжения кулуарного диалога, который начал Гевара. Таким образом можно дать понять Кубе, что мы хотим помочь ей – и поможем, если она разорвет отношения с коммунистами и начнет демократизацию».

Конечно, Гудвина попросту перехитрили. В то время, когда проходила встреча, сам Че Гевара был главным сторонником союза кубинского режима с СССР. «Отпрыск Советского Союза» – так окрестил Гевару его биограф Хорхе Кастанеда, имея в виду то, что Че поддерживал «жизненно важную» связь с Советами. Александр Алексеев, советский посол на Кубе в то время, говорил, что при планировании тайного размещения ядерных ракет на Кубе Че был «самым активным» и неизменно полным энтузиазма.

Карибский кризис

14 октября 1962 года в воскресном шоу *«Вопросы и ответы»* Макджордж Банди, советник Джона Кеннеди по национальной безопасности, пренебрежительно сказал на всю страну, что на Кубе нет никаких советских ракет. «Слухи от беженцев» – так он назвал сообщения от кубинских эмигрантов-очевидцев о тех ракетах – сообщения, которыми они забрасывали Государственный департамент и ЦРУ уже в течение нескольких месяцев и которые были получены с риском для жизни.

«Ничто на Кубе не представляет угрозы для Соединенных Штатов, – продолжал Банди, едва скрывая презрение. – Вероятности того, что Советы или кубинцы будут пытаться установить наступательное вооружение на Кубе, не существует». В конце концов в Пунта-дель-Эсте Че Гевара сам сообщил эту ценную информацию коллеге Банди Ричарду Гудвину. А выбирая между несносными кубинскими беженцами и «открытым» Че Геварой, американская администрация решила поверить последнему.

Президент Кеннеди сам возмущался на следующий день: «В этой стране пятьдесят с лишним тысяч кубинских беженцев, и они только и делают, что ждут того дня, когда мы пойдем на Кубу войной. Вот они и распространяют подобную чушь».

Ровно два дня спустя на столе Кеннеди лежали фотографии этих «слухов от беженцев», сделанные самолетом-шпионом U-2. Он зафиксировал ядерные ракеты, направленные на американские города. Ответ Кеннеди и его команды на Карибский кризис стал легендой о победе проницательности и балансирования на грани войны, рассказанной и пересказанной в кино. На самом же деле решением администрации было объединиться с Советами и предоставить кубинскому коммунистическому режиму взаимно гарантированную защиту.

Сам Кастро утверждал, что со стороны американцев было сделано много уступок, о которых не было сказано ни слова. Возможно, в один прекрасный день они будут обнародованы, предположил он.

«Мы ничего не можем сказать общественности об этом соглашении, – сказал Роберт Ф. Кеннеди советскому послу Анатолию Добрынину после завершения сделки, которой закончился так называемый кризис. – Это поставило бы нас в слишком затруднительное положение». В этой сделке с Хрущевым администрация Кеннеди тайно согласилась не выступать против правительства Кастро на Кубе.

28 октября 1962 года, когда известие о том, что частью решения Карибского кризиса было удаление ракет с Кубы, тысячи кубинских солдат внезапно окружили ракетные площадки. Советский министр иностранных дел Анастас Микоян, переполошившись, бросился в Гавану, где встретился с Кастро. В Кремле больше всего боялись, что неадекватные офицеры из кубинских военных сами могут напасть, завладеть ракетами и развязать третью мировую войну.

Микояну как-то удалось разрядить ситуацию во время встречи с Кастро – без сомнения, объяснив, что уж его-то режим получил от сделки сплошные выгоды и вообще легко отделался. «Взаимно гарантированная защита» обеспечивала Кастро и Че покровительство как Советов, так и Соединенных Штатов. Верные своему слову, США сразу же начали облавы на кубинских эмигрантов, которые планировали диверсионные рейды против Кастро из Южной Флориды.

Администрация Кеннеди включилась в эту работу с энтузиазмом, дав береговой охране США шесть новых самолетов и двенадцать новых катеров и увеличив личный состав на двадцать процентов. Кеннеди сообщил премьер-министру Великобритании Гарольду Макмиллану, что некоторые из этих сумасшедших кубинцев перенесли место проведения своих операций из Южной Флориды на Багамы. Флот Ее Величества был только рад помочь. Таким образом, тех самые кубинских эмигрантов, которых за пару недель до этого ЦРУ обучило и вооружило, чтобы начать рейды на Кубу, теперь арестовывали американские и британские военные.

А как же вера Гудвина в то, что в речах Че не было «пропаганды и напыщенности»? Месяцем позже, давая интервью корреспонденту *«Лондон дейли уоркер»* и думая, что диктофон уже выключен, Че Гевара пояснил: «Если бы ракеты остались, мы бы направили их в самое сердце Соединенных Штатов, включая Нью-Йорк. О мирном сосуществовании не может идти и речи. Мы должны шагать тропой победы, даже если это будет стоить миллионов ядерных жертв!»

Сам Че Гевара, конечно, не хотел бы стать одной из жертв обмена ядерными ударами, о котором он так страстно мечтал. У него и Фиделя были зарезервированы места в советском бомбоубежище за пределами Гаваны. Советский посол Александр Алексеев утверждает, что предусмотрительные братья Кастро, Че Гевара и остальная коммунистическая верхушка позаботились об этом заранее.

Еще в 1955 году Эрнесто Гевара писал своей заботливой матери, что борьба против Соединенных Штатов была его

«истинным предназначением».

«Мы должны научиться испытывать абсолютное отвращение к империалистам. Против этого класса гиен нет лучшего средства, чем истребление!» В октябре 1962 года Гевара всего в одном шаге от этого заманчивого средства.

Ричард Никсон дал самую точную характеристику разрешению Карибского кризиса: «Сперва мы провалили вторжение, а теперь мы позволяем Советам хозяйничать на нашем заднем дворе!»

Охраняемая американскими политиками левого толка и поддерживаемая советским оружием, кубинская коммунистическая революция имела надежное основание для начала партизанских войн в Андах, этой «Сьерре континента» – в погоне за мечтой «освобождения Латинской Америки». На это у коммунистов были все шансы. С мало-мальски компетентным партизанским лидером во главе «Отдела Освобождения» им это, может быть, и удалось бы. Однако вместо этого у них был Эрнесто Че Гевара.

Че – носитель традиционных убеждений

Для новоиспеченного коммуниста Че Гевара придерживался слишком уж многих традиционных предубеждений, свойственных аргентинцам. Все, что касалось «янки», было априори омерзительным. Даже сегодня по результатам опросов две трети аргентинцев придерживаются негативного мнения об американцах, и в Аргентине американцы имеют самый низкий рейтинг популярности среди всего Западного полушария.

По отношению к Америке Аргентина всегда была южноамериканской Францией – весьма критично настроенным государством.

У Че были и другие предрассудки. Так, многие аргентинцы мнят себя европейцами на континенте индейцев и метисов. Снобизм аргентинской элиты по отношению к американцам носит скорее культурный, чем расовый характер и очень напоминает французский снобизм (точно так же, как и снобизм городской «элиты» относительно «деревенщины» из провинции). Результаты опроса общественного мнения показывают, что чем выше уровень образованности латиноамериканцев, тем ярче выражено их антиамериканское настроение. Так, в Буэнос-Айресе преподавание гуманитарных наук прочнее, чем где бы то ни было, основано на антиамериканизме.

Семья Гевара де ла Серна и Линч была классическим примером южноамериканских снобов – поверхностные начетчики, самоуверенные, злопамятные и очень надменные. Маленького Эрнестито можно было назвать кем угодно, но не революционером. Это был типичный маменькин сынок, заботливо вскормленный родительской гордыней и предубеждениями.

Писатель Дэвид Сэндисон упоминает «беспрекословное послушание», свойственное детям этой семьи. Большинство людей проходят через период подросткового бунтарства и споров с родителями, хотя бы непродолжительный – а Че Гевара, мировая икона мятежей, подвел нас даже здесь.

Те, кто видел Че лишь на майках и постерах, неизменно восхищаются его словно бы естественным ореолом «неукротимого бунта». Те же, кто его *знал,* помнят его как неисправимого позера. Они помнят его подхалимскую улыбку для Фиделя, его задумчивый взгляд мыслителя для Жана-Поля Сартра и Симоны де Бовуар, его злобную ухмылку, адресованную приговоренным к смерти и их семьям, и огонь в глазах перед фотоаппаратом

Альберто Корды.

Захватившие его боливийские солдаты были поражены тем, что они обнаружили в его рюкзаке. В отличие от своих оборванных и полуголодных сообщников, у которых не было ничего, кроме оружия, Че Гевара носил при себе маникюрные ножницы, гребешок, щетку и даже маленькое зеркальце. Как мы позже убедимся, он готовился к важному осеннему мероприятию 1967 года – организации грандиозного собственного захвата и мировой шумихе вокруг своего освобождения. Казалось, он был уверен в том, что она непременно начнется после эффектного спектакля с собственной сдачей в плен.

Кубинский беженец Франк Фернандес вспоминает о ссоре между его теткой и Че Геварой, произошедшей в Гаване в начале 1959 года. «Че лез во все дела, всем командовал и пытался всех строить. Он пришел на предприятие, где работала моя тетка, и обозвал ее «старой буржуазной сплетницей». «Нет, – отрезала она, – я не из буржуев, я аристократка». Такой неожиданный поворот выбил Че из колеи, и он стоял там, пытаясь сохранять спокойствие. А она продолжала: «А вы всего лишь наглый и дерзкий простофиля». После этого тетушка осталась в живых. Как так вышло?

Неужели он испытал к ней смешанное чувство зависти и уважения, поскольку и сам считал себя аристократом?

Похожая история произошла с кубинским борцом за свободу Тони Наварро, семье которого принадлежала текстильная фабрика.

Вскоре после своего назначения на пост председателя Национального Банка Кубы Че отправил своих вооруженных агентов конфисковать прибыльную и продуктивную фабрику, которая давала рабочие места сотням людей и вносила значительный вклад в экспортный сектор государства. Наварро добился встречи с Че, чтобы попытаться объяснить ему ситуацию. Зачем нужно было конфисковывать такое предприятие, и разваливать его, выставив на улицу квалифицированных управляющих и назначив на их места необразованных революционеров?

Слуга произнес: «Команданте Гевара готов вас принять». Наварро вошел в его кабинет и низко поклонился, в то время как сам Гевара только поджал губы и слегка кивнул. «Тони, вы читали «Процесс» Кафки?»

«Нет, команданте, не читал, – ответил озадаченный Наварро. – Я читал только его «Превращение» и «Замок».

«Прочтите, – бросил Че Гевара. – Это вам многое объяснит». После этого личный водитель Че отвез Тони домой.

«Кто-то, по-видимому, оклеветал Йозефа К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест», – гласит первое предложение книги, которую порекомендовал Че.

«Пугающее психологическое погружение в жизнь простого человека, некоего Йозефа К., который однажды узнает, что его обвиняют в преступлении, которого он не совершал и о котором ему ничего не известно», – пишет в рецензии один обозреватель. Другой отзывается о произведении так: «Это вымышленное описание истории ареста, допроса, осуждения и исполнения приговора за преступление, так и оставшееся неизвестным».

Вскоре Наварро присоединяется к подпольному оппозиционному движению, где он постоянно рискует быть убитым. Если Че хочет покончить с ним, он, Наварро, не сдастся без боя.

Однажды после перестрелки с полицией Че Наварро был арестован. Однако его личность не смогли установить, и ему удалось сначала укрыться в посольстве Венесуэлы, а потом сбежать в США.

Это еще один случай, после истории с дерзкой тетушкой, когда надменность Че Гевары перевесила его жажду крови. Он мог бы наблюдать казнь Тони Наварро за обедом из окна крепости Ла-Кабанья, как часто делал и раньше. Однако ему не терпелось продемонстрировать свой утонченный вкус и эрудицию перед таким образованным человеком, как Наварро. Таким образом, тщеславие Че помогло Тони Наварро выскользнуть из его цепких лап.

Говорят, что у Че Гевары не было ни одного настоящего друга среди кубинцев. Даже кубинские коммунисты считали его невыносимым – заносчивым, капризным, склонным к подхалимству и лицемерию. Несмотря на презрение Че ко всему «буржуазному», коммунисты старой закалки, такие, как Анибаль Эскаланте и Карлос Рафаэль Родригес, втайне отмечали и осуждали его «мелкое буржуазное зазнайство» – привычку по-свойски держаться и общаться с французской интеллигенцией, а не с членами компартии Кубы – людьми смешанных кровей и запутанных биографий. Кубинский коммунист Франсиско Брито, известный своей неряшливостью и неаккуратностью, приходил в бешенство от того, что Че укомплектовывал государственный аппарат Острова свободы безукоризненно одетыми чиновниками. В конце концов, Брито выпалил, что лучшее, что может сделать Че, – это «убираться к черту с Кубы!», потому что весь его диктат в качестве министра промышленности – это «всего лишь низкопробное дилетантство».

Любимый палач Фиделя

Че Гевара любил повторять, что идеальный революционер должен быть «холодной, расчетливой машиной для убийства». Это определение подразумевает некую отстраненность и бесстрастность по отношению к самому акту лишения жизни. Однако сам Че не мог служить наглядным примером своему определению. Машиной для убийства он был самой что ни на есть *горячей* , подходя к этому делу со всей душой.

«Завывая как одержимый, я обагрю свое оружие в крови и, обезумев от ярости, буду рубить головы побежденным. Я чувствую, как ноздри мои раздуваются, смакуя едкий запах пороха и крови, вражеской смерти. Я готовлюсь к священной схватке, встречая торжествующий пролетариат звериным воем». Апологеты Че чаще всего стараются обходить молчанием этот выразительный абзац из «Дневника мотоциклиста» – так слабо вяжется он со светлым образом, созданным умелой пропагандой. Что же касается «едкого запаха пороха и крови», то Гевара редко обонял его непосредственно на поле битвы. Куда чаще он ощущал его, стреляя в связанных, с кляпом во рту и повязкой на глазах, мужчин и мальчиков.

Жажда крови

В конце января 1957 года Че Гевара прошел первое «крещение огнем», когда «все было потеряно» и он стоически готовился к «достойной смерти» (от раны, которую даже не потребовалось зашивать). Спустя несколько недель он отправил письмо своей покинутой жене Ильде Гадеа: «Дорогая старушка, я здесь, среди холмов Кубы; я все еще жив и *жажду крови* ». Вскоре ему представилась возможность утолить эту жажду.

В том же январе 1957 года Фидель Кастро приказал расстрелять партизана-крестьянина по имени Эутимио Герра, обвиненного в предательстве и сотрудничестве с войсками Батисты. Сделать это Кастро поручил своему личному телохранителю Универсо Санчесу. Ко всеобщему удивлению, Че Гевара – в то время еще не *команданте* , а лишь скромный солдат и медик по совместительству – вызвался сопровождать Санчеса и его напарника к месту казни. Маленькая группа мрачно шагала по лесу под тропическим ливнем и в конце концов остановилась на прогалине.

Санчес колебался, озираясь вокруг и, возможно, ища повод, чтобы отложить или отменить казнь. За ней последуют десятки других казней, но это был первый расстрел в рядах кубинских повстанцев. Неожиданно Че сделал шаг вперед и выстрелил из своего пистолета в висок Герры. «Какое-то время он бился в конвульсиях и, наконец, затих. Теперь его вещи принадлежали мне», – позже написал Гевара в своем дневнике.

Отцу Гевары в Буэнос-Айрес пришло письмо от блудного сына: «Должен признаться, папа, что в тот момент я понял: мне действительно нравится убивать».

Этот энтузиазм привлек внимание Фиделя Кастро. Вскоре последовали новые расстрелы «дезертиров», «доносчиков», «военных преступников», «контрреволюционного элемента» и просто разных подозрительных, иногда – случайно схваченных на улицах. Во всех них Че Гевара принимал самое деятельное участие. Однажды в руки повстанцев попал солдат Батисты, неопытный семнадцатилетний юноша, не имевший ни малейшего представления о партизанской войне. На устроенном Геварой допросе, заикаясь от страха, он пытался убедить Че, что ни в чем не виноват, а в армию завербовался лишь для того, чтобы заработать денег и помочь матери-вдове, у которой был единственным сыном. Пожав плечами, Гевара отдал приказ; юношу связали, подтолкнули к краю свежевыкопанной ямы и тут же застрелили. И это тот «великодушный Че», как писал

профессор Ариэль Дорфман в журнале *«Тайм»* , который «лечил раненых солдат вражеской армии».

Кастро считал расстрелы солдат и офицеров Батисты верхом глупости: ведь с пропагандистской точки зрения отпускать их было бы куда полезнее. Большинство профессиональных военных наверняка бы стали самыми преданными служаками нового режима. Но рвение Че Гевары он заметил и оценил. Просчитывая наперед шаги по захвату власти на Кубе, Кастро планировал свою версию сталинских репрессий – и, кстати, с той же целью: обезглавить (в прямом и переносном смысле) любых возможных контрреволюционеров и противников режима. Поэтому к лету 1957 года Че был повышен в звании до майора, или команданте – высшего чина повстанческой армии. Слава его росла и ширилась по всему Острову свободы.

Однако не все были в восторге от «способностей» Гевары. В середине 1958 года один из солдат Кастро по имени Рейнальдо Морфа был ранен и направлен в Сьенфуэгос к доктору Эктору Меруэло. Добрый доктор заштопал бойца и спустя несколько недель сообщил ему, что тот может возвращаться в отряд Че. На что Морфа ответил: «Нет, доктор. Пожалуйста, не распространяйтесь об этом, потому что это может стоить мне жизни, но я понял, что Че – это самый настоящий убийца. Я революционер, но я еще и христианин. Я присоединюсь к отряду Камило, но к Че не вернусь никогда».

Агустин Соберон был первым кубинским репортером, который приехал в лагерь в горах Сьерра-Маэстра, чтобы взять интервью у Че Гевары. «Я был репортером кубинского журнала «Богемия» и в марте 1958 года прибыл в Ла-Плату побеседовать с Че, – вспоминает он. – Наладить контакт с Геварой было совершенно невозможно. До этого мне не приходилось встречать людей с таким деспотичным и надменным характером. Сначала я спросил его о жене Ильде, которую он оставил в Мексике, отправляясь на Кубу с Фиделем. Че буркнул: «Я ничего о ней не слышал с тех пор, как уехал – и мне в общем-то плевать на нее». Тогда я попытался задать вопрос о его профессии доктора. «Медицина меня совершенно не интересует. Терпеть ее не могу», – отрезал Гевара».

«Эту ночь я провел в одной из хижин лагеря, – вспоминает далее Соберон. – Рядом со мной спал юный повстанец, которого, по всей видимости, мучили жуткие кошмары. Он метался на постели, постанывая: «Расстрелять его, расстрелять, расстрелять…» На следующее утро я поинтересовался, в чем дело. Оказалось, что этого молодого человека, которого звали Умберто Родригес, назначили командиром расстрельного отряда.

И бормотал он приказы Че, которые неотвязно преследовали его даже во сне. Видно было, что это его ужасно угнетает. Немного позже в хижине появился сам Гевара и объявил, что они привязывают к столбу очередную жертву. Не хотел ли бы я пойти и своими глазами увидеть расстрельный отряд в деле? Я не хотел. Мне хватило того, что я увидел и услышал. Я собрался и как можно скорее уехал».

Все эти жертвы были « *кампесинос* » – крестьянами, о которых сам Че говорил, что они «идут на взаимодействие только после нашего планомерного террора».

Десять месяцев спустя после визита Соберона Че Гевара вошел в Гавану и вскоре обосновался в печально известной старой испанской крепости Ла-Кабанья. Армандо Вальядарес, на протяжении двадцати двух лет бывший узником кастровских тюрем, вспоминает, что стены этой крепости буквально сотрясались от возгласов « *Viva Cuba Libre!»* и « *Viva Cristo Rey!» («Да здравствует свободная Куба! Да здравствует Царь Христос!»* , за которыми следовали оглушительные залпы расстрелов.

В то самое время, когда вершились эти кровавые расправы, журнал *«Тайм»* поместил фотографию Че Гевары на обложку и наградил его титулом «Мозг кубинской революции» (тогда как Фидель Кастро был «Сердцем», а Рауль Кастро – «Кулаком»). Фимиам, воскуряемый в адрес команданте, был просто невыносим: «Холодный расчет, выдающиеся способности, высокий интеллект, тонкое чувство юмора, и в довершение – меланхолично-чарующая улыбка, которая сводит с ума женщин – вот он, портрет нового руководителя Кубы».

В подобном тоне отзывались о Че Геваре и другие влиятельные средства массовой информации. И – чудовищно заблуждались. Че можно с таким же успехом назвать «мозгом» кубинской революции, как Феликса Дзержинского – «мозгом» большевистского переворота, Гиммлера – «мозгом» национал-социалистической революции, Берию – «мозгом» сталинского режима. Че был для Фиделя тем же, кем были вышеупомянутые персонажи для Ленина, Гитлера и Сталина – главным палачом режима.

При Че Геваре крепость Ла-Кабанья превратилась в кубинский аналог московской Лубянки. Гевара действовал строго по чекистским канонам. «Всегда допрашивайте заключенных ночью, – наставлял он своих головорезов. – По ночам у человека ниже психологическая сопротивляемость, и его легче расколоть».

Точных цифр мы, возможно, не узнаем никогда, однако в масштабности совершенных преступлений сомневаться не приходится. Хосе Виласусо – кубинский прокурор, который бежал

с Кубы вскоре после установления революционной власти, переполненный ужасом и отвращением – утверждает, что лишь за три первых месяца на посту коменданта Ла-Кабаньи Че Гевара собственноручно подписал 400 смертных приговоров. Баскский священник Яки де Аспиазу, который совершал над заключенными предсмертный обряд и выслушивал их последнюю исповедь, вспоминает, что в этот период по личному распоряжению Гевары было расстреляно 700 человек. Кубинский журналист Луис Ортега, который был знаком с Че Геварой с 1956 года, в книге *«Я – Че»* приводит доказательства того, что команданте отправил на казнь 1892 человека.

Дэниел Джеймс в своей книге *«Че Гевара: Биография»* пишет, что Че сам признавался в подписании «нескольких тысяч» смертных приговоров за первый год правления Кастро. Эти данные подтверждает Феликс Родригес – кубинско-американский агент ЦРУ, который помог выследить Гевару в Боливии. Именно он последним допрашивал Че перед расстрелом. По его словам, Гевара сознался в том, что осудил на смерть «пару тысяч» человек, после чего небрежно пожал плечами и добавил, что «все они были империалистическими шпионами и агентами ЦРУ».

Резня, устроенная Че Геварой в первые месяцы 1959 года, не была актом мести или справедливости. Так же, как и сталинский террор в конце 30-х годов, эти расстрелы совершались хладнокровно, планомерно и целенаправленно. Это было уничтожение всех, кто потенциально мог бы стать противником новой власти.

Пятью годами ранее, будучи в Гватемале, Че стал свидетелем военного переворота, устроенного при помощи ЦРУ против режима Якобо Арбенца, в результате которого Арбенц и его приспешники-коммунисты были высланы из страны. Успех этого переворота Эрнесто Гевара объяснял тем, что «в свое время Арбенц расстрелял слишком мало народу».

Фидель и Че не хотели повторения гватемальского переворота на Кубе. В качестве «профилактической меры» они избрали массовые убийства и террор. Публичные показательные процессы были частью плана по запугиванию населения. Как и публичные экзекуции – вплоть до финального выстрела в голову пулей сорок пятого калибра, с пяти шагов разносившего череп в клочья. Посетители крепости Ла-Кабанья, в том числе родственники заключенных, проходили мимо забрызганной кровью стены. Это было не случайно.

«Стена была буквально окрашена кровью, – вспоминает Марго Менендес, которая приходила в Ла-Кабанью, чтобы попытаться убедить Че в невиновности ее брата. – Ее просто невозможно было

не заметить. Она напоминала врата ада».

«Ваш брат носил неправильную форму», – ухмыльнулся Че в лицо рыдающей Марго. В ту же самую ночь мальчик был расстрелян.

Кубинец Пьер Сан Мартин стал одним из немногих узников Ла-Кабаньи, которым удалось выйти оттуда живыми. Газета *«Нуэво эральд»* опубликовала его воспоминания в номере за 28 декабря 1997 года.

«В тесной темной камере не хватало места, чтобы лечь, поэтому мы пытались спать по очереди. Шестнадцать человек стояли, в то время как другие шестнадцать силились забыться сном на холодном грязном полу. Каждый день людей из камер выводили на расстрел десятками. Залпы выстрелов похоронным эхом отдавались у нас в ушах. Каждый час, каждая минута, каждая секунда могли стать для нас последними.

Однажды утром – примерно за час до того, как мы должны были поменяться местами – мы вздрогнули от леденящего душу скрипа ржавой стальной двери, и охранники втолкнули в нашу переполненную камеру нового заключенного. Он был совсем мальчишкой, лет примерно четырнадцати. Все его лицо было в ссадинах и кровоподтеках.

«Что ты такого сделал?» – ужаснулись мы в один голос.

«Я пытался защитить отца, – выдохнул окровавленный паренек. – Но эти сукины дети убили его. Я не смог их остановить».

Мы все смотрели друг на друга, словно в поисках нужных слов, чтобы утешить мальчика, но не могли их найти. У нас было достаточно своих собственных проблем. Прошло два или три дня с тех пор, как казнили последнюю жертву, и в нас затеплилась призрачная надежда, что этот кошмар наконец закончится. Казни немилосердны, они забирают жизнь, когда тебе и твоим близким она нужна больше всего, они глухи к протестам и мольбам.

Однако мы жестоко ошибались.

Вскоре охранники вернулись. Ржавая дверь распахнулась, и мальчика выволокли наружу. Мы бросились к окошку камеры, из которого была видна расстрельная яма. Мы просто не могли поверить в то, что его убьют.

Затем мы заметили его – самого Че, вышагивающего по пропитанному кровью месту казни. Подбоченившись, он крикнул мальчику: «На колени!»

«Убийцы!» – что было силы заорали мы через окно.

«Я сказал, на колени!» – снова рявкнул Гевара.

Мальчик решительно уставился Геваре в лицо и прокричал: «Если вы хотите меня убить, то вам придется сделать это, когда я

стою! Мужчины умирают стоя!»

«Палачи! Несчастные трусы!» – заключенные из других камер присоединились к нашим проклятиям.

Затем мы увидели, как Че вытащил из кобуры пистолет. Приставив ствол к затылку паренька, он спустил курок. Выстрел буквально обезглавил мальчика.

«Бандиты! Сволочи!» – взорвались мы отчаянными криками. Че наконец повернулся, посмотрел на нас, прицелился… и разрядил обойму в нашу сторону. Нескольких человек ранило.

С того момента мы поняли, что единственной нашей надеждой на спасение был побег – побег любой ценой…»

«Светловолосому пареньку на вид было не больше пятнадцати, – вспоминает корреспондент *Эн-би-си* Эдвард Скотт еще об одной казни, свидетелем которой ему пришлось стать в феврале 1959 года. – Охранников, привязывавших его к столбу, он убеждал, что невиновен. Видимо, его красноречие поколебало решимость членов расстрельного отряда, так как после команды Германа Маркса *«Фуэго!»* мальчик был ранен лишь одной пулей. Разъяренный Маркс подскочил к пареньку и двумя выстрелами в упор размозжил ему череп. Затем он приказал своим охранникам арестовать весь отряд, поскольку те не справились с заданием».

Кто такой был Герман Маркс? Американец, бывший заключенный, дезертир флота и душевнобольной, находившийся в американском розыске с 1957 года. В возрасте тридцати лет Маркс был осужден за изнасилование девочки-подростка и заключен в тюрьму штата Висконсин на три с половиной года. И этот человек был одним из немногих близких друзей Гевары.

Маркс сбежал на Кубу, присоединился к повстанцам Че в горах Сьерра-Маэстры, превратился в ярого «революционера» и вскоре был удостоен звания «капитана» (очевидно, кража и изнасилование не входили в число «преступлений против революционной морали»). Уже тогда Маркс нашел свое «призвание». Он прыгал в свежевыкопанную расстрельную яму и производил жертвам смертных приговоров Че решающий выстрел в череп из своего пистолета сорок пятого калибра. Позже в Ла-Кабанье Марксу представилась возможность развернуться вовсю. Он назвал крепость своей «охотничьей хижиной», и дуло его пистолета едва успевало остыть между выстрелами.

Маркс также привел в Ла-Кабанью своего пса. «Пес был огромным, – вспоминает Роберто Мартин-Перес, бывший соратник Фиделя, который провел в кастровских застенках двадцать восемь лет (а это один из самых длительных сроков для политзаключенного в истории XX века; для сравнения – Александр Солженицын провел в сталинских лагерях восемь

лет). – Он был, по всей видимости, какой-то помесью немецкой овчарки и следовал за Марксом повсюду».

Любимым занятием пса было подскакивать к осужденным после залпа и глотать кровь, льющуюся из изуродованных выстрелами тел. Этим зрелищем из окна своего кабинета упивался Гевара. В конце концов, не просто же так сразу после занятия Ла-Кабаньи он приказал снести часть стены в его кабинете, которая мешала ему наблюдать за работой его любимого расстрельного отряда…

Еще одним развлечением Маркса было бродить по темным сырым коридорам крепости-тюрьмы, с безумным смехом колотить по прутьям решеток и спрашивать заключенных, за какое ухо они желали бы получить финальный выстрел.

«Герман Маркс был сущим мясником на скотобойне, – говорит Мартин-Перес. – Заслышав стук его сапог по коридору, мы гадали, кто будет следующим. Маркс останавливался перед камерой и наугад тыкал пальцем. Затем подходил к следующей и тыкал снова. Он мог миновать две, потом опять остановиться. Людей выволакивали из камер, и вскоре раздавался залп. Забыться сном в таких условиях было невозможно. В любой момент мог настать твой черед. Каким-то образом мне удалось выжить, но я потерял многих друзей. Как-то в 1962 году в течение одной недели мы насчитали четыре сотни залпов расстрельного отряда».

Герман Маркс «трудился», не покладая рук и пистолета, не только в крепости Ла-Кабанья. Он также исполнял роль руководителя службы безопасности в гаванской тюрьме Эль-Принсипе, переполненной политическими заключенными. Всего за год стадионы, школы и кинотеатры по всей Кубе превратились в импровизированные тюремные лагеря – ведь политзаключенных прибывало с каждым днем, и их надо было куда-то девать…

3 июня 1959 года Маркс ненадолго оставил «карьерный рост» для того, чтобы выступить свидетелем на свадьбе Че Гевары и Алейды Марч. Капитан Маркс был одним из нескольких счастливчиков, попавших на это мероприятие, что сделало его предметом зависти в глазах многих революционеров. Еще бы, ведь свадьба Че стала главным событием светской жизни Гаваны 1959 года.

Только в 1961 году пути ветреного Германа Маркса и кубинской революции разошлись. Он потихоньку ускользнул обратно в страну, которая уже успела аннулировать его гражданство. Однако свято место пусто не бывает. На посту руководителя службы безопасности его заменил человек с не менее впечатляющим послужным списком – не кто иной, как Рамон

Меркадер, вогнавший ледоруб в голову Льва Троцкого в 1940 году.

Формально после сентября 1959 г. Че Гевара уже не был комендантом Ла-Кабаньи. Однако созданная по приказу Кастро система «правосудия», в основе которой лежали расстрелы, продолжала функционировать, сея смерть по всей Кубе. И это была его – Че – система, о чем он всегда заявлял с гордостью, как на знаменитом выступлении в ООН: «Расстрелы? Да, конечно, мы расстреливаем!»

Роберто Мартин-Перес вспоминает: «С психикой у Гевары было явно не все в порядке. Да, Кастро убивал – естественно, а как же иначе? Ведь это было следствием его жажды власти, стремлением удержать первенство и устранить соперников и врагов – а также *потенциальных* соперников и *потенциальных* врагов. Но эти убийства носили характер исключительно утилитарный. Что же касается Гевары, то он видом крови откровенно *наслаждался* . Похоже, он получал удовольствие от самого процесса: надо было видеть его выражение лица, с которым он наблюдал, как узников волокут из камер к расстрельной яме».

Братья Кастро не случайно упрятали Мартина-Переса за решетку. «Больше, чем я ненавидел Кастро, Че и их лизоблюдов, я презирал их, – твердит он. – Мог ли я чувствовать что-то иное, зная, как им досталась власть? Вся эта шумиха с «партизанской войной» – сплошная липа, фикция от начала и до конца. Пара перестрелок, несколько стычек – вот и все. Конечно, нет ничего плохого в том, чтобы захватить власть без массового кровопролития. Но позже начать строить из себя «закаленных в боях героев» и «могучих партизан-воителей» – зачем? Это просто смешно. В детстве я знавал одного из их банды, Эфигенио Амеихейраса. После победы его внезапно назначили главой революционной национальной полиции. Едва успев вступить в должность, он тут же начал сажать людей в тюрьмы и пытать их. А знаете, кем он был лишь за несколько месяцев до этого? Карманным воришкой! Он даже *мне* пытался продать какие-то украденные часы, бог ты ж мой! И эту шайку *«Нью-Йорк таймс»* будет называть «героями», «идеалистами» и еще черт знает кем? Да будь у меня возможность, я бы схватил пистолет и снова пошел против них!»

Румынский журналист Стефан Бачи посетил Кубу в начале 1959 года. Ему посчастливилось получить аудиенцию у успевшего уже прославиться Че, с которым он познакомился ранее в Мехико. Встреча должна была состояться в кабинете Гевары в крепости Ла-Кабанья.

Едва журналист вошел в кабинет, как Гевара поманил его к окну. Бачи подошел как раз вовремя, чтобы услышать команду *«Фуэго!»* и залп выстрела и увидеть, как осужденный падает на землю и корчится в предсмертных конвульсиях. Пораженный журналист немедленно покинул Кубу и написал поэму *«Я более не воспеваю Че»*.

«Я более не воспеваю Че – так же, как я не стал бы воспевать Сталина» – так звучит ее первая строчка.

Кубинская кровь – на продажу

Биограф Хорхе Кастанеда неустанно подчеркивает, что в своих действиях Че Гевара руководствовался исключительно этическими и гуманистическими принципами. Будем же помнить об этом, читая нижеследующие строки из судебного иска, который был подан семьей гражданина США Говарда Андерсона, убитого на Кубе в 1961 году:

...

Андерсон против Республики Куба, № 01—28628, Майами, 13 апреля 2003 года: «На последнем этапе пыток агенты Кастро выкачали из тела Говарда Андерсона всю кровь, прежде чем отправить его на расстрел».

А дело было вот в чем. Памятуя о размахе, который приобрела смертная казнь в первые годы кубинской революции, можно смело сказать, что из тел осужденных выливались тысячи литров ценнейшей гемоглобиновой жидкости – попросту впитываясь в землю или стекая в канализацию. Какая непростительная расточительность, подумали новые руководители Кубы.

Всем известно, что Куба в то время – как, впрочем, и сейчас – отчаянно нуждалась в иностранной валюте. А тут целые реки свежей, богатой плазмой крови каждый день пропадают почем зря. Почему бы не собирать и не продавать ее – приходит в головы жаждущего валюты руководства «светлая» мысль.

На продажу пошла не только кровь Говарда Андерсона. Рохелио Гонсалес, Вирхилио Кампанериа и Альберто Тапиа также стали чьими-то невольными донорами. Все они были студентами Гаванского университета и активистами католического движения на Кубе. Все они отказались завязывать глаза. Все они умирали с криками «Да здравствует Царь Иисус!» на устах.

За ними в братские могилы последовало еще четырнадцать тысяч молодых людей.

Пол Бетель был пресс-атташе посольства США на Кубе во время восстания против Батисты и в первые годы революции. Позже он работал в качестве главы латиноамериканского

подразделения Информационного Агентства США, где взял интервью у сотен кубинских беженцев, осевших в Южной Флориде. Рассказы о принудительном кровопускании не раз повторялись в этих интервью. Наконец, он смог расспросить доктора Вирхинию де Мирабал Кесада, которая, став свидетелем этого процесса, в ужасе бежала с Кубы через Мексику. «Это абсолютная правда, – подтвердила она. – Перед расстрелом осужденных отводят в маленькую комнату первой помощи в Ла-Кабанье, где коммунисты извлекают от одного до полутора литров крови из каждой жертвы. Затем она помещается в банк крови. Часть ее поставляется в Северный Вьетнам. Иногда после этой процедуры жертвы настолько ослабевают, что к расстрельному столбу их буквально выносят на руках. Люди же с подорванным здоровьем или больным сердцем умирают прямо во время процедуры».

7 апреля 1967 года Межамериканская комиссия по правам человека выпустила наконец подробный отчет о долгосрочной практике вампиризма среди деятелей «гуманистической» кубинской революции. Доклад основан на десятках проверенных свидетельств эмигрантов.

«27 мая 1966 года в тюрьме Ла-Кабанья в Гаване расстрелы политических заключенных производились непрерывно с шести утра до наступления ночи, – гласит доклад. – В тот день было казнено сто шестьдесят шесть человек, и перед расстрелом из каждого было извлечено около двух с половиной литров крови. Извлечение такого количества крови часто приводит к церебральной анемии и потере сознания, поэтому многих пришлось относить к месту казни на носилках. Затем трупы были перевезены грузовиками в братскую могилу на кладбище за городом Марианао. В этот день грузовик сделал семь рейсов, чтобы перевезти все трупы. На Тринадцатой улице в районе Гаваны Ведадо советские медицинские работники создали банк крови, куда эта кровь транспортируется для хранения. Эта кровь поставляется в Северный Вьетнам по цене пятьдесят долларов США за пол-литра».

Эксклюзивная рыночная стратегия коммунистической Кубы не получила внимания со стороны средств массовой информации и «ученых», хотя обычно кубинская медицинская практика не испытывает недостатка в лестных комментариях. Доктор Хуан Кларк, профессор социологии в колледже Майами-Дейд, ветеран событий в Плайя-Хирон и бывший политзаключенный – это исключение, лишь подтверждающее правило. В основу его исследований легли интервью с десятками бывших политических заключенных и беженцев, которые подтвердили существование

этой ужасающей практики. Излишне говорить, что на тысячах и тысячах страниц, посвященных Че, ни один из его биографов не упоминает кубинскую торговлю кровью. Однако все они стараются выставить в выгодном свете деятельность Гевары на посту министра промышленности, который тот занял в начале 1961 года – как раз тогда, когда начала разворачиваться кампания по торговле кровью.

Генри Баттерфилд Райан, дипломат и ученый, в частности, сетует, что список блестящих достижений Че в должности главы по экспортным операциям Кубы по большей части канул в небытие. «Очень хорош Гевара был в роли дипломата, особенно по экономическим вопросам, – пишет он в своей широко известной книге *«Падение Че Гевары»* . – Он обеспечил заключение сделок по экспорту и импорту Кубы со странами коммунистического блока на потрясающе выгодных условиях, что чрезвычайно помогло кубинской экономике».

Как мы увидим далее, руководство Че обернулось для Кубы настоящей экономической катастрофой, по крупицам разрушившей все следы расцвета капитализма на Кубе. Кровь кубинцев была, пожалуй, единственным продуктом, который пользовался бешеным спросом в братских социалистических республиках – и, следовательно, верным источником поступления наличных денег в кубинскую казну.

Венцом иронии во всей этой ситуации выглядит высказывание Че Гевары, который любил заявлять, что он помог освободить Кубу от «империалистических эксплуататоров-янки – этих *ненасытных кровососов* »…

Убийца женщин и детей

17 апреля 1961 года жертвой расстрельного отряда стала Амелия Фернандес Гарсиа – девушка-контрреволюционер.

Накануне Рождества того же года Хуана Диас плюнула в лицо связывавшего и душившего ее охранника. Она была признана виновной в укрывании «бандитов» (этим словом кубинское правительство называло фермеров, осмелившихся выступить с оружием в руках против изъятия у них земель). Десятеро палачей всадили все имеющиеся у них пули в тело женщины, которая была на шестом месяце беременности.

Доктор Амандо Лаго имеет письменные доказательства казни одиннадцати кубинских женщин в первые дни установления режима. В общей же сложности задокументировано 219 случаев расстрела женщин – остальные указаны как «внесудебные» (хотя мы помним, что даже «судебные» приговоры Че Гевара объявлял еще до начала судебного разбирательства как такового).

Лидия Перес также погибла «во внесудебном порядке» 7 августа 1961 года, будучи заключенной в женском тюремном лагере Гуанахай. Она была на восьмом месяце беременности, когда что-то в ее поведении не устроило молодого охранника. Он повалил ее на землю, ударил в живот и ушел, бросив истекающих кровью Лидию и ее не родившегося ребенка умирать. Ольга Фернандес и ее муж Марсиаль были расстреляны из пулеметов 18 апреля 1961 года во время попытки прорваться в аргентинское посольство в поисках убежища. Амалия Кора и еще пять человек, пытавшиеся сбежать с Кубы на лодке, были сражены пулеметной очередью 5 февраля 1965 года.

Двадцатичетырехлетняя Терезита Сааведра была одним из руководителей светского католического движения. Натасканные Че Геварой «милисианос» (представители народной полиции, призванной следить за соблюдением нового порядка в стране) арестовали ее в городе Санкти-Спиритус в центральной части Кубы. Бои в заливе Кочинос только что завершились, и агенты безопасности прочесывали Кубу вдоль и поперек в поисках сторонников разгромленных борцов за свободу. Терезита, безусловно, не могла не попасть в списки подозреваемых. Под дулом пулемета ее препроводили в городское полицейское управление. В комнате допроса ее поочередно изнасиловали пятеро полицейских. В ту же ночь отпущенная на волю Терезита покончила с собой.

Биограф Че Гевары Хорхе Кастанеда не устает твердить, что без руководства Че на *милисианос* нельзя было бы положиться.

И он прав. *Милисианос* были необычайно надежными. И старательными.

Две католические монахини также стали жертвами «внесудебной» резни среди женщин. Сестра Аида Роза Перес своими антикоммунистическими выступлениями действовала властям на нервы. В конце концов она была приговорена к двенадцати годам каторжных работ, несмотря на проблемы с сердцем. На третий год пребывания в кастровском лагере, работая под палящим солнцем в окружении скалящих зубы охранников, сестра Роза скончалась от сердечного приступа.

В каком-то смысле Кастро и Че предвосхитили появление движения Талибан на добрых сорок лет. Гнетущие экономические и социальные условия, порожденные кубинской революцией, привели к тому, что Куба находится на первом месте в мире по количеству самоубийств среди женщин. Это, однако, не препятствует выдвижению Кубы Организацией Объединенных Наций в члены Комиссии по правам человека. То, как режим относится к женщинам, также не помешало ЮНИСЕФ присудить кастровской Кубе одну из наград.

Естественно, журнал *«Тайм»* не писал о том, что Че Гевара *в прямом смысле* слова сводил женщин с ума.

Эвелио Гиль Диесу было семнадцать лет, когда Че Гевара подписал ему смертный приговор и позже наблюдал из окна, как Маркс размозжил ему череп во дворе Ла-Кабаньи. Луису Пересу Антунесу, смело глядевшему в лица палачей за секунду до того, как выстрелы изрешетили его юное тело, также было семнадцать.

Семнадцатилетний Калисто Вальдес был признан виновным в «преступлениях против революции» во время того же массового судебного процесса, что и его отец Хуан. Из своей камеры в Ла-Кабанье Хуан наблюдал, как охранники протопали по коридору и вошли в близлежащую камеру, где находился его сын. Он услышал звуки потасовки, а затем увидел, как они выволакивают полузадушенного, но все еще сопротивляющегося мальчика наружу. «Трусы! – закричал Хуан, в слезах ярости колотя по прутьям решетки. – Жалкие убийцы!»

В это время один из охранников заломил руки мальчика за спину и связал его. Другой схватил яростно вырывающегося Калисто за волосы и рывком дернул его голову на себя. Третий изловчился и заклеил ему рот. (К тому времени крики *«Долой коммунизм!», «Да здравствует свободная Куба!»* и *«Да здравствует Христос!»* начали порядком выводить членов расстрельного отряда из себя.) Хуан беспомощно наблюдал, как его сын боролся. Троим охранникам кое-как удалось протащить его по коридору. Через несколько минут Хуан содрогнулся от залпа, унесшего

жизнь его мальчика. Секундой позже он снова вздрогнул от звука контрольного выстрела.

Хуан Вальдес был приговорен к двадцати пяти годам тюремного заключения. Был ли бы смертный приговор для него страшнее?..

Ригоберто Эрнандесу также было семнадцать, когда солдаты Че вытащили его из камеры в Ла-Кабанье, засунули ему в рот кляп и потащили к расстрельному столбу. Маленький Риго до конца умолял о пощаде, говоря, что невиновен. Но его мольбы были путаными и трудными для понимания.

Боролся он тоже неумело и как-то неловко. Мальчик был дворником в одной из гаванских школ – и умственно отсталым. Его мать-одиночка перемежала просьбы о помиловании истерическими рыданиями. Она просила, умоляла, и, наконец, сумела доказать обвинителям, что они приняли ее сына за другого. Ее единственный сын, мальчик в таком состоянии, был просто физически *не в состоянии* подложить куда-либо бомбу.

Но сопротивляться «педагогической системе расстрельной стены», придуманной Че, было бесполезно.

« *Фуэго!»* И маленький Риго, с завязанными глазами и кляпом во рту, неуклюже пытавшийся освободиться от пут, перестал стонать.

Революционные суды следовали инструкциям Че Гевары о том, что «доказательства второстепенны и вообще являются пережитком буржуазного прошлого». И в то же самое время, в разгар ужасного кровопролития на Кубе, в Гарвардском университете чествовали овациями почетного гостя Фиделя Кастро.

В Гарварде, судя по всему, упустили из виду то, что Фидель избрал в качестве профилактической меры террор. Любые средства были хороши, чтобы дать понять народу, кто сейчас у власти и какая судьба ждет любого, кто осмелится бросить этой власти вызов. Чем более ужасающими были убийства, тем лучше они служили этой цели.

Одна мать, Роза Эрнандес, вспоминает, как она просила о встрече с Че, чтобы попытаться спасти семнадцатилетнего сына, который был приговорен без суда к расстрелу. Гевара любезно согласился. «Входите, сеньора, – пригласил Че, открывая дверь в свой кабинет. – Присаживайтесь». Он молча слушал ее рыдания и мольбы, а затем прямо у нее на глазах схватил телефонную трубку и пролаял: «Казнить Эрнандеса сегодня же ночью!» Вслед за этим его головорезы бесцеремонно выволокли бьющуюся в истерике госпожу Эрнандес из кабинета.

Подобное случалось не раз. Сегодня этих скорбящих людей

можно встретить на Кубинском мемориале в парке Тамайами в Майами. Они блуждают среди длинных рядов белых крестов, вытирая покрасневшие глаза. Мемориал был возведен в память о жертвах Кастро и Че. Правда, могилы там символические. Большинство тел по-прежнему покоится в братских могилах на Кубе.

Некоторые посетители мемориала становятся на колени. Другие медленно бродят, разыскивая имя. Многие сжимают в руках четки. Женщины прячут лица на груди родных, их сопровождающих. Иногда мужчины, обвивая рукой судорожно вздымающиеся плечи матери или бабушки, и сами не в силах сдержать слезы. Хотя зачастую они слишком молоды, чтобы помнить лицо замученного в кубинских застенках отца, дяди или брата.

« *Расстрелян* », – гласит надпись под белым крестом.

Пожилая дама все еще прижимает платок к глазам, ожидая зеленого сигнала светофора, чтобы перейти улицу. Ее внук все еще обнимает ее за плечи. Она только что рассказала ему, как его дед, борец за свободу на Кубе, выкрикнул *«Да здравствует Христос!»* за мгновение до того, как пули изрешетили его тело. Поддерживаемая внуком, сеньора медленно, в молчании переходит улицу. Внезапно навстречу ей из музыкального магазина выходит парень, на майке которого красуется изображение… убийцы ее мужа. В гневе они отворачиваются… и натыкаются взглядом на витрину магазина, в которой снова – лицо убийцы на огромном плакате. Цена в 19 долларов 95 центов «ненавязчиво» виднеется прямо рядом с лозунгом *«Сопротивляйся угнетению»* …

За что Кубе была присуждена награда ЮНИСЕФ? За то, что «приоритетом кубинского государства является оказание помощи детям и их защита»…

«Мы расстреливаем из революционных убеждений!»

«Невинных людей казнили очень мало, – уверяет Хорхе Кастанеда. – Даже удивительно, сколь незначительными были нарушения и немногочисленными неоправданные казни». Это – сплошная ложь. В апрельском выпуске *«Ридерз дайджест»* 1959 года писательница Дики Чепл успокаивала читателей, утверждая, что «Куба Фиделя Кастро сегодня свободна от террора. Гражданские свободы были восстановлены».

На самом же деле на острове происходило нечто совершенно противоположное. Историки считают законодательный акт Гитлера, принятый 23 марта 1933 года, одним из самых главных кошмаров века в сфере права. Этот закон отменял законодательную власть и судебные гарантии, закладывая основы для диктатуры. На Кубе практически идентичный закон был принят 10 января 1959 года. Кабинет Кастро создал необходимые правовые декорации, фактически легализировав бесчинства расстрельных отрядов Че Гевары.

Первоначально этот акт был воспринят либеральными СМИ как восстановление верховенства закона. «Кастро весьма почитает гражданскую, представительную, конституционную форму правления», – писал Жюль Дюбуа в *«Чикаго трибьюн»* в январе 1959 года.

«Фигура господина Кастро стала символом отказа Латинской Америки от жестокости и лжи; есть все основания полагать, что он откажется от авторитарного стиля руководства и насилия», – писала газета *«Лондон обсервер»* 9 января 1959 года.

«Тем, как Кастро трогательно беспокоится о своем народе и заботится о нем, он чем-то напоминает Христа», – уверял читателей *«Лондон дейли телеграф»* журналист Эдвин Тетлоу.

«Гуманистический». Этим определением газета *«Нью-Йорк таймс»* награждала буквально все революционные нововведения Кастро и Че. Среди них был этот новый закон, который не только *повторно ввел* смертную казнь на Кубе, но и имел *обратную силу* . В довершение всего, этот новый закон – принятый правительством, которое во всем мире считалось образцом справедливости, – отменял акт «хабеас корпус», что абсолютно шло вразрез с понятием неприкосновенности личной свободы.

Через несколько месяцев в тюрьмах Кубы уже томилось в десять раз больше заключенных, чем при «тиране» Батисте.

Хоть Че Гевара и был начальником органов уголовного

преследования, многие люди стали жертвами расстрелов вообще без какого бы то ни было судебного разбирательства. Те немногие показательные процессы, которые все же состоялись, были откровенным фарсом, вызывавшим ужас и отвращение у всех наблюдателей – даже у самых ярых поборников революции. Вышеупомянутый Эдвин Тетлоу начал сильно сомневаться в правдивости своих высокопарных высказываний, увидев, как зачитываются вердикты о виновности и смертные приговоры – конвейерным путем, почти механически. Особенно он был потрясен, увидев некоторые из этих приговоров на доске объявлений *еще до официального заседания суда* .

Однажды в начале 1959 года один из революционных судов Че Гевары признал капитана кубинской армии по имени Педро Морехон невиновным. Услышав это, соратник Че Камило Сьенфуэгос вскочил на ноги и заорал: «Если Морехона не расстреляют, я сам прострелю ему башку!» Суд поспешно собрался заново и вынес новый приговор. На следующий день Морехон был казнен.

«Я присутствовал на одном из процессов в качестве корреспондента *Эн-би-си* , – вспоминает легенда радио *«Нью-Йорк»* Барри Фарбер. – В тот день обвиняли Хесуса Соса Бланко. Я был настолько потрясен, что в ужасе покинул зал заседания. Позже я слышал от коллеги, что обвинение – хотя на самом деле у меня язык не поворачивается облекать все происходившее в юридические термины – обвинение попросило одну из свидетельниц, чтобы та указала виновного… и она указала на одного из *обвинителей* ! А не на так называемого батистовского военного преступника, каковым они пытались выставить Бланко. И так продолжалось часами. Ни одного свидетеля защиты, вообще. Я был одним из тех молодых идеалистов, которые первоначально приветствовали революцию, но уже вскоре заподозрил неладное. Я чувствовал, что Куба вскоре станет источником крупных неприятностей».

«Это была мрачная сцена», – писала гаванский корреспондент *«Нью-Йорк таймс»* Руби Харт Фил о процессе, в котором она приняла участие в начале 1959 года.

«Суд проходил в ночное время. Облупленные каменные стены, безжизненный тусклый свет. Не было вызвано ни одного свидетеля защиты. Адвокат не приложил абсолютно никаких усилий, чтобы оправдать обвиняемого. Вместо этого он извинился перед судом за что, что вынужден был защищать заключенного… Вся процедура была тошнотворно отвратительной. Заключенный был расстрелян той же ночью в два часа».

Такое же отвращение переполняло нескольких молодых

адвокатов, клюнувших на лозунги повстанцев о демократической, справедливой и гуманистической революции и подписавших контракт с командой юристов режима, известной как *«Комиссия Депурадора»* (или же «очищающая комиссия») во главе с Че.

«Что это за задержка, я вас спрашиваю!» – Че Гевара рявкнул на комиссара Хосе Виласусо, ворвавшись в его офис в Ла-Кабанье.

Виласусо, будучи честным человеком, ответил прямо, что он собирает и упорядочивает доказательства и пытается определить степень вины. Че оборвал его: «Прекратите заниматься ерундой! Ваша задача очень проста. Судебные доказательства – это пережиток буржуазного прошлого, они не имеют никакого значения. Это революция! Мы расстреливаем из революционных убеждений».

Хосе Виласусо постарался убраться с острова как можно скорее.

Капитан повстанческой армии по имени Дюк де Эстрада был непосредственным начальником Виласусо. «Давайте ускорим процесс! – предложил ему Че Гевара. – Вы должны начать работать в ночное время. Всегда допрашивайте заключенных по ночам. Психическая сопротивляемость человека ночью всегда ниже».

«Конечно, команданте», – ответил Эстрада.

«Кроме того, чтобы казнить человека, нам не нужны доказательства его вины, – продолжал Гевара. – Нам нужны только доказательства того, что *его необходимо расстрелять* . Только и всего».

«Да, конечно, команданте».

«Наша миссия заключается не в том, чтобы соблюдать правовые гарантии, – уточнил Че. – Она в том, чтобы продолжать революцию. И в этом нам поможет педагогика расстрельной стены!»

«Очень хорошо, команданте».

«Конечно, вы знакомы с тем, что говорил Троцкий, верно, Эстрада?»

«Нет, команданте, боюсь, не знаком».

«Троцкий говорил, что террор является важным политическим инструментом, и только лицемеры отказываются это признавать. Нельзя ничему научить массы хорошими примерами, Эстрада. Этот метод просто не будет работать».

Уважаемый кубинский юрист по имени Оскар Альварадо с энтузиазмом присоединился к «команде мечты» Че в начале января. Во время первых революционных «процессов» вина часто определялась при помощи «матери». Она входила в зал, одетая в черные траурные одежды, с плотной вуалью на лице, указывала

на обвиняемого и восклицала: «Да, это он! Я уверена в этом! Это преступник из шайки Батисты, который убил моего сына!»

Альварадо начал пристально всматриваться в женское лицо за черной вуалью. Казалось, что та же женщина каждый день. Однажды он приказал одному из своих помощников побриться, одел его в гражданскую одежду и представил его в качестве обвиняемого. «Без сомнения! – вскрикнула женщина, подойдя поближе и изучив его лицо. – Я бы узнала его везде! Это уголовник Батисты, который убил моего сына!»

Но даже такой процесс был напрасной тратой драгоценного времени. Вскоре Альварадо заметил маленькие крестики рядом с именами мужчин и юношей, дела которых предстояло выслушать в суде, и спросил о них помощника Че Гевары. «Ну как же, они ведь уже приговорены к смерти», – объяснил тот, пожимая плечами, как будто логика здесь была очевидной.

«Мы расстреливаем из соображений социальной профилактики», – объяснял позже один из любимых приспешников Че, прокурор Фернандо Флорес-Ибарра по прозвищу «Лужа крови». Он гораздо быстрее, чем Дюк де Эстрада, сориентировался, что к чему.

Тем не менее уважаемый ученый и биограф Джон Ли Андерсон утверждает, что «большинство из них были осуждены справедливо, в присутствии адвокатов, свидетелей, прокуроров». Откуда Андерсон черпает свою уверенность? Он взял интервью у самих прокуроров, в то время как он и его респонденты жили на Кубе. «Каждое дело мы долго, тщательно и честно рассматривали, и решения давались нам нелегко, – послушно цитирует Андерсон самого Дюка де Эстраду. – Че всегда имел четкое представление о необходимости вершить справедливое правосудие над теми, кто был признан военным преступником».

«В первую очередь нас заботило то, чтобы не совершалось никакой несправедливости. В этом Че Гевара был очень щепетилен», – рассказал Андерсону Орландо Боррего, ставленник Че, который сперва играл роль «судьи», а позже стал министром транспорта при Кастро.

И, кроме того, по словам Дюка де Эстрада (который сегодня является одним из министров Кастро), общее число казненных было минимальным. «Мы расстреляли лишь около пятидесяти пяти человек в Ла-Кабанье», – говорит он. Те же, кто не связан более с режимом, могут подтвердить, что реальность выглядела иначе.

«На встрече в начале 1959 года Че прервал помощник, вошедший с большой стопкой бумаг, – вспоминает Хосе Пуйоль, который некоторое время служил начальником портов при

Кастро. – Че сгреб всю пачку и просто стал подписывать, не глядя. Это все были расстрелы, запланированные на грядущую ночь».

Для кубинца, живущего в изгнании, чтение официальных биографий Че сродни чтению биографии Гитлера, в которой глава о холокосте написана Адольфом Эйхманом – сотрудником гестапо, непосредственно ответственным за уничтожение евреев. Или чтению биографии Сталина, где описания «чисток» и ГУЛАГа основаны на воспоминаниях Лаврентия Берии, который к тому же высмеивает Александра Солженицына как вздорного типа с излишне буйной фантазией. Добавьте к этому средства массовой информации, которые называют эти книги «виртуозной попыткой отделить личность от мифа», или «кристально честным и ошеломляющим исследованием»…

Армандо Вальядарес, который каким-то образом избежал расстрела, но провел двадцать два мучительных года в лагерях Кубы, рассказал о своем суде очень кратко: «Ни одного свидетеля, чтобы обвинить меня, никого, чтобы установить мою личность, ни одной-единственной улики против меня». Достаточно было того, что он был арестован в своем кабинете по обвинению в отказе повесить портрет Кастро над рабочим столом.

Эвелио Родригес был расстрелян по приказу Че в феврале 1959 года. Его невестка, Мириам Мата, высмеивает наивную веру Андерсона в «правосудие» Гевары. «Мой свекор был офицером полиции на Кубе, а вовсе не военным преступником Батисты, – говорит она, закатывая глаза. – Он работал на демократически избранное правительство Кубы в сороковых годах и продолжил службу в 1952 году. Батиста не выдавал ему зарплату лично в руки, ради всего святого. На самом деле он был освобожден от должности людьми Батисты. Он в жизни бы не подумал, что люди Че могли за что-то арестовать его. Поэтому он спокойно остался на Кубе».

Эвелио Родригес был арестован и расстрелян Че в первые недели после победы повстанцев.

Опять же в этом есть определенная логика. Как и в сталинской России, тот, кто имел хоть малейшее отношение к «контрреволюционерам», был потенциальным кандидатом на расстрел на Кубе Че Гевары. Педро Диас-Ланц был личным пилотом Кастро в горах Сьерры во время стычки с силами Батисты. В январе 1959 года Кастро назначил его главой военно-воздушных сил Кубы, где Диас-Ланц стал свидетелем того, как инструкторы-коммунисты Че Гевары вбивают в головы новобранцев военно-воздушных сил марксистско-ленинские догмы. Вскоре Диас-Ланц понял, что подобное «воспитание» происходит по всей Кубе, и в нем задействована вся армия и

полиция поголовно.

Диас-Ланц оставил свой пост в мае и попытался предупредить своих близких друзей, кубинский народ и власти США о том, что происходит на Кубе. Педро погрузил жену и детей на небольшой катер и сбежал в Майами. Через несколько недель он арендовал маленький самолет и полетел над Гаваной, разбрасывая листовки, в которых говорилось о коммунизации Кубы, запланированной Кастро и Че. Брат Педро Диаса-Ланца, Гильермо, был немедленно арестован на Кубе и заключен в тюрьму Ла-Кабанья. Никаких доказательств контрреволюционной деятельности представлено не было, но через несколько месяцев его вытащили из камеры и закололи штыками насмерть.

Примерно в то же время к отцу пятерых детей по имени Хуан Альварес-Абальи наведалась кубинская полиция. «Мы вернемся через час или около того, – сказал офицер напуганной жене Альвареса-Абальи. – Мы просто пройдем в участок, чтобы задать вашему мужу несколько вопросов». В чем заключалось его преступление? У Альвареса-Абальи был зять по имени Хуан Маристани, который ускользнул в венесуэльское посольство прямо перед носом полицейских Кастро несколько дней назад. Хуан подозревал, что дело как-то связано с ним. «Не волнуйся, дорогая, – поцеловал он жену. – Я скоро вернусь».

На самом же деле его бросили в темницу Ла-Кабаньи. Повстанцы-«гуманисты» попросту использовали Хуана в качестве заложника, чтобы выманить его зятя из убежища в посольстве. Через несколько дней Альвареса-Абальи выдернули из камеры и подвергли всему набору судебных процедур Че. Никаких обвинений против него не выдвигалось. Но приговор был вынесен сразу: смертная казнь через расстрел.

По пути к расстрельной стене Альварес-Абальи должен был пройти мимо изображений Фиделя и Че. «Из-за этих двух негодяев пятеро детей останутся сиротами!» – в сердцах бросил он. На следующий день его изрешеченное пулями тело было сброшено в безымянную могилу на кладбище Колон в Гаване.

Идельфонсо Каналес был следователем в военной полиции Че – «G-2». В 1961 году он объяснял, как работает система доктора Риверо Каро. «Забудьте про ваши адвокатские замашки, – усмехался он. – То, что вы говорите, не имеет значения. Какие доказательства вы предоставите, не имеет значения. Даже то, что говорит прокурор, не имеет значения. Единственное, что имеет значение – это то, что говорит «G-2»!»

Некоторым сравнение ранней кубинской революции с началом установления нацистского или сталинского режима кажется возмутительным. Мол, это типичный трюк «кубинских

беженцев и правых психов». Но подобное историческое сравнение не умозрительно, оно основано на реальных фактах.

Гитлер, Сталин и Че

Задолго до начала Второй мировой войны нацистская Германия была образцом современного политического зла. В 1938 году там уже называли Гитлера «бандитом», а Уинстона Черчилля – «кровожадным маклером». Даже Бенито Муссолини, будущий союзник Гитлера, утверждал, что он «хуже Аттилы!»

Если верить Уильяму Ширеру и Джону Толанду, в 1938 году при нацистском режиме было не более двадцати тысяч политических заключенных. Количество казненных за политические взгляды к тому времени составляло несколько тысяч, большинством из которых были нацисты-отступники, погибшие во время массовой бойни, известной как «Ночь длинных ножей». Во время печально известной «Хрустальной ночи», вызвавшей ужас у всего цивилизованного мира, погиб семьдесят один человек из семидесятимиллионного населения Германии. В дальнейшем по вине режима было истреблено шесть миллионов евреев и миллионы других людей.

Можно ли сравнивать Кубу Кастро с довоенной гитлеровской Германией? В 1960-х годах в Майами действовало Журналистское информационное агентство – организация кубинских журналистов в изгнании. Их *«Национальный информационный бюллетень»* , том VI, № 754, от 27 декабря 1967 года, сообщал, что к 1966 году около 7876 мужчин и мальчиков из общего населения в 6,4 миллиона были казнены революционными отрядами. И на этом все не закончилось. По данным *«Черной книги коммунизма»* , расстрельные отряды Кастро и Че уничтожили четырнадцать тысяч человек к 1970 году.

В определенный момент в 1961 году триста тысяч из 6,4 миллиона кубинцев находились в тюрьме. Энн Эпплбаум в своей книге «ГУЛАГ» пишет, что в общей сложности восемнадцать миллионов человек прошли через сталинские лагеря. В любой отдельно взятый момент времени в тюрьме находилось два миллиона человек, из общего населения в двести двадцать миллионов.

Воспользуемся калькулятором и сравним отношение заключенных и казненных к общей численности населения для Кубы, нацистской Германии, согласно Толанду и Ширеру, и Советского Союза Сталина, согласно Эпплбаум. В абсолютном выражении Кастро и Че превзошли гитлеровский режим до Второй мировой войны. В пропорциональном выражении, они единовременно держали в кубинских тюрьмах больше заключенных, чем Сталин в советских лагерях.

Даже отношение нацистов к захваченной Франции помогает понять ситуацию. Атлас Второй мировой войны Харпера-Коллинса сообщает, что за время нацистской оккупации из общего населения Франции в сорок миллионов погибло 173 260 гражданских лиц. Кубино-американские ученые-исследователи доктор Армандо Лаго и Мария Верлау возглавляют Архив Кубы, тщательно документирующий каждую смерть в период кубинской революции. По их данным, в общей сложности режим Кастро – Че привел к смерти как минимум 107 805 человек, 77 833 из которых погибли в море при попытке бегства.

В том, что касается количества беженцев, Кубу также можно сравнить с нацистской Германией. С 1933 по 1937 год – сто двадцать девять тысяч из семидесяти миллионов граждан Германии бежали из своей страны. За пять лет правления Кастро – Че *полмиллиона* кубинцев бежали с Кубы, при общем населении в 6,4 миллиона человек. Причем кубинские данные учитывают только тех, кто покинул страну, невзирая на огромные трудности, и был вынужден бросить все свое имущество и потерять последние гроши. Если бы в 1961 году путешествие из Гаваны до Флориды было не таким тяжелым и практиковалась бы беспрепятственная эмиграция с собственностью и семьей (как это делается во всех цивилизованных странах, в том числе на Кубе до Кастро), то остров бы опустел через две недели. И кроме того: до революции Кастро и Че иммиграционная модель Кубы был прямо противоположной, люди со всего света, от Италии до Гаити, требовали *въездной* визы на Кубу.

Нельсон Мандела однажды сказал: «Че Гевара является источником вдохновения для каждого человека, любящего свободу». Если бы вместо острова Роббен, где он перенес столько страданий, Мандела был отправлен в тюрьму Ла-Кабанья, о нем бы никто больше не услышал.

Эскадроны смерти на Кубе

При Кастро и Че кровопролитие происходило не только в Ла-Кабанья и десятках других официальных мест. Кубинский народ был разоружен, и по улицам с важным видом ходила милиция и приверженцы Коммунистической партии в поисках « *гусанос* » – контрреволюционеров и различных «люмпенов» (любимое оскорбление Че). Контрреволюционером мог быть назван любой, кто еще до славной революции неуважительно отзывался о достойнейших людях, получивших благодаря оной революции значительную власть и возможность расквитаться с обидчиком.

Спросите любого, кто пережил такие времена – кубинца, вьетнамца, поляка или чеха – подобный тип мести является наиболее характерной чертой коммунистической революции. «Че играет центральную роль в создании системы безопасности Кубы», – признает его агиограф Хорхе Кастанеда. Как известно, штаб Министерства внутренних дел Кубы или тайной полиции украшают вовсе не огромные изображения Фемиды – богини правосудия.

В штаб-квартире тайной полиции находится изображение Че Гевары – подобно тому, как статуя Феликса Дзержинского в свое время находилась на Лубянской площади, недалеко от штаб-квартиры КГБ.

«Каким должен быть молодой коммунист» – так назвал Че свой призыв к Союзу молодых коммунистов осенью 1962 года. «Самые счастливые моменты в жизни юного коммуниста наступают, когда он видит, как его пули попадают в его врага». Руководитель местной ячейки «коммунистической молодежи» средней школы Балдор в Гаване проникся этим выступлением Че Гевары.

7 октября 1962 года четырнадцатилетний Рамон Диас был на школьном дворе во время перерыва. Вдруг он увидел, как местный лидер коммунистической молодежи приближается к его другу с оружием в руках. Рамон начал кричать и бросился на помощь. Но молодой коммунист не стрелял. Вместо этого он начал жестоко избивать друга Рамона прикладом.

Рамон подбежал и толкнул коммуниста, тот прекратил избивать свою жертву, взглянул на Рамона и прямо на глазах у одноклассников застрелил его. Революция дала юному хулигану оружие и возможность безнаказанно убивать.

9 сентября 1961 года тайная полиция Кубы ворвалась в дом семьи Кардона в городе Эсмеральдо, провинция Камагуэй.

Семью Кардона подозревали в укрывательстве

«контрреволюционных бандитов». Полицейские выбили дверь, ворвались в дом и, не глядя, разрядили обоймы во все, что двигалось. Они убили всю семью: мать, отца и двух мальчиков – пяти и шести лет. В том же месяце четырнадцатилетний Армандо Гонсалес Пераса был схвачен полицией в провинции Лас-Вильяс. Несколько дней родители Пераса пытались получить информацию о сыне у местных органов власти. Наконец им сообщили, что Армандо покончил жизнь самоубийством. То же самое сказали и родителям Элио Родригеса, который жил в Гаване. Элио было тринадцать лет, когда его схватили боевики Че. Ни один из этих ребят не имел ни малейших проблем с психикой. «Покончил с собой» – такую формулировку использовали Кастро и Че вместо печально известной «убит при попытке к бегству», как обычно выражается бандитская полиция «правых» в голливудских фильмах и прочей массовой культуре.

Лидия Гувернье, жизнерадостная двадцатилетняя студентка Гаванского университета, по каким-то причинам вызвала недовольство властей. 12 ноября 1959 года ее доставили в полицию. На следующий день ее родители забрали ее труп из полицейского участка.

«Полиция убивала людей на улицах без разбора, – вспоминает Ибрагим Кинтана, – всякий раз, когда кто-то показывал малейшее неуважение к власти». Кинтана был хорошо осведомлен по этому вопросу. До того, как бежать в США в 1962 году, он работал на похоронное бюро Риверо в Гаване. «Убитого всегда сначала доставляли в государственный пункт первой помощи. Потом уже звонили в морг, чтобы приехали за телом.

Государственный чиновник на пункте первой помощи выписывал свидетельство о смерти, в котором утверждалось, что человек умер вовсе не от пули, а от других причин. Например, попал под грузовик, и тому подобное… По приказу правительства морги не позволяли семьям погибших увидеть тело. В 80 процентах случаев, когда в свидетельстве о смерти говорилось, что человек умер не от выстрела, а от чего-то другого, на теле было обнаружено одно или несколько огнестрельных ранений».

В отличие от трупов в полицейских участках Кубы сотни тел, доставленных из Ла-Кабаньи, не требовали фиктивных свидетельств о смерти. В конце концов, заключенные были казнены «в судебном порядке» после «суда». «Причиной смерти стало внутреннее кровоизлияние, вызванное огнестрельным ранением», так говорилось в официальных свидетельствах о смерти, полученных тысячами кубинских семей.

«Иногда тела из Ла-Кабаньи доставлял прямо в наше похоронное бюро человек по имени Менендес, – вспоминает Кинтана. – Они всегда прибывали ночью. Затем, ровно в шесть утра, тела погружали в машины и везли на кладбище Колон. На запястьях мертвецов были небольшие клочки бумаги с их именами. На кладбище могильщик снимал их и сбрасывал тела в безымянные могилы. Ему было приказано выжидать три дня после похорон, прежде чем сообщать семье умершего о том, что тело находится на кладбище».

Вскоре после пламенной речи Че перед коммунистической молодежью Кубы в октябре 1962 года семнадцатилетний Армандо Пинейро и его друзья беседовали возле отеля Ла-Перла, что в городе Санкти-Спиритус в центральной части Кубы. Это были подростки, мальчишки – следовательно, шумные, эмоциональные и не слишком осторожные. И кстати, было бы неплохо, если бы кто-нибудь догадался сообщить группе *«Rage Against The Machine»* (использущей Че Гевару в качестве эмблемы), что если *когда-либо* группа молодых людей и имела причины для тревоги и бунтарских настроений, то это была кубинская молодежь с 1959 года по настоящее время.

Дерзкие парни у отеля Ла-Перла стали громко жаловаться на плачевное состояние страны, удушающую регламентацию, всевозможные правила, идиотов и мерзавцев, разрушающих страну, нормирование и принудительный труд с параллельной декламацией правительственных лозунгов, как это предписывал прославленный министр промышленности Эрнесто Гевара. В середине их энергичного обсуждения появился молодой коммунист-милиционер, нежно прижимавший к себе чешский автомат.

Обычно этого было достаточно, чтобы разговоры быстро прекратились. Но эти парни либо не заметили его, либо не придали значения.

Милисиано не понравилось то, что он услышал, и он остановился перед мальчиками. Подростки, наконец, замолчали и взглянули на него, в тот же момент *милисиано* открыл огонь, разрядив свой автомат в мальчиков.

Армандо Пинейро упал мертвым вместе со своими друзьями Карлосом Родригесом, Исмаэлем Лоренте и Рене Одалесом. Другие подростки корчились от боли и стонали на земле.

Некоторые называют такого рода вещи «сопутствующими потерями». Но Че Гевара в его собственных сочинениях и призывах помог прояснить этот вопрос. Он писал: «К сотрудничеству людей часто можно принудить при помощи систематического террора».

Молодой кубинский милиционер нажал на курок. Этот вдохновленный учением Че *милисиано* у отеля Ла-Перла был, как выражается Кастанеда, весьма «надежным».

В начале революции соратник Че однажды пожаловался тому на трудности с привлечением денег для антибатистовского восстания в провинция Матансас на Кубе. «Это в целом объяснимо, – пожал плечами революционер. – Я имею в виду, в конце концов, что я могу им предложить, кроме шанса жить в демократической стране в случае успеха?»

«Не тратьте время на эту чепуху, – фыркнул Че. – Это редко работает. Вместо этого угрожайте им террором. Если они не помогают вам, они получают террор». Вымогательство, шантаж и угрозы – такого Че вы не увидите в голливудских фильмах.

Исследователи Мария Верлау и доктор Армандо Лаго зарегистрировали двадцать тысяч четыреста «внесудебных» убийств кубинцев при режиме Кастро и Че. Каждое утро кубинские школьники произносят кастровский аналог пионерской клятвы, который начинается и заканчивается словами «Мы будем как Че!». Джон Ли Андерсон пишет с явной гордостью, как его дочь послушно произносила клятву каждое утро, когда они жили на Кубе. Надо еще постараться, чтобы в своем обожании зайти *так* далеко…

Лагеря для «правонарушителей» Че

«9 октября 1967 года первые слухи о предполагаемой гибели Эрнесто Че Гевары достигли Соединенных Штатов, – вспоминает журналист Джон Герасси, который преподавал в университете Сан-Франциско. – Ко мне подошла девятнадцатилетняя студентка. На груди у нее был значок «Занимайтесь любовью, а не войной». «Как вы думаете, это правда?» – со слезами на глазах спросила она».

Во всем мире молодые идеалисты лили слезы над человеком, который навязывал идею вечной войны и всеобщей воинской повинности для молодежи. «Для меня это было самым прекрасным зрелищем в мире, – писал Че о получении партии автоматов его партизанской колонной на Кубе в горах Сьерра. – Там, перед нашими жадными глазами, были орудия смерти!»

Восемнадцатилетний кубинец Эмилио Искьердо получил известие о смерти Че в тот же день, что и класс профессора Герасси. Но реакция Эмилио заметно отличалась от реакции «детей цветов» в Сан-Франциско. «Ах, как мне хотелось кричать от счастья! – вспоминает он сегодня в Майами. – Я был готов прыгать как безумный! Вопить от радости! Закатить вечеринку! Обнять человека, который сообщил мне эту новость!»

Но это было бы очень неразумно. Известие о смерти Че передал Эмилио вооруженный до зубов охранник. Эмилио, видите ли, в октябре 1967 года находился в лагере УМАП для «преступников» и «люмпенов». Эта уголовно-исполнительная система была детищем Че Гевары (героя студентов, которые не хотят «власти сверху»). В 1960 году лагерь находился в месте под названием Гуанахакабибес на крайнем западе Кубы.

Созданная Кастро и Че система «революционного правосудия» добилась больших успехов всего за один год. Подставные слушания без адвоката и с неграмотными бандитами в качестве судей обрекали обвиняемых – а это тысячи людей в 1959 году – на расстрел и тюрьму. «Мы посылаем в Гуанахакабибес людей, которые совершили преступления против революционной морали, – заявлял сам Че. – Это тяжелый труд… условия суровые…»

Так оно и было. Целью, проповедуемой в трудовых лагерях Че, была «реабилитация». Джон Ли Андерсон использует это слово в биографии Че без кавычек и, видимо, на полном серьезе. Пол Пот и Хо Ши Мин предпочитали термин «перевоспитание» для названия аналогичного процесса.

«Рабский труд и пытки» – такой термин употребляет Эмилио

Искьердо и десятки тысяч людей, которые пострадали в аналогичных лагерях до него, вместе с ним и после него. Как и сталинский ГУЛАГ, тюрьмы Кубы заполнились десятками тысяч социальных паразитов, бездельников и неисправимых людей. Звучит знакомо? Вспомните, как дерзко подписывал Эрнесто Гевара свои ранние письма: «Сталин II».

Со временем вся Куба стала тюрьмой. Че ввел «прогрессивную» трудовую программу, предусматривающую «добровольную» работу в выходные дни и шестидесятичасовую рабочую неделю. Это вызвало недовольство у рабочего класса Кубы. До того как Че освободил их, рабочие Кубы привыкли к таким часам работы и преимуществам, что лидеры американских профсоюзов обзавидовались бы. В самом деле, в сороковых и пятидесятых годах процент кубинских рабочих (пропорционально численности населения), состоявших в профсоюзах, был больше, чем в США.

Профессора и средства массовой информации повторяли басни Кастро и Че о докастровской Кубе как стране нищих и обездоленных рабочих. Сьюзен Зонтаг в своей статье «Бастион» сожалела об «отсталости» Кубы. Газета *«Нью-Йорк таймс»* называла Кубу «бывшей полуфеодальной экономикой» и превозносила Кастро и Че за «обещание социальной справедливости и надежду на обретение человеческого достоинства для миллионов людей, которые так мало видели его на докастровской Кубе».

К 1965 году контрреволюционная деятельность на Кубе постепенно сходит на нет. Договор между Кеннеди и Хрущевым в октябре 1962 года способствовал подавлению антикастровского сопротивления. Теперь режим Кастро нуждался в новых поводах для массовых арестов, запугивания населения и особенно в рабском труде. Полиции была дана полная свобода действий для расправы с «антиобщественными элементами», «извращенцами», «преступниками» и знаменитыми «люмпенами», по выражению Че Гевары (этот термин подчеркивает его фирменное высокомерие).

Молодежь была под прицелом, наибольшему риску подвергались длинноволосые, подозреваемые в любви к рок-н-роллу, неисправимо религиозные и – особенно – гомосексуалисты.

«Потенциально уголовно опасен» – таков был любимый приговор режима в отношении этих молодых людей.

Ваши длинные волосы, ваш ехидный взгляд, ваши музыкальные вкусы, ваши узкие брюки, открытая поддержка христианства, ваше происхождение, ваш отказ «добровольно» работать в выходные – все это могло сделать из вас нарушителя

революционной морали.

Вместе с Эмилио отбывали заключение «свидетели Иеговы», практикующие католики и протестанты, дети политических заключенных – все были схвачены в результате облав в середине шестидесятых. Лагеря, в которых держали Эмилио Искьердо и десятки тысяч других молодых людей, назывались УМАП (от испанского *Unidades Militares para la Ayuda de Producción* , дословно – «воинские подразделения для помощи производству»). Официальное название и эвфемизм УМАП не скрывали истинного назначения лагерей – принудительный труд. В СССР при Сталине ГУЛАГ обозначал то же самое.

Эти лагеря были со всех сторон оцеплены высокой колючей проволокой с пулеметчиками в каждой сторожевой башне и свирепыми собаками. Как уже упоминалось ранее, над воротами лагеря для гомосексуалистов красовалась надпись: «Работа сделает из вас людей», что подозрительно напоминало печально известную надпись над воротами концлагеря Аушвиц-Биркенау: «Работа сделает вас свободными».

В лагерях УМАП заключенные тяжело трудились под палящим тропическим солнцем, за отставание от графика их избивали и даже казнили. В Гуанахакабибес ни один из заключенных УМАП не был осужден даже фиктивными кастровскими судами за какое-либо «контрреволюционное» преступление. Военные и полицейские грузовики просто окружали места в Гаване, где обычно собирались гомосексуалисты, рокеры или верующие. Потом всех без разбору загоняли в военные грузовики под дулом пистолета. «Все в лагере были готовы кричать от восторга, когда мы услышали о смерти Че», – вспоминает Эмилио Искьердо, который выжил и стал президентом Ассоциации бывших политических заключенных УМАП.

«Было заметно, что все пытались подавить радость, потому что охранники смотрели на нас всех очень пристально, особенно на наши лица. Они отчаянно хотели обнаружить малейшие признаки радости». Это было бы серьезным «преступлением против революционной морали», как писал сам Че, и охранники смогли бы дать волю своим садистским наклонностям.

«Режим Кастро и Че вербовал злостных садистов и психопатов – абсолютно неуравновешенных, таких, как охранники и надзиратели этих лагерей, – продолжает Эмилио. – Я полагаю, все тоталитарные режимы нанимают таких людей. Я читал книги Александра Солженицына, Эли Визель об американских военнопленных в Ханое, и я думал про себя: «Это звучит очень знакомо». Во всяком случае, многие из этих охранников –

несмотря на всю пропаганду кампании по ликвидации неграмотности – были практически неграмотны. Они использовали любой повод, чтобы избить нас, бросить в крошечный карцер, жарить до полусмерти под полуденным солнцем, даже расстрелять нас. Я видел, как мальчиков убивали просто за то, что они были не в состоянии выдерживать нагрузку. Я пытаюсь объяснить это всем людям в этой стране, но никто не верит. Они не могут представить эти ужасы всего в ста пятидесяти километрах от них, и тем более по вине людей, которых в международных средствах массовой информации изображают как благородных реформаторов.

Но один несчастный мальчик не смог скрыть своей радости по поводу смерти Че Гевары, – вспоминает Эмилио. – Он был просто не в состоянии. Я не думаю, что он был счастливее, чем остальные из нас, он просто не сумел эффективно замаскировать свою радость. В итоге охранники утащили его, и вскоре мы услышали крики, сопровождаемые смехом. Находясь в игривом настроении, некоторые из охранников любили сорвать всю одежду с заключенного и привязать его к забору в сумерках, совершенно голого, совершенно беспомощного. Лагеря УМАП находились в сельской местности, недалеко от воды. И если вы не слышали о москитах, которые водятся на болотах Кубы, то я вам расскажу. Эти мелкие твари кусают больно, как осы, оставляя кровоточащие следы. Охранники любили смотреть, как эти кровожадные насекомые полностью покрывают голые тела беспомощных заключенных, часами сосут кровь, доводя свою жертву до исступленного безумия. Заключенный мог висеть на заборе в течение двух дней без пищи и воды. О, как смеялись над этим охранники!»

«Другой любимой игрой охранников, – вспоминает еще один бывший узник УМАП Сесилио Лоренцо, – было пустить лошадь галопом, набросить лассо на узника, который им не нравился, и тащить его на аркане. Одного моего знакомого, которому было семнадцать лет в то время, тащили на протяжении двух километров по проселочным дорогам через тернии и заросли. Он вернулся весь в крови».

Сам Че объясняет необходимость вышеперечисленных мер в своем труде « *Социализм и человек на Кубе»* следующим образом: «Чтобы массы следовали за авангардом, они должны подвергаться воздействию и давлению определенной интенсивности».

Папа Че

В книге Джона Ли Андерсона *«Че: жизнь революционера»* содержится много трогательных фотографий «папы Че» с его милыми маленькими дочерьми на коленях.

Описывая прощальную сцену с участием Гевары, когда тот покидал Кубу в конце 1966 года и направлялся в Боливию, биограф изо всех сил стремится задеть чувствительную струнку в душе читателя: «Последние несколько дней были волнительными для всех, – пишет Андерсон о финальной семейной сцене. – Но самыми пронзительными были последние встречи с Алейдой и детьми. Че, тщательно замаскированный для секретной миссии в Боливии, не мог открыться даже своим детям. Ненадолго папа Че стал «дядей Рамоном», который приехал, чтобы передать от отца наставления для каждого из них и сказать, как сильно папа их любит. За обедом дядя Рамон сидел во главе стола, где раньше сидел папа Че».

Орландо Боррего был «судьей» без юридического образования, который председательствовал на фиктивных разбирательствах в первые месяцы революции, когда сотни кубинцев были отправлены на расстрел по приказу Че. Позже этот ставленник и подхалим Кастро сделался чиновником кубинского правительства. В то время, когда Андерсон писал на Кубе «беспристрастную» биографию Че, которая была призвана «отделить человека от мифа», Боррего, по-видимому, выступал в качестве одного из самых надежных источников информации касательно «папы Че».

Боррего также присутствовал на трогательном прощании Че. «Для Боррего последняя встреча Че с его трехлетней дочерью Селией была одной из самых болезненных сцен, которые он когда-либо видел, – вздыхает Андерсон. – Че был рядом со своей дочерью, но не мог сказать ей, кто он, не мог даже прикоснуться к ней и обнять ее, как обнял бы отец».

В процессе «отделения человека от мифа» Андерсон ни разу не упоминает о сотнях жен и дочерей, которые ждали у стен тюрьмы Ла-Кабанья последней возможности даже не коснуться, а хотя бы просто увидеть или сказать несколько последних слов их мужьям и отцам, приговоренным к смертной казни «папой Че».

«Однажды мы прождали несколько часов под палящим солнцем, – вспоминает Марго Менендес, которая надеялась увидеть осужденного отца. – Наконец мы увидели выезжающий из ворот автомобиль. Внутри сидел сам Че, и мы начали кричать и требовать, чтобы кто-нибудь позволил нам увидеть наших родных

и близких. Че остановил машину и опустил стекло. «Вы все наказаны! – проорал он. – Никаких посещений на этой неделе!» – и снова поднял стекло. Мы начали кричать еще громче. Тогда Че схватил приемник и кого-то позвал. Через несколько секунд из ворот Ла-Кабаньи выскочила банда его солдат с дубинками и пистолетами. Они жестоко избивали нас до тех пор, пока мы не разбежались».

«Прощайте, мои детки, – цитирует Андерсон прощальное письмо «папы Че» детям. – Папа вас крепко целует и обнимает».

«Самое большое, что Че мог сделать, это попросить своих детей, чтобы те поцеловали его в щеку», – продолжает Андерсон. «Папа Че» уезжал в Боливию, поэтому «слезы стояли в глазах Че. Алейда была подавлена и опустошена, но сумела сдержать слезы».

Женщина по имени Барбара Рэйнджел-Рохас, которая сегодня живет в Майами, не может в должной мере проникнуться состраданием к Боррего и Андерсону, читая о грустном прощании «папы Че» с детьми.

Вскоре после фиктивного боя за Санта-Клару ее дед Корнелио Рохас исчез. Он был настоящим столпом общества, известным и любимым благодаря активному участию в благотворительности. Он также был полковником кубинской полиции. «Естественно, моя мать, бабушка и отец подозревали, что он был арестован, – говорит Барбара. – Но мы ничего не слышали, и все наши расспросы ни к чему не приводили».

Прошла целая неделя, а семья Рохас все еще пребывала в неведении относительно судьбы главы их семейства. «Мы все были полубольны от беспокойства – особенно моя бедная мама, которая в то время была на шестом месяце беременности. Моя бабушка переносила все стоически, но мы отлично знали, что творится у нее внутри. Она была раздавлена».

В 1959 году в большинстве кубинских домов жило три поколения одновременно. Семьи были очень близки. «Как почти все кубинские девушки, я была очень близка со своим дедушкой, – говорит Барбара. – Мы ужинали вместе каждый вечер. Каждый вечер я сидела у него на коленях в гостиной. Он совершенно избаловал меня подарками и постоянным вниманием. Мне было всего семь лет, но все это я помню очень живо».

Через неделю после исчезновения ее деда Барбара услышала, как ее мать взволнованно зовет всех из гостиной. Она бросилась в комнату и увидела мать, указывающую пальцем на телевизор. Бабушка смотрела на экран широко раскрытыми глазами, зажимая рукой рот. Там, на экране, был дедушка.

«И он был жив, – вспоминает она. – Он шел вроде бы свободно, без наручников или чего-то такого. Мой дедушка был важной фигурой в провинции на протяжении десятилетий. Наша семья отличилась во всех войнах Кубы за независимость. И это была новостная передача, поэтому какое-то время мы не придавали этому значения. Мы все смотрели друг на друга широко раскрытыми глазами. Моя бабушка даже приложила руку к груди и возвела глаза к небу, по-видимому, испытав облегчение. Мой дедушка на экране не выглядел испуганным, и не похоже было, что его к чему-то принуждают».

Затем угол камеры изменился, и было видно, что Рохас стоит, подняв руку вверх, и что-то говорит. «Нам потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он стоял перед толстой бетонной стеной. Моя мать нахмурилась. Бабушка прищурилась и наклонилась поближе к телевизору».

Затем камера отъехала назад, угол вновь изменился, и в поле зрения попали винтовки – винтовки, которые указывали на Рохаса.

«Нет! – начала кричать моя мать. – Нет!» Бабушка и мама бросились друг к другу и обнялись. Мой дедушка стоял перед одним из расстрельных отрядов Че! Но – как и следовало ожидать от деда – он отказался завязывать глаза и стоял с палачами лицом к лицу.

Он готовился отдать приказ…»

«Фуэго!» – скомандовал полковник Корнелио Рохас, и дедушка Барбары был застрелен на глазах у всей его семьи. Это было ужасно *наглядное* убийство. Камера приблизилась, чтобы показать израненную голову и тело, сочащуюся кровь.

«От этого ужасного зрелища моя бабушка рухнула на пол, – вспоминает Барбара. – Мама кричала. Я плакала. Мы бросились к бабушке – помните, моя мама была тогда на шестом месяце беременности. «Проснись! Проснись!» – плакала я, пытаясь заставить бабушку очнуться».

Однако ничего уже нельзя было поделать. С бабушкой Барбары случился сердечный приступ, и вызвало его дьявольское зрелище на кубинском национальном телевидении. Она воссоединилась с мужем, с которым счастливо прожила сорок лет.

«Через несколько минут, – вспоминает Барбара, – у убитой горем матери начались родовые схватки. Ей удалось связаться с некоторыми соседями, и они бросились на помощь. Она родила моего брата, преждевременно, прямо в ее спальне. Тело моей бабушки по-прежнему лежало в гостиной, а окровавленный труп деда лежал у выщербленной пулями стены. До сих пор мы не

знаем, где он был похоронен. В братской могиле, думается нам, как и многие другие. Убийца Че Гевара даже не дал нам последнего утешения – похорон, чтобы мы могли поставить крест или принести цветы моему убитому деду… Как можно забыть такое? Эти воспоминания не дают мне покоя до сих пор».

Каридад Мартинес было десять лет в марте 1959 года, когда группа геваровских *милисианос* ворвалась в их дом с двумя наспех сколоченными деревянными ящиками, по форме едва напоминавшими гробы, и сбросили на пол их скромной гостиной. «Это Хасинто (отец Каридад), – рявкнул бородатый головорез, указывая на один их них. – А это Мануэль (дядя Каридад). И чтоб никаких тут похорон, никакой показушной демонстрации скорби и горя!» Они оглядели посеревших от страха женщин и испуганных детей, за них цеплявшихся, а затем вышли и поехали обратно в Ла-Кабанью, где милый «папа Че» днем ранее радостно наблюдал за казнью отца и дяди Каридад из его любимого окна.

«Наша семья уже никогда не была прежней, – говорит Каридад. Ей сейчас пятьдесят пять, но, вспоминая о событиях тех ужасных дней, она все еще плачет, не скрываясь. – Моя мать превратилась в собственную тень, апатичную и безразличную, и оставалась такой вплоть до самой смерти. Я часто плакала в нашем дворике, забиваясь в самый дальний угол, где никто не мог меня увидеть. Я была маленькой девочкой и боялась, что люди Че вернутся и покарают нас, если увидят меня плачущей».

Публичные расстрелы Гевары служили одной цели – запугивать и устрашать. Убийство Корнелио Рохаса в прямом эфире было первой версией того, на чем позже станут специализироваться в Интернете профессиональные террористы. Тысячи прочих кубинских матерей, дочерей, сестер и бабушек просто удостаивались анонимного телефонного звонка, и безразличный голос в трубке сообщал им, что тела их мужчин – бывших заключенных – теперь находятся на кладбище Колон. Как правило, это были безымянные массовые захоронения. Посетить их и поставить на них крест или цветы означало неминуемое возмездие от головорезов «папы Че».

«У меня и у тысяч других маленьких девочек на Кубе этот аргентинский трус, этот подлый убийца навсегда украл поцелуи и объятия наших отцов, – говорит Барбара Рэйнджел-Рохас. – Когда я вспоминаю о мужественной смерти моих дедушки и дяди, на ум мне неизменно приходят знаменитые слова Че Гевары, которые он выкрикивал, сдаваясь в плен: «Не стреляйте! Я Че! Я стою больше живым, чем мертвым!» И тогда мне хочется истерически смеяться. Хотя нет. Мне все так же, как в детстве, хочется плакать».

Публичное убийство деда Корнелио не было единственным горем семьи Рохас. Два года спустя дядя Барбары, семнадцатилетний Педро, ранее бежавший в США, вернулся на родину и высадился в заливе Кочинос с винтовкой в руках, готовый любой ценой освободить Кубу от Че Гевары.

После трех дней непрерывных боев на этой обреченной земле юный дядя Барбары сходил с ума от жажды и практически бредил; лицо его превратилось в свирепую и отчаянную маску. Офицер ЦРУ по имени Грейстон Линч, который проводил подготовку, подружился с этими людьми и сражался с ними бок о бок. На третий день битвы он оказался на флагманском корабле США в тридцати морских милях от берега. Полученные из Вашингтона сообщения ясно давали понять, что десантников бросили. Ни патронов, ни прикрытия с воздуха, ни подкреплений, ни военно-морской поддержки – ничего этого можно было уже не ждать. Линч был взбешен и удручен. Он радировал своим братьям по оружию и предложил эвакуировать их.

«Никакой эвакуации! – проорал командир Педро Рохас в свой передатчик, в то время как вокруг тысячи четырехсот его покинутых братьев по оружию сжималось кольцо из советских танков и армии коммунистов численностью сорок одна тысяча солдат. – Мы пришли сюда, чтобы *сражаться* ! Здесь мы и останемся!»

«В моих глазах стояли слезы, – вспоминает Линч. – Никогда за все тридцать семь лет моей жизни мне не было так стыдно за мою страну».

Израсходовав последний патрон на этом кровавом пляже, семнадцатилетний Педро Рохас был схвачен и хладнокровно убит наемниками Че Гевары.

«Интеллектуал и ценитель искусства»? Сжигатель книг и вор!

Все биографы отмечают склонность Че как к гуманитарным, так и к точным наукам. «Он интересовался всем – от социологии и психологии до математики и проектирования. В домашней библиотеке Че Гевары было около трех тысяч книг», – пишет бывший редактор журналов *«Тайм»* и *«Ньюсуик»* Джон Герасси.

Хорхе Кастанеда писал: «Слабый мальчик, страдающий астмой, мог часами с упоением читать. Ему нравилась классика детской литературы того времени, а также Роберт Льюис Стивенсон, Джек Лондон, Жюль Верн. Кроме того, Че с удовольствием знакомился с творчеством Сервантеса, Пабло Неруды, Анатоля Франса. Он перечитал книги всех лауреатов Нобелевской премии в области литературы и часто горячо обсуждал их с преподавателями истории и литературы».

Джон Ли Андерсон цитирует друга Че времен «Дневников мотоциклиста»: «Для Эрнесто Гевары все начиналось с литературы».

Далее Андерсон продолжает воспевать «неуемную тягу к чтению» и «невероятную любознательность» Че Гевары.

Одним из первых действий библиофила после захвата Гаваны в 1959 году стало публичное сожжение книг.

Многие видели кинохроники публичного сожжения книг нацистами на площади Опернплатц в Берлине. И двух недель не проходит без того, чтоб какой-нибудь исторический телеканал или Служба общественного вещания не напомнили зрителям об этом интеллектуальном зверстве, сопровождаемом восторженными криками Йозефа Геббельса или субтитрами, цитирующими его: «Этот огонь символизирует не только закат старой эпохи, но и рассвет новой». Многие наверняка слышали мрачное высказывание немецкого философа и поэта Генриха Гейне: «Если сегодня вы сжигаете книги, завтра вы будете сжигать людей». В память о совершенном преступлении в Берлине был установлен памятный обелиск.

Это часть истории, и об этом нужно помнить. Либералы особенно щепетильно относятся к данному вопросу, иногда даже чересчур. Стоит только администрации какой-нибудь сельской школы отказаться включить в школьную программу произведения Чарльза Дарвина или Джеймса Джойса, как либералы тут же приведут пример сожжения книг фашистами и назовут это следующим шагом школьной администрации на пути к

радикальной Америке.

А что же насчет сожжения книг Че Геварой на Кубе? Литературное приложение газеты *«Лондон таймс»* прокомментировало книгу Андерсона следующим образом: «Составить более полный портрет Че просто невозможно».

Однако вы можете прочесть книгу Андерсона от начала до конца, равно как и другие биографии Че Гевары, и не найдете ни единого упоминания об этом «книжном костре».

А произошло данное событие публично, 24 января 1959 года в Гаване, прямо напротив улицы 558G в районе Ведадо: по приказу Че Гевары под восторженные крики его сторонников-коммунистов было сожжено три тысячи книг.

«В то время я общался с несколькими иностранными журналистами, жившими в Гаване, – вспоминает Сальвадор Диас-Версон, чьи книги, брошюры и документы были публично сожжены, а офис и библиотека ограблены вооруженными головорезами Че. – Жюль Дюбуа из газеты *«Чикаго трибьюн»* и Хел Хендрикс из газеты *«Майами ньюс* » были среди десятков журналистов, вместе с которыми я бродил по остаткам моей разграбленной библиотеки, а после – разбирал то, что осталось от моих книг. Никто из них не придал этому инциденту ни малейшего значения».

Мы можем только представить, какой бы была реакция американских СМИ на это событие, случись оно на месяц раньше, во время правления Фульхенсио Батисты.

Сожжение книг нацистами было публичным и театрализованным, это была открытая попытка побудить массы к бесчинству. Йозеф Геббельс и «коричневорубашечники» публично высмеивали фамилии авторов (Эйнштейн, Фрейд, Уэллс) и содержание книг, которые они предавали огню. Мотивы Че Гевары были иными, и они не имели ничего общего с театрализованным зрелищем, устроенным нацистами. Че хотел, чтобы сожжение книг состоялось без свидетелей. Ну а меньше всего Че Гевара и Кастро хотели, чтобы содержимое библиотеки Сальвадора Диаса-Версона стало достоянием общественности.

Диас-Версон, известный кубинский журналист, филолог и в прошлом государственный чиновник, был президентом Кубинской антикоммунистической лиги – частной исследовательской организации. С середины тридцатых годов – часто называемых исследователями «красным десятилетием» – деятельность Лиги была посвящена изучению коммунизма. В ходе расследований Диас-Версон и другие сотрудники организации составили полные списки членов Коммунистической партии и агентов (как тайных, так и имеющих партбилет) и членов

разрозненных коммунистических групп. К 1959 году они собрали информацию о двухстах пятидесяти тысячах латиноамериканских коммунистов, агентов и сообщников.

В течение Второй мировой войны Лига расследовала действия нацистов в Латинской Америке (напомним, нацисты и коммунисты с сентября 1939 по июнь 1941 года были союзниками). В начале войны Флоридский пролив кишел немецкими подводными лодками, громившими флот союзников. Нацистами было потоплено четыре кубинских торговых судна. Сальвадор Диас-Версон и его люди рассекретили группировку нацистских агентов, которые передавали данные о расписании движения судов руководству рейха.

Нацистские агенты были окружены. В качестве наказания была применена смертная казнь, отмененная на Кубе еще в 1933 году. В ходе работы Диас-Версон часто советовался с Джоном Эдвардом Гувером, который впоследствии стал его другом. Дружба и профессиональные отношения начались во время борьбы против нацистов и продолжались впоследствии. Глава ФБР начал получать ежемесячные отчеты от Антикоммунистической лиги.

Книги и документы Диаса-Версона, включая недавно опубликованный «Красный царизм», три тысячи копий которого были сожжены напротив его офиса, представляли собой бóльшую угрозу планам Кастро и Че касательно Кубы, чем работы Эйнштейна, Фрейда и Г. Уэллса интересам Гитлера и Геббельса, связанным с Германией. Коммунистические контакты и связи братьев Кастро и Че были документально подтверждены Диасом-Версоном, что привело к необходимости срочно разобраться с этим делом.

«Я никогда не был коммунистом, – процитировала заявление Эрнесто Гевары, данное во время интервью 4 января 1959 года, газета *«Нью-Йорк таймс»* . – Мне больно, когда меня называют коммунистом!»

В то время они неустанно повторяли, что «Кастро сам является ярым антикоммунистом». (Ни единой строчки с извинениями или *«Ой! Мы ошиблись»* также не появилось в *«Нью-Йорк таймс»* . Почти пятьдесят лет Куба живет в условиях жестокого коммунистического режима, а газета так и не признала свою оплошность). «Че Гевара никогда не скрывал своих убеждений», – подчеркивает его библиограф Джон Ли Андерсон.

«Гевара всегда честно высказывался о целях революции Кастро. Я никогда не слышал, чтобы кто-то, даже среди его заклятых врагов, обвинял Гевару в измене своей вере в марксистскую революцию». Тогда этот просвещенный и всемирно

известный биограф Че может ознакомиться с выпуском *«Нью-Йорк таймс»* от 4 января 1959 года, тем самым изданием, для которого писал Андерсон.

«Ни разу Че не предавал свои основные принципы», – писал Ариэль Дорфман в журнале *«Тайм»* .

«Жизнь Че убедительно показывает, что он не был лицемером», – утверждает Кристофер Хитченс в журнале « *Нью-Йорк ревью оф букс* ».

Профессор Дорфман и Хитченс могут сами заглянуть в этот выпуск *«Нью-Йорк таймс»* .

В начале 1959 года работа Диаса-Версона разоблачила вероломство Кастро и Че. Когда обеспокоенный американский посол на Кубе в конце 1958 года Эрл Т. Смит спросил главу ЦРУ в Гаване Джима Ноуэла, является ли Че Гевара коммунистом, Ноуэл быстро и уверенно ответил: «Не волнуйтесь. Мы подчистили группировку Кастро в Сьерре. У Кастро нет никаких связей с коммунистами».

В то время главным сотрудником по политическим вопросам в американском посольстве был Джон Топпинг, которого главный инспектор ЦРУ Лиман Киркпатрик называл «очень способным». Топпинг иронично рассмеялся в ответ на неприличный вопрос посла Смита (республиканца, вмешивающегося в дела Госдепартамента) и искренне поддержал своего надежного коллегу Джима Ноуэла.

Глава ЦРУ в Вашингтоне Фрэнк Бендер, известный как «эксперт» управления по Латинской Америке, также заблуждался на этот счет.

«Кастро – ярый противник коммунизма», – провозгласил он после увлеченного разговора с Фиделем во время его визита в США в апреле 1959 года. Бендер был настолько впечатлен, что решил установить информационный обмен между ЦРУ и правительством Кастро и Че в знак сотрудничества в единой борьбе против распространения коммунизма на всем полушарии. У ЦРУ при Джордже Тенете было много неприятных инцидентов в прошлом.

Уже перед прибытием в Гавану товарищи Че по Кубинской коммунистической партии успели проинформировать его о кропотливой работе Диаса-Версона. Поэтому спустя неделю после приезда в Гавану Че Гевара отправил вооруженную банду прямо из своей штаб-квартиры в Ла-Кабанье в офис и библиотеку Диаса-Версона. У двери стоял друг Сальвадора по имени Висент Бланко, который отказался пропустить их. Люди Че избили Бланко прикладами от винтовок чуть ли не до состояния комы, связали, вставили ему кляп, затем снесли дверь и ворвались в офис. Они

срывали картины, ломали на куски мебель, пока не вынесли все книги и документы Диаса-Версона. Че – интеллектуал, выросший на работах Сартра, самый совершенный представитель человеческой расы – разрушил собственность Диаса-Версона и приказал своим людям избить его коллег. Он также приговорил Сальвадора Диаса-Версона к расстрелу за то, что тот публиковал правду.

К счастью, в работу с документами, касающимися революции, был вовлечен друг Диаса-Версона, о чем Гевара не подозревал. Он увидел обвинения и приговор о смертной казни по дороге к «государственному прокурору» в Ла-Кабанье и тайно предупредил своего друга. Учитывая скорость и эффективность «революционной справедливости» Че и его любовь к «педагогике расстрельной стены», в ту же ночь Сальвадор Диас-Версон спрятался в багажнике машины своего друга, на которой его отвезли в порт. Там он инкогнито сел на паром, следовавший из Гаваны в Майами, не предупредив об этом даже свою семью.

«Опять я приехал в США без гроша в кармане и паспорта, – вспоминает Диас-Версон. – Зато, по крайней мере, я не лежал в братской могиле».

Заметьте, «опять». Всего шесть лет тому назад, Диас-Версон прибыл в США по настоянию полиции Батисты, который преследовал его за его работу в качестве консультанта по разведке на Карлоса Прио, предшественника Батисты, который был свергнут в результате государственного переворота в 1952 году. Диас-Версон на самом деле не боялся за свою жизнь в то время и был в состоянии сохранить все свое имущество. В следующем году он вернулся на Кубу по политической амнистии, объявленной самим Батистой, – той самой амнистии, по которой досрочно освободили из тюрьмы Фиделя Кастро!

Но суть в том, что Сальвадор Диас-Версон был кем угодно, но только не сторонником Батисты – любимая причина, использовавшаяся Че, его сторонниками и биографами для оправдания массовых убийств.

«Мой папа просто исчез, – вспоминает его дочь Сильвия, которая сейчас живет в Майами. – И каждый день, каждый час, каждую минуту мы ждали звонка, чтобы пойти и востребовать его тело на кладбище Колон. Такое случалось с семьями по всей Кубе. Также мы знали, что Че Гевара был осведомлен, что наш отец знает, что он коммунист. Поэтому вы можете себе представить, через что прошла моя мать – и все мы. Поэтому когда через пару дней мы узнали, что наш отец в Майами, мы были на седьмом небе от счастья.

Но мы также знали, что нам самим нужно очень быстро

уезжать с Кубы. Мой отец изучал коммунизм всю жизнь. Естественно, некоторые знания и информация передавались и нам. Мы знали, что люди Че скоро придут за нами, и даже если не для того, чтобы в открытую схватить нас, то хотя бы тайно следить в ожидании возвращения отца».

«Не нужно быть экспертом в тактике коммунистов, чтобы знать это, – говорит Сильвия. – Просто посмотрите «Доктора Живаго» или прочтите книгу! Поэтому моя мама, сестры, брат и я незамедлительно отправились в Майами. Спустя несколько недель моя мама, которая едва говорила по-английски, пыталась продать продукцию *«Эйвон»* , стучась в двери домов, а мой папа мыл посуду и стриг газоны – мы все делали, что могли, чтобы свести концы с концами».

6 мая 1960 года, когда по приказу Че Гевары было расстреляно почти две тысячи кубинцев, когда Кастро еще больше прояснил свою политическую ориентацию, а Че выступил по кубинскому телевидению с восклицаниями «Наша дорога к освобождению будет открыта с победой над американскими монополиями!» – Сальвадор Диас-Версон, наконец, заговорил в США, дав показания перед американским сенатом на слушании дела под названием «Коммунистическая угроза Соединенным Штатам Америки в Карибском регионе». Можно представить, как занервничали в то время латиноамериканские асы ЦРУ. Но удивительно, что даже в такой поздний срок Диас-Версон на многое раскрыл американцам глаза впервые. Многие в конгрессе все еще относились к этому скептически.

Выдержки из судебного заседания:

...

Господин Сауэрвайн: Это правда, что вооруженные силы Кастро уничтожили документы с информацией о кубинских коммунистах?

Господин Диас-Версон: Да, сэр.

Господин Сауэрвайн: Сколько таких документов было уничтожено?

Господин Диас-Версон: У меня был архив с 250 000 карточками и 930 личных дел. У коммунистов было две линии руководства: одна

публичная, другая подпольная, «видимая» и «невидимая». На Кубе подпольная – это та, которая действует в тюрьме Ла-Кабанья во главе с Че Геварой.

По сегодняшний день западная интеллигенция совсем не встревожена тем фактом, что шестнадцать библиотекарей чахнут в тюрьмах Кастро с приговором «двадцать пять лет лишения свободы» за хранение такой антиправительственной литературы, как «Скотный двор» Джоржда Оруэлла, речь Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта» и декларация ООН о правах человека. После ареста библиотекарей судьи Кастро объявили конфискованные материалы библиотеки «крайне бесполезными» и приказали их сжечь.

Даже сам Рэй Брэдбери, автор *«Фаренгейта 451»* , произведения о сжигании книг, был потрясен. «Я призываю Кастро и его правительство сейчас же убрать свои руки от независимых библиотекарей и освободить их из тюрьмы, а также вернуть их обратно кубинской культуре для информирования людей», – объявил Брэдбери в своей вступительной речи на ежегодном собрании Американской библиотечной ассоциации в 2005 году.

Расхититель произведений искусства

Нам часто рассказывают о том, как нацисты похищали бесценные шедевры живописи и собирали целые коллекции произведений искусства из имущества убитых или репрессированных ими людей.

По словам самих нацистов, они «ариизировали» экспонаты частных художественных галерей Европы. На самом же деле они, и в частности Герман Геринг, их попросту присваивали.

Кастровцы же больше любили слово «национализация». Например, особняк в городе Тарара, занятый Че Геварой, был битком набит великолепными произведениями искусства. Конечно, ведь торговля сахаром с Советским Союзом позволяла жить на широкую ногу. Однако в 1991 году денежный поток иссяк, и встревоженные кубинские экспроприаторы стали сбрасывать награбленное на международный рынок. По оценкам Кубино-Американского национального фонда, с 1991 года кастровцы продали почти тысячу дорогостоящих картин, предметов антиквариата, рукописей и других произведений, отнятых у их законных владельцев.

С первого же дня председательства в Национальном Банке Кубы Че Гевара с энтузиазмом занимался созданием, комплектованием и укреплением нового Министерства возвращения похищенного имущества. Задачей этого поистине оруэлловского министерства (с этим названием согласится каждый, кто знаком с коммунистической терминологией) было воровство (кстати, нацисты именовали свое министерство кражи «Штаб рейхсляйтера Розенберга на оккупированных территориях»). Усердные и хорошо экипированные сотрудники министерства захватывали дома и банковские счета тех, кто бежал с Кубы, опасаясь расстрела. Конфискации подлежало также имущество тех, кто не выказывал достаточного революционного энтузиазма, и тех, у кого были конфликты с кем-нибудь из новоиспеченных «министров» в те времена, когда *«Тайм»* и *«Нью-Йорк таймс»* еще их не героизировали, и эти министры были мелкими воришками, пьяницами и безработными юристами. И все эти люди, чье имущество было конфисковано министерством, обвинялись в «пособничестве Батисте и грабеже».

Но даже такая жалкая комедия, как эта, положила начало бессовестным грабежам, начавшимся годом позднее. Бессмертная фраза, произнесенная председателем Национального Банка Кубы Че Геварой 23 марта 1960 года, гласит: «Для того чтобы что-то завоевать, надо это у кого-то отобрать!»

И они отобрали. В пересчете на доллары, они отобрали два миллиарда у американских бизнесменов и акционеров и в разы больше у простых кубинцев, за счет многочисленных дорогих произведений искусства. Известно, что Куба была сначала богатейшей испанской колонией, а затем успешным бизнес-партнером Америки, в результате чего там было собрано множество богатых частных художественных коллекций. Многие произведения из этих конфискованных коллекций принесли экспроприаторам значительный доход на аукционах *«Кристис»* и *«Сотбис»* в Нью-Йорке и Лондоне.

Когда Фанхулы – члены семьи кубинских беженцев – стали замечать в европейских музеях и офисах произведения искусства, которыми владели прежде, они начали пытаться вернуть их себе на законных основаниях. Но это было безнадежным делом, во всяком случае в Европе. Конечно, эта самая Европа и сама пострадала от нацистских грабежей и не забывала кричать об этом на каждом углу. Но когда в такой же ситуации оказались жертвы Кастро и Че, европейские страны не возместили им ни копейки от их законного имущества.

Кубинский сахарный магнат Хулио Лобо собрал одну из богатейших в мире коллекций, посвященных Наполеону Бонапарту. В нее входили оружие, картины, мебель и исторические документы. Теперь многие из этих вещей находятся в музеях Франции, и это можно счесть вполне логичным и обоснованным, если бы не одна деталь. Лобо ничего французским музеям не передавал. Просто Антуан Анвиль, один из сотрудников посольства Франции на Кубе, поспособствовал продаже Франции коллекции Лобо. Стоимость сделки осталась неизвестной.

Не вся добыча Кастро и Че оказалась впоследствии в европейских музеях и аукционных домах. Во время последнего визита на Кубу Даниэль Миттеран, вдова президента Франции Франсуа Миттерана, была приятно удивлена бесценным подарком кубинского правительства – вазой из севрского фарфора. Коммунисты изъяли эту вазу у владельца с той же наглостью, с которой нацисты опустошали Лувр.

Дэвид Рокфеллер также пополнил свою коллекцию произведений искусства картинами, подаренными ему кубинским правительством. Это, безусловно, было знаком благодарности за его активную финансовую поддержку кампании против экономической блокады Кубы. Бывший президент Мексики Салинас, звезда футбола аргентинец Диего Марадона, колумбийский писатель Габриэль Гарсиа Маркес также во время своих визитов на Кубу получали в подарок понравившиеся им

произведения искусства. Все эти шедевры были украдены у законных владельцев во время пребывания Че Гевары на посту министра экономики.

Следует заметить, однако, что грабеж не был полностью односторонним, и бравые кубинцы несколько раз были биты собственным оружием. Феликс Родригес, кубино-американский агент ЦРУ, который способствовал поимке Че в Боливии и был последним, кто его допрашивал, носит его часы марки «Ролекс» и по сей день.

Подхалим и задира

«Это и в самом деле правда, что Че никогда не завел друзей среди кубинцев, – говорит бывший революционер Маркос Браво. – В глубине души он не любил нас. Как и мы его. Он был типичным надменным аргентинцем, не танцевал, не шутил – и даже никогда не улыбался, кроме тех случаев, когда был рядом с Фиделем, потому что он всегда боялся его».

На всех фотографиях, где Че Гевара улыбается, он запечатлен вместе с Фиделем Кастро. И в этих улыбках видна неприкрытая фальшь. Открытое проявление чувств обычно не присуще архетипичным «партизанским героям».

«Я никогда не думал, что мне будет в чем-то стыдно за Че Гевару, – говорит бывший политзаключенный и ветеран сражения в заливе Кочинос Мигель Уриа, который был свидетелем встречи Фиделя и Че в начале января 1959 года. – Но когда Кастро выступил с резкой критикой в его сторону, и я заметил, как изменилось лицо Че, мне стало стыдно. Я насторожился. Я никогда не слышал такой ужасной брани, как когда Кастро кричал на Че в порыве гнева. И я никогда не видел маленького щенка, который поджимает хвост и скулит так, как Че. Это было постоянной темой разговоров среди тех, кто видел Фиделя и Че вместе. Никто не мог не заметить этого».

Че на самом деле вступил в Гавану за несколько дней до Кастро в 1959 году. Когда местные повстанцы планировали дать двадцать один пушечный выстрел, чтобы поприветствовать Фиделя, когда он будет входить в столицу Кубы, Че испугался. «Пожалуйста, не надо, – сказал он Антонио Нуньесу Хименесу. – Я вступил в город первым, и Фидель может подумать, что я поднял против него восстание, и что мы стреляем в него! Пожалуйста!» – «Не переживай, – успокоил Гевару Нуньес Хименес. – Это обычай. Фидель – вождь революции. Он будет ждать этого». – «Хорошо, хорошо, – ответил все еще взволнованный Че. – Но, пожалуйста, сначала отправьте к нему гонца с объяснением, зачем мы это делаем. Я не хочу, чтобы вышло недоразумение».

Заискивание Че Гевары перед Кастро в его «литературных творениях» невольно вызывает смущение и стыд. Стихотворение, написанное Геварой Фиделю вскоре после встречи с ним в Мехико, называется «Песнь Фиделю». «Стремительный и пылкий пророк Вселенной, – говорится в первой строке. – Когда твой голос зазвучит во всех концах земли: *аграрная реформа, справедливость, хлеб, свобода* – я буду рядом с тобой».

9 апреля 1961 года в *«Верде Оливо»* , официальной газете вооруженных сил Кубы, Гевара продолжил развивать свою литературную деятельность: «Эта природная сила по имени Фидель Кастро является самой благородной исторической фигурой во всей Латинской Америке… Великий вождь, которого смелость, сила и мужество привели к месту почета и самопожертвования, которое он сегодня занимает по праву».

Затем, 3 октября 1965 года, появилась самая сентиментальная ода Че, знаменитое «Прощальное письмо Фиделю». «Я прожил великолепные дни рядом с тобой и чувствую огромную гордость за то, что служил с тобой, – писал Че. – Редко встречается такая блестящая государственная мудрость, как у тебя… Я горжусь тем, что следовал за тобой не задумываясь, доверяя твоему разуму…» – и дальше в той же подобострастной манере, позорной даже для придворного евнуха.

Бесстыдное раболепие усилило убеждение Кастро, что в лице Че он имеет удобную, надежную и податливую марионетку. Здесь приходят на ум слова блестящего философа – грузчика Эрика Хоффера. «Люди, которые кусают руку, которая их кормит, – писал он, – обычно лижут ботинок, который их пинает». Советский Союз кормил Че Гевару, в то время как Фидель Кастро его пинал. Пресловутые высокомерие и жестокость Че были его привычным способом поведения в отношении беззащитных людей. Однако в отношении равных ему вооруженных людей он вел себя совершенно по-другому.

После нескольких месяцев боев в горах Сьерра-Маэстра Кастро поручил Че Геваре командование над партизанским отрядом во главе с членом повстанческого «Движения 26 июля» по имени Хорхе Сотус, который находился в районе к северу от Фиделя и Че и фактически вел борьбу с армией Батисты. Че и несколько его людей явились в штаб Сотуса и сообщили ему, что командование передано Геваре.

«Черта с два!» – ответил Сотус.

«Это приказ Фиделя, – сказал Гевара. – У нас больше военного опыта, чем у тебя и твоего отряда».

«Больше опыта в чем? В том, как убегать и прятаться от армии Батисты? Возможно», – фыркнул Сотус. Че нерешительно огляделся.

«Кроме того, я и мои люди не собираемся исполнять приказы иностранцев, – добавил Сотус. – Я даже не знаю тебя. Ты даже не кубинец. Забудь об этом».

«Ну, я приплыл на *«Гранма»* с Фиделем», – захныкал Че.

«Плевать я хотел, – отрезал Сотус. – Здесь командую я!»

Сотус ушел, и как только Гевара подумал, что оказался вне

его поля зрения и слышимости, он завел разговор с его людьми, пытаясь заставить их перейти под его командование. Конечно, все это было по приказу Фиделя. И, конечно, они должны были слушаться Фиделя, не так ли? В конце концов, он был…

«Слушай, аргентинец! – Сотус незаметно подошел, увидел Че и встал прямо перед ним. – Завязывай с этим дерьмом, или я прострелю тебе башку. Катись отсюда сейчас же!»

Че так и сделал. Он явился обратно к Фиделю и начал жаловаться на наглость Сотуса. «Да ты и ломаного гроша не стоишь, Че! – заорал на него Кастро. – Я не говорил тебе, чтобы ты попросил его передать тебе командование. Я сказал тебе *забрать* его! Ты должен был сделать это силой!» Проблема, конечно, состояла в том, что Сотус был вооружен. Гевара, хотя также вооруженный, робел перед ним.

Через несколько недель после побега Батисты и победы Кастро Сотус был арестован без предупреждения и отправлен в тюрьму острова Пинос. Отважному Сотусу удалось бежать. Он добрался до Соединенных Штатов и присоединился к военизированной группе изгнанников и впоследствии принимал участие во многих вооруженных нападениях на Кубу из Южной Флориды, пока они не были прекращены по договору между Кеннеди и Хрущевым.

«Этот Сотус был просто отличным парнем, – вспоминает Карлос Лазо. – Мы подружились в тюрьме». Лазо был кубинским офицером ВВС, которые бомбили и обстреливали отряд Сотуса во время восстания. Их обоих сторонники Кастро упрятали за решетку.

У Че Гевары также была стычка с повстанческой группировкой под названием «Второй фронт Эскамбрая». Она действовала против Батисты в горах Эскамбрай в провинции Лас-Вильяс. Когда отряд Че «оккупировал» эту область в конце 1958 года, Гевара получил приказ от Кастро принять командование над местными партизанами, как он пробовал с отрядом Сотуса. Но тут его снова постигла неудача, особенно с команданте по имени Хесус Каррера, который знал о коммунистической родословной Че и попросту послал его подальше. Опять же Гевара не проявил настойчивости.

Через несколько недель после январского триумфа 1959 года Каррера и командиры отрядов из Эскамбрая встретились с Че Геварой в Ла-Кабанье для решения вопроса о том, почему им не досталось никаких руководящих должностей при новом режиме. По пути Каррера встретил повстанца, которого он знал по антибатистовским сражениям, и остановился, чтобы пообщаться с ним, в то время как остальная часть группы зашла в кабинет Че.

Когда все были уже внутри, Гевара немедленно заявил, что Каррера – пьяница, бабник, бандит и человек, которого он в жизни не назначит ни на один важный пост.

Прямо во время этой тирады Че Каррера закончил разговор со своим старым приятелем и вошел в кабинет, услышав многое, еще находясь за его пределами.

«Че побледнел», – вспоминают свидетели происшедшего. Разъяренный Каррера подскочил прямо к нему, и Че отступил. В итоге Каррера вызвал Гевару на дуэль. «Прямо во дворе! – заявил он. – Пойдем!»

«Как это возможно, – с улыбкой сказал Че, – что два революционных товарища пойдут на такое просто из-за маленького недоразумения?»

Проблему замяли, и они обратились к другим вопросам, но уже через год безоружный Хесус Каррера попал в засаду людей Че и вскоре был заключен в темницу в Ла-Кабанье. Несколько месяцев спустя его связали и повели на расстрел.

«Фуэго!» Залп изрешетил его тело, а контрольный выстрел разорвал его череп на части, в то время как Че Гевара наблюдал за этим из своего любимого окна.

Партизан-терминатор

Одна из самых длительных и кровопролитных партизанских войн в Западном полушарии велась не Фиделем и Че, а против Фиделя и Че безземельными крестьянами. Сельскохозяйственная коллективизация на Кубе была такой же добровольной, как в Украине. И кубинские кулаки были вооружены – во всяком случае некоторые из них – в самом начале этой войны, пока договоры между Кеннеди и Хрущевым не отрезали поставки оружия.

Об этом редко упоминают, но Че Гевара принимал участие в одной из главных антиповстанческих войн в этом полушарии. «Мы сражались с яростью загнанных зверей» – так один из немногих счастливчиков, кто остался в живых и бежал, описывал отчаянную борьбу этих партизан за свободу против оккупации Кубы советскими приспешниками Кастро и Че.

Конечно, убийство повстанцев не было идеологическим отклонением для Гевары, который оправдывал уничтожение венгерских борцов за свободу советскими танками в начале 1956 года.

Че получил шанс сделать больше, чем просто быть соучастником сего действа, в 1962 году. Кубинские вооруженные формирования (чья подготовка и боевой дух, по словам Хорхе Кастанеды, являлись заслугой Че) под командованием русских офицеров применяли огнеметы для сжигания домов с крышами из пальмовых листьев в сельской местности Эскамбрая.

Крестьян обвиняли в том, что они кормили контрреволюционеров и бандитов. Несмотря на то что борьба велась на всей территории острова, большинство кубинцев называют эту войну «Восстание Эскамбрай», по названию горного массива в центральной части Кубы, где происходили самые кровопролитные бои. Кубинские крестьяне набросились на красных с такой жестокостью, что это заставило Кастро и Че обратиться за помощью к своим советским «сахарным папикам». В сельской местности эти кубинские крестьяне часто оказывались безоружными и полностью беззащитными перед лицом расстрельных групп.

«Я был бедным крестьянским ребенком, – рассказывает эскамбрайский повстанец Агапито Ривера. – Я не был богат, но у меня были надежды и чаяния на будущее. И не было абсолютно никаких шансов, что я пойду работать, как раб, на одну из государственных ферм Кубы. Я планировал работать много, но сам по себе и для себя, и, может быть, получить свою землю. Потом я увидел, как коммунисты Кастро крадут все и у всех. Они

украли мои надежды. У меня не было выбора, кроме как бороться с ними». Двое родных и девять двоюродных братьев Агапито Риверы были в числе тех, кто взялся за оружие в антикоммунистической партизанской войне. Остался в живых он один.

«Трудно было спать в те дни», – вспоминает Эмилио Искьердо, которому на тот момент было всего двенадцать лет. Он жил в провинции Пиньяр-дель-Рио, что на западе Кубы, где в 1961 году также бушевало ожесточенное сельское восстание. Куба была разделена на три военные зоны, каждой из которых командовал член «святой революционной троицы». Восточная зона находилась под командованием Рауля, центральная – Фиделя, а западной, в которой находилась также провинция Пиньяр-дель-Рио, руководил Че.

«Все эти русские вертолеты, летавшие над нами днем и ночью… Я до сих пор помню их звук, напоминающий гром. Он был постоянным. И постоянно проезжавшие мимо нашего дома русские грузовики с солдатами. Они все отправились в горы, чтобы воевать против борцов за свободу. На это было ужасно смотреть, так как мы знали, что повстанцы не получали никакой поддержки ни из одной точки мира, даже от американцев. Они сражались, имея малое количество боеприпасов и недостаток амуниции. Удивительно, как они держались и какой урон они нанесли коммунистам. Очень немногие люди за пределами Кубы знают об этой страшной борьбе. Моя семья потеряла в этих сражениях много друзей».

Одним из них был Альдо Робайна. «Мой брат всегда говорил, что эти коммунистические сукины дети никогда бы не взяли его живым, – вспоминает брат Альдо, Гильермо Робайна, который время от времени оказывал поддержку партизанам. – Помню, как я привез им партию патронов, которые сумел украсть в армии Кастро. Небольшая группа повстанцев, в которой был и мой брат, тут же разделила их, получилось по шестьдесят семь пуль на человека. Они были в восторге. «Вот сейчас мы посмотрим!» – говорили они, похлопывая друг друга по спине. Для них это было огромное количество боеприпасов. На следующей неделе мой брат и его группа были уничтожены. Те, кто вырвался из окружения, сказали, что у них просто закончились патроны, но они отказались сдаться. Они сражались буквально до последнего патрона. Мой брат сдержал слово – коммунисты не взяли его живым. Мы не знаем, где он похоронен».

Лазаро Пинейро в то время было всего семь, но его воспоминания все еще сильны. «Мой отец ушел повстанцем в горы Пиньяр-дель-Рио в 1961 году. Мы знали, что он был

противником коммунистов, так как мы видели русские вертолеты и колонны русских грузовиков, постоянно доставляющие войска в горы, чтобы сражаться с ними. Моя мать, как вы можете себе представить, пережила сущий ад. Но мой отец сказал, что будет бороться с коммунистами, пока у него в теле будет дух, а в ружье – патрон. Мы жили в деревне, в небольшом, но уютном доме. У нас не было сахарного завода или чего-нибудь такого. Когда мы приехали в США, мы только и слышали отовсюду: «О, да вы, должно быть, те плантаторы-миллионеры, которые лишились своих состояний из-за Кастро?»

Мы были очень удивлены этим невежеством, и даже сегодня мы все еще слышим много подобных вещей. Когда однажды я играл возле дома, к нему подъехал русский грузовик и остановился рядом со мной. «Позови свою мать!» – крикнул какой-то парень из окна. Я вбежал в дом, а мама открыла дверь и выглянула. Конечно, она была очень напугана. «Вы жена Пинейро, да?» – спросил солдат из грузовика.

Моя мама ошеломленно кивнула.

Тогда двое парней в кузове подняли тело, как будто это было забитое животное. «Ну вот ваш муж!» – И они выбросили тело отца из задней части грузовика в канаву перед нашим домом и со смехом уехали. Все соседи сбежались, чтобы утешить мою мать, которая в беспамятстве сотрясалась от рыданий. В теле моего отца было более пятнадцати пулевых отверстий. Он сражался до последнего патрона. Он всегда говорил маме, что коммунисты никогда не возьмут его живым. Так и получилось».

Маоистское утверждение о том, что «партизан плавает в море, которое зовется народом», отлично подходит к антикоммунистическому восстанию на Кубе. Сам Рауль Кастро признался, что в то время его правительство столкнулось со 179 отрядами «контрреволюционеров» и «бандитов».

В массовой кампании по «переселению», напоминающей проводимую на рубеже веков в Испании генералом Валериано Вейлером по прозвищу Мясник, вооруженные силы Кастро оторвали сотни тысяч кубинских крестьян от родных мест и под прицелом загнали их в концентрационные лагеря на противоположных концах Кубы. Жена одного из таких крестьян отказалась переселяться. После того как ее муж, сыновья и племянники были убиты Че Геварой и его приспешниками, она схватила автомат, снарядила магазин и ушла в горы. Она сама стала бороться против коммунистов. На Кубе она известна как *«Ла-Нинья дель Эскамбрай»* – Малышка из Эскамбрая.

За год она доставила немало хлопот армии коммунистов, преследовавшей ее в горах. В конце концов у нее кончились

боеприпасы, и она попала в плен. Ла-Нинья переносила ужасные страдания в подземельях коммунистических тюрем в течение многих лет, но она выжила и сейчас живет в Майами. Ее трагическая история могла бы стать идеальным сюжетом для шоу Опры, для профессоров «женских исследований», для журналистки и феминистки Глории Стайнем, для голливудского фильма, в котором роль Ла-Ниньи могла бы исполнить Сьюзан Сарандон. Истории о неординарных женщинах популярны в Голливуде. И немногие из женщин более необычны, чем Зоила Агуила (настоящее имя Ла-Ниньи дель Эскамбрай). Если бы она боролась, скажем, против Сомоса и Пиночета, или даже против американских войск в Ираке, в Голливуде и Нью-Йорке однозначно оценили бы ее историю. Но она сражалась против самого привлекательного парня с левых плакатов, и поэтому ее история считается неинтересной.

Мятеж Кастро и Че, в результате которого они заполнили вакуум режима Батисты, длился два года. Антикоммунистическое восстание продолжалось шесть лет, и в нем принимало участие в десять раз больше бойцов, чем в войне Кастро и Че против Батисты. Но попробуйте поискать в архивах « *Нью-Йорк таймс», «Лук», «Лайф», Си-би-эс* или *«Пари матч»* хотя бы одну историю об этих мятежниках. В самом деле, вы не найдете ни одного упоминания об этой ожесточенной партизанской войне, которая бушевала в течение шести лет на расстоянии ста пятидесяти километров от границы США.

Да и «агиографы» Че Гевары не помогут в этом поиске. Из восьмисот страниц биографии, написанной Джоном Ли Андерсоном, две сотни посвящены перестрелкам Че в горах Сьерра-и Лас-Вильяс. Андерсон описывает шестилетнее и повсеместное на Кубе антикоммунистическое восстание в двух предложениях. Хотя опять же, в соответствии со словами соратника Че Рауля Кастро, на Кубе было сто семьдесят девять различных антикоммунистических отрядов, и их действия стоили сторонникам Кастро шести тысяч жертв. Хорхе Кастанеда вообще пропускает антикоммунистическое восстание, хотя ясно дает понять, что в то время Че был вторым командующим на Кубе.

В 1987 году официальная пресса кубинского режима восхваляла роль Че Гевары в славном уничтожении сельских повстанцев. «Роль Че в войне против бандитов и очистке от них Эскамбрая» – пестрили заголовки газет. Сторонники Кастро «очищали» области от, видите ли, контрреволюционных вредителей и «бандитов», также известных как храбрые крестьяне, которые взяли в руки оружие и ушли в горы, чтобы защитить свои скромные семейные фермы от подлинных бандитов –

приспешников сталинского режима Кубы.

«Своим большим моральным авторитетом, упорством и прекрасным примером, – говорит один из подготовленных Че истребителей бандитов, процитированный в статье, – Че поднял наш боевой дух, прибыв в наш лагерь. Он корпел над всеми картами сражений. Он отметил основные точки бандитского сопротивления. Че расспросил нас обо всех наших недавних действиях. Он давал поручения, изучал обстановку и оказывал нам значительную поддержку. Он заставил нас атаковать и атаковать врага до полной победы над ним. Уроки Че, его визиты и вдохновение внесли большой вклад в победу в войне против бандитов. Когда он уходил из нашего лагеря, он обернулся, указал на холмы и закричал: «Горы теперь наши!»

На самом деле так и было. В соответствии с доказательствами, представленными в Организации американских государств кубинским исследователем в изгнании доктором Клаудио Бенеди, четыре тысячи партизан антикоммунистического сопротивления были казнены во время этого крестьянского восстания.

Это был подлинный мятеж с настоящими сражениями. Истинные кубинские герои, подобные Уильяму Уоллесу, Дэви Крокетту и Патрику Генри, вели отчаянные битвы против просоветского врага, против возмутительных порядков. Они умерли, не став известными на весь мир. Многие из них были расстреляны. Желающие заполнить этот пробел в своих исторических знаниях должны забыть об официальных средствах массовой информации и научных работах. Прочтите превосходную книгу Энрике Энсиносы *«Непокоренные»* .

«Мозг» революции и «царь» экономики

Редактор журнала *«Ньюсуик»* Элеонора Клифт смогла заставить ведущего американского политического шоу Джона Маклафлина раскрыть рот от изумления. В эфире национального телевидения Клифт заявила: «Лучше быть бедным ребенком на Кубе, чем бедным ребенком в Соединенных Штатах». Маклафлин даже попросил повторить эту фразу, чтобы убедиться, правильно ли он расслышал.

Немного есть мифов в мире, которые были бы более распространены, чем миф о кубинском экономическом прогрессе и эгалитаризме.

В конце 1959 года Фидель Кастро назначил Че Гевару министром экономики. Как истинное дитя Французской революции, Че стремился переделать саму человеческую природу. Бедным кубинцам пришлось выступить в роли его подопытных кроликов. Он стремился создать «нового человека», прилежного, работящего и свободного от всех материальных потребностей – одним словом, сделать лоботомию. А те, кто пытался увиливать от новых правил, очень быстро оказывались за колючей проволокой лагеря на полуострове Гуанахакабибес в западной части Кубы.

«Это многоликое существо не является суммой элементов одной и той же категории, как это обычно утверждается (более того, сведенных к одной и той же категории системой, им навязанной), – пишет Че Гевара в своей сколь увесистой, столь и захватывающей книге *«Социализм и человек на Кубе»* . – Прошлое дает о себе знать не только в индивидуальном сознании – в котором остаток воспитания, ориентированного на изоляцию, все еще имеет огромную значимость, – но также сквозь саму сущность этого переходного периода, в котором все еще имеют большое значение потребительские отношения, несмотря на то что это субъективное стремление, до сих пор не возведенное в систему.

Необходимо углублять чувство сознательного индивидуального и коллективного участия во всех процессах… а также связать это с идеей технического и идеологического образования, чтобы можно было видеть, как глубоко взаимосвязаны эти процессы и их развитие. Только в таком случае он достигнет полной социальной сознательности, что равноценно его полной реализации как человека, как только цепи

отчуждения будут сброшены».

Джон Ли Андерсон называет это собрание напыщенной, бессвязной марксистской болтовни «опусом» Че, или «апогеем доктрины Че». На этот раз Андерсон, по-видимому, прав.

«Человек – это незаконченный продукт, который несет в себе ошибки прошлого», – писал Че.

В течение нескольких месяцев после назначения Че Гевары министром экономики кубинский песо – валюта, исторически равная американскому доллару и полностью покрываемая золотыми запасами страны, – практически обесценился. В 1958 у Кубы было 518 миллионов песо в обороте. Годом позже оборот уже составлял 1051 миллиард песо. Еще через несколько месяцев 1187 миллиардов, находящиеся в обороте, были объявлены ничего не стоящими, а взамен было напечатано и распространено 477 миллионов.

Такой талант непременно требует повышения по службе. Кастро сразу же назначил Че Гевару на должность министра промышленности Кубы. Че быстро развалил когда-то сильную сахарную, табачную и никелевую промышленность, а также скотоводство. Через год страна, в которой доход на душу населения когда-то был выше, чем в Австрии, Японии и Испании, огромное количество иммигрантов и самый высокий уровень потребления белка в Западном полушарии, стала продавать еду по карточкам, закрывать фабрики и терять самое трудоспособное население.

Традиционное объяснение этой ситуации звучит как «ошибка коммунистического руководства». И оно в корне неверно. Служа способом достижения абсолютной власти, Куба управлялась весьма грамотно – в лучших традициях Ленина, Мао, Хо Ши Мина, Ульбрихта, Тито и Ким Чен Ира.

Человек с не такой манией величия смог бы увидеть в кубинской экономике курицу, несущую золотые яйца. Кастро же руками Че Гевары свернул ей шею. Он методично уничтожал первую экономику в Латинской Америке, чтобы помешать развиваться другим возможным центрам власти. Несмотря на шквал туристов и поток инвестиций из Канады, Латинской Америки и Европы на протяжении десятилетия, в начале XXI века Куба все такая же коммунистическая в самой своей сути, как и в 1965 году. Братья Кастро очень бдительны в этом отношении.

Кастро хотел управлять Кубой, как своей гасиендой, а ее гражданами, как скотом. Его министр промышленности, по всей видимости, действительно *верил* в социалистические фантазии-идеалы. Когда в мае 1961 года Че заявил, что под его началом кубинская экономика достигнет ежегодного темпа роста в

10 процентов, он действительно в это *верил* .

Здесь идеологи свободного трудового рынка ошибались. Они настаивали на том, что с отменой эмбарго капитализм в конечном счете проникнет в страну и нанесет Кастро «удар под дых». Однако все доказательства свидетельствовали об обратном. Капитализм не уничтожил Кастро, и даже не привлек его на свою сторону. Это *Кастро* отмел его прочь. Он не был ни Дэном Сяопином, ни Горбачевым. В 1959 году Кастро мог бы легко оставить большую часть экономики Кубы нетронутой, сделать ее послушной своим прихотям, как Перон, Франко или Муссолини. Он мог бы взять половину и быть, как Тито. Он мог потребовать действия от всех участников и быть, как Маркос, Трухильо, Мобуту или Сухарто. Но этого было для него недостаточно.

Кастро жаждал власти не меньше, чем Сталин и Мао. Он нанял садистски и претенциозно верующего в идеалы революции Эрнесто Рафаэля Гевару Линча де ла Серна, чтобы тот помог ему получить ее, сначала как палача своих врагов (реальных, воображаемых и потенциальных), а потом как разрушителя экономики. Задача была выполнена, и Эрнесто Гевара сам был ликвидирован – так же ловко, как Кастро обычно ликвидировал многих других сообщников, соперников, и даже несколько настоящих врагов.

Однажды Че решил, что кубинцы должны научиться играть в футбол, как жители его родной Аргентины. Для этого у американских владельцев была отобрана сахарная плантация Центральная Макарена, неподалеку от Сьенфуэгоса (кстати, на самом деле плантаций на Кубе, принадлежащих американцам, была от силы четверть, а не большинство, как уверяют «левые» идеологи). На плантации также был огромный сад с деревьями манго, авокадо и маммеи, которые только начали давать плоды.

Че приказал подчистую вырубить эти деревья, а на их месте построить футбольное поле.

Год спустя поле поросло сорняками и покрылось рытвинами, поскольку совсем не использовалось. Стволы деревьев продолжали гнить в грудах за пределами поля, а жителям пришлось охотиться за свежими фруктами на черном рынке. Оказалось, что футбол просто не заинтересовал никого на Кубе. Даже под страхом отправки в лагерь Гуанахакабибес.

Че Гевара также верил, что Кубу можно индустриализировать в приказном порядке, как это сделал Сталин в СССР. На самом деле благодаря указам Че Куба перестала быть развитой индустриальной страной. В одном из своих декретов он приказал построить завод холодильников в Сьенфуэгос, фабрику горнодобывающих инструментов в Санта-Кларе, а в Гаване –

фабрику по производству карандашей и обувную фабрику.

Поставки? Спрос? Затраты? Такие «буржуазные детали» не интересовали Че. Ни одна из фабрик в конечном счете не выпустила ни единого продукта.

Че Гевара бранил химиков нового завода «Кока-кола», так как напиток, который они производили, был ужасным на вкус. Некоторые из них заявляли, что в этом виноват сам Че, который национализировал завод и отобрал его у бывших управляющих, которые, в свою очередь, увезли фирменный рецепт кока-колы с собой в Америку. На эту дерзость Че ответил угрозой тюремного лагеря. Во время своего пребывания на посту он также купил целый парк снегоуборочной техники в Чехословакии. Он был убежден, что техника может быть легко преобразована в машины для уборки сахарного тростника и, таким образом, будет способствовать механизации сбора урожая и увеличению производства сахара на Кубе. На самом же деле снегоуборочные машины давили сахарный тростник, срезали его на неправильную длину, и в итоге уничтожили все посадки. Это было одной из причин спада производства сахара на Кубе (в 1963 году сахара было произведено *более чем вполовину* меньше, чем при Батисте). Воистину это начинание Гевары может с успехом служить аллегорией всего коммунизма.

Продукции знаменитой обувной фабрики Че хватало ровно на два шага перед тем, как она разваливалась. Министр не понимал, почему обувь, произведенная на этой фабрике, просто стоит на полках. В 1961 году большинство кубинцев все еще носили дореволюционную обувь, постоянно ремонтируя и полируя ее, но не покупали обувь новой фабрики.

Это привело Гевару в ярость, и он отравился на фабрику с инспекцией.

Зная о его «гуманистической» репутации, все рабочие старались вести себя безупречно. «В чем здесь проблема? – рявкнул Че на начальника фабрики. – Почему вы выпускаете обувь, которая никуда не годится?!»

Начальник фабрики посмотрел министру промышленности прямо в лицо. «Все дело в клее, – ответил он. – Этот клей, который вы покупаете у русских – полное дерьмо. А мы когда-то покупали клей в США». Это действительно задело Гевару, и он разразился своей обычной гневной тирадой, заставив всех рабочих содрогнуться в ожидании самого худшего. Многие из них уже потеряли родственников в Ла-Кабанье, у других родные находились за колючей проволокой в лагерях вроде Гуанахакабибеса.

«Ладно же, – сказал мастер и передал Геваре ботинок прямо с

конвейера. – Смотрите сами».

Че схватился за подошву, потянул – и та тут же отлетела, как банановая кожура. «Почему вы не сообщаете об этом некачественном клее в Министерство промышленности?» – лязгнул зубами Че. «Мы сообщали, – пожал плечами начальник. – И неоднократно, но ничего не изменилось». Че приказал своим вездесущим головорезам схватить дерзкого начальника. «А теперь вы подумаете и решите, как сделать эти туфли лучше, – окинул он рабочих свирепым взглядом. – Иначе всех вас постигнет та же участь». Он развернулся и вышел вон, а начальника фабрики больше никогда не видели. Тем не менее Джон Ли Андерсон уверяет нас, что «это не Че виноват, это сама система заставляла его так поступать», и что действовал он, исходя из нужд прогресса, а не жажды власти.

Конечно же, тем, кто вышвырнул за дверь предыдущего руководителя фабрики и запретил поставки клея из Соединенных Штатов, был не кто иной, как сам Че Гевара.

Русские говорят «нет!»

К концу 1964 года министр промышленности настолько «развалил» инфраструктуру и экономику Кубы и довел до нищеты рабочий класс, что вскоре русские и сами начали хвататься за голову. Они финансировали бардак, и это удовольствие становилось все более дорогостоящим. Никакие геополитические соображения не могли оправдать таких затрат. «И *это* – слаборазвитая страна?!» – вопрошал Анастас Микоян во время своего визита на Кубу в 1960 году. Советский Союз откровенно искал повод разграбить еще одну достаточно развитую страну, как уже случилось с государствами Восточной Европы после Второй мировой войны.

Только в этом случае попытка мародерства не сошла Советам с рук. Как раз наоборот. Кастро не был ровней «простакам» Ульбрихту и Гомулке. Французский социоэкономист Рене Дюмон оказывал Кастро всяческую поддержку в то время, когда экономическая ситуация на Кубе начала выходить из-под контроля. «Кубинская революция добилась больших результатов за свои первые три года, чем китайская – за десять», – утверждал Дюмон. Однако у Гевары была аллергия на критику любого рода, даже если она высказывалась из лучших побуждений.

В 1964 году правительство Советского Союза намекнуло Кастро, что Че пора «уходить». А Кастро отлично знал, кто был той «рукой, которая его кормила». Он никогда особо и не любил Гевару. В данной ситуации Кастро больше не нуждался в своем Робеспьере.

Отсюда и начинают расти ноги у мифа, созданного сочинителями «жития» Гевары, о его постепенном «идеологическом расхождении с СССР». Пылающее чистым революционным огнем сердце Че, гласит миф, никак не могло смириться с коррумпированной системой советской номенклатуры. На самом же деле конфликт был исключительно практический.

Советский Союз просто-напросто отказался финансировать очередные безумные фантазии Гевары. Когда Че наконец осознал сложившуюся ситуацию, он понял, что его дни в качестве фаворита Кастро были сочтены.

Тогда Че Гевара решил отомстить. Так, в декабре 1964 года, сразу после визита в ООН, Че посетил своего товарища Ахмеда Бен Бела в Алжире. Там он произнес получившую широкий резонанс речь о том, что СССР «является соучастником в империалистической эксплуатации».

Многим в тот день показалось, что Че прочил себя на роль Троцкого своего поколения. А для самого Че это была лишь еще одна роль, которую нужно было сыграть. Когда Гевара вернулся в Гавану, кубинские газеты и словом не обмолвились ни о его речи, ни вообще о его поездке. Более того, он был приглашен на встречу с Фиделем и Раулем Кастро. Рауль как раз вернулся из Союза, где речь Че, произнесенная в Алжире, наделала много шума. При появлении Гевары Фидель и Рауль Кастро во всеуслышание назвали его недисциплинированным, неблагодарным глупцом.

«Фидель! – растерянно отозвался Че. – Пожалуйста, относись ко мне с уважением! Я не Камило!» Супруга Че Гевары, Алейда, была вынуждена вмешаться в спор с восклицанием: «Не могу поверить, что все это действительно происходит между давними, проверенными временем *компаньерос* !»

Обескураженный Че вернулся домой, где нашел перерезанными провода своего телефона. Это стало началом его домашнего ареста. Именно во время домашнего ареста Че сочинил свое известное «прощальное письмо Фиделю», в котором он унижался самым неприкрытым образом.

«Я глубоко уважаю твои наставления и личный пример… единственная моя вина заключается в том, что я не смог еще в Сьерре разглядеть в тебе качества лидера и революционера. Я выйду на новые поля сражений с верой, которую ты в меня вселил…» – и прочее в том же раболепном духе.

С момента возвращения из Алжира и до отъезда в Конго на публике Че появлялся всегда в компании приставленных к нему охранников из службы государственной безопасности. Его кубинские приключения подошли к концу.

С чем работал Че Гевара

	Суточный рацион рабов (1842)	Суточный рацион, определенный Кастро (с 1962)
Мясо, птица, рыба	240 г	60 г
Рис	120 г	90 г
Хлеб, картофель	480 г	195 г
Бобовые	120 г	30 г

Отчет ЮНЕСКО за 1957 год сообщал, что одной из особенностей социальной структуры Кубы является *многочисленный средний класс* . На Кубе процент рабочих, состоявших в профсоюзе, был большим, чем в США (пропорционально численности населения). В 1957 году средний заработок за восьмичасовой рабочий день на Кубе был выше, чем в Бельгии, Дании, Франции, Германии. На оплату труда кубинских рабочих приходилось 66,6 процента валового национального дохода. В США эта цифра составляла 68 процентов, в Швейцарии – 64 процента. 44 процента кубинцев находились под защитой социального законодательства, на то время эти показатели были выше, чем в США.

Куба фактически перешла на 8-часовой рабочий день в 1933 году (хотя официальный закон был принят четырьмя годами позже) – на 5 лет раньше, чем этим вопросом занялась команда Рузвельта. За сорокачасовую рабочую неделю полагалась оплата, как за сорокавосьмичасовую, также полагался месяц оплачиваемого отпуска. А «образцовые» социальные демократии Западной Европы смогли достичь этого лишь тридцать лет спустя. Многие кубинцы имели право на девятидневный оплачиваемый отпуск по болезни, на оплаченное работодателем обязательное страхование от безработицы, а также – получите, Максин Уотерс, Медея Бенджамин и другие прокастровские феминистки! – на три месяца оплачиваемого декретного отпуска. И это было в 1930-е годы.

Действовавшее до Кастро трудовое законодательство вызывало недовольство у завсегдатаев Гаванского яхт-клуба. «Проще выгнать жену, чем работника!» – жаловались они. (Однажды этот яхт-клуб случайно отказал в членстве самому президенту Кубы Батисте, который был мулатом). В 1950 году

средняя зарплата на фермах «полуфеодальной» – как выразилась газета « *Нью-Йорк таймс»* в 1959 году – Кубы была *выше* , чем во Франции, Бельгии, Дании, ФРГ. По данным базирующейся в Женеве Международной организации труда, средний дневной заработок сельскохозяйственных рабочих на Кубе 1958 года составлял 3 доллара США. Средний дневной заработок во Франции в то время был 2,73 доллара; в Бельгии – 2,70 доллара; в Дании – 2,74 доллара; в ФРГ – 2,73 доллара; в Соединенных Штатах – 4,06 доллара.

Под термином «полуфеодальный» газета « *Нью-Йорк таймс»* также подразумевала монополизацию кубинской деревни небольшим числом землевладельцев-миллионеров, на чьих огромных владениях в поте лица трудились легионы безземельных крестьян. Джон Ли Андерсон также упоминает «класс богатых землевладельцев Кубы, обрекающий рабочих на жизнь в постоянной нищете».

Фактически среднее фермерское хозяйство на Кубе 1958 года было меньше, чем аналогичное в США: 56 гектаров на Кубе по сравнению с 78 гектарами в Соединенных Штатах. В 1958 году население Кубы составляло 6,4 миллиона человек. В стране действовало 159 958 фермерских хозяйств, 1000 из них – табачные плантации. Сельские жители составляли лишь 34 процента населения Кубы.

В 1950 году зарплата кубинских портовых грузчиков была самой высокой в Латинской Америке и одной из самых высоких в мире для данной сферы, выше, чем в Новом Орлеане. В 1958 году кубинцы имели больше телевизоров на душу населения, чем жители других латиноамериканских стран и континентальной Европы. Также на душу населения приходилось больше автомобилей, чем в Японии и половине стран Европы.

Иными словами, кубинские рабочие имели высокую покупательную способность. В 1958 году инфляция на Кубе была самой низкой в полушарии – 1,4 процента. В США в этом же году инфляция составила 2,73 процента. Исторически кубинский песо был равен доллару США, эти валюты были полностью взаимозаменяемы по курсу 1:1.

Куба пережила наибольший экономический взлет в 1957–1958 годах, когда, по мнению « *Нью-Йорк таймс»* и левых в целом, страна не только была «полуфеодальной», но и находилась в разгаре свирепой «партизанской войны» под предводительством лидера партизан Че Гевары.

«Куба не является слаборазвитой страной», – говорилось в бизнес-справочнике, выпущенном в 1956 году Департаментом торговли США. После прихода Че к власти Куба вскоре оказалась

на одном уровне с беднейшими странами.

Страна, которая в 1958 году был третьей в Западном полушарии по уровню потребления белка, скоро перешла на государственные пайки. А какими были эти пайки? Для наглядности можно сравнить дневной рацион кубинцев в период правления «гениального» аргентинского министра с дневным рационом рабов согласно указу испанского короля от 1842 года.

Кубинские рабы на самом деле питались *лучше* кубинских граждан в условиях экономического господства Эрнесто Гевары. Это соотношение сохраняется и по сей день. Линкольн однажды сказал: «Всякий раз, когда я слышу, что кто-то поддерживает рабство, мне хочется, чтобы этот человек сам попробовал быть рабом». Несомненно, многие кубино-американцы после просмотра передачи « *Группа Маклафлина* » захотели увидеть, как Элеонора Клифт давится пайком из бобов, картофеля и мяса с жилами.

Люди никогда не голосуют более открыто, чем когда они «голосуют ногами». В двадцатом веке, до того как Кастро и Че вошли в Гавану, Куба приняла больше иммигрантов на душу населения, чем любая другая страна Западного полушария – больше, чем Соединенные Штаты, включая период прилива иммиграции на Эллис-Айленд. В 1958 году кубинское посольство в Риме было завалено двенадцатью тысячами заявок на иммиграционные визы от итальянцев, *требовавших* разрешения эмигрировать.

С 1903 по 1957 год Куба приняла более миллиона иммигрантов из Испании и шестьдесят пять тысяч из Соединенных Штатов.

Жители Ямайки и Гаити плыли на плотах, пытаясь *попасть* на Кубу. Теперь же огромное количество людей (2 миллиона на 1992 год) рискуют жизнью, чтобы бежать с нее, а полуголодные гаитяне всего в ста километрах от Кубы даже не думают эмигрировать туда. Но когда-то люди пытались попасть на Кубу столь же отчаянно, как сейчас бежать с нее.

Вот еще один пример, когда поведение людей более наглядно, чем статистика: 5 августа 1957 года повстанческое движение Кастро призвало провести «Национальную забастовку» против диктатуры Батисты – угрожая расстрелять всех, сообщивших об акции работодателю, – но «Национальная забастовка» была полностью проигнорирована. Следующая акция была назначена на 9 апреля 1958 года. И снова кубинские рабочие выразили своим «освободителям» абсолютное пренебрежение, массово явившись на работу в положенный срок.

В антибатистовском восстании участвовали в основном

студенты и квалифицированные специалисты. Преобладали безработные юристы, начиная с самого Фиделя Кастро. «Рабочие и крестьяне» были весьма редки. Первоначальный кабинет режима Кастро – Че состоял из семи адвокатов, двух профессоров университета, трех студентов, одного врача, одного инженера, одного архитектора, одного бывшего мэра и одного капитана, бежавшего из армии Батисты. Это была истинно «буржуазная» группа, как сказал бы сам Че.

К 1961 году именно рабочие и *«кампесинос»* , то есть крестьяне, составляли подавляющее большинство противников режима Кастро, особенно среди партизан в горах Эскамбрии.

Рассказ о Кубе не будет полным без упоминания ее хваленой «системы здравоохранения». Сам Колин Пауэлл, в период работы над делом Саддама Хусейна в Организации Объединенных Наций, заявил, что «Кастро сделал для Кубы несколько хороших вещей». Вероятно, эта реплика вырвалась у него нечаянно, так как Пауэлл наверняка ожидал комментария репортера по поводу «системы здравоохранения» Кубы.

И снова несколько фактов. В 1958 году Куба имела самую низкую младенческую смертность в Латинской Америке и *тринадцатую с конца в мире* . По этому критерию Куба опередила Францию, Бельгию, ФРГ, Израиль, Японию, Австрию, Италию и Испанию. Сейчас же (и это даже если верить официальной статистике кастровских пропагандистов) Куба занимает *двадцать пятое место сверху* . Таким образом, по отношению к остальному миру система здравоохранения Кубы *ухудшилась* после сорока семи лет сталинизма. Еще одна вещь: ошеломляющее количество абортов на Кубе Кастро – 0,71 аборта на одного новорожденного. Это самый высокий показатель в Западном полушарии и один из самых высоких в мире. Младенческая смертность снижается, так как все рискованные случаи беременности прерываются. Но даже при этой ужасной практике младенческая смертность на Кубе Кастро сегодня сравнительно выше, чем на Кубе Батисты полстолетия назад. Кроме того, в 1957 году на Кубе было больше врачей и стоматологов на душу населения, чем в Соединенных Штатах и Соединенном Королевстве.

Отчет пробравшегося с Кубы репортера-диссидента сообщает, что туберкулез, проказа и лихорадка денге – болезни, давно забытые на Кубе 1958 года – снова возвращаются на Кубу 2005 года.

Еще одна избитая истина левых гласит, что Куба была ничем иным, как коррумпированной и продажной «площадкой для игр» американских туристов. В 1957 году Кубу посетило в общей сложности 272 265 туристов из США. В 1950 году больше

кубинцев отдыхало в Соединенных Штатах, чем американцев на Кубе. (Кстати, в 2002 году, прямо в разгар гнусного американского эмбарго – о нет, дьявольской «империалистической блокады»! – Кубу всеми правдами и неправдами посетило примерно 203 000 американцев).

Конечно, мы не можем обсуждать Кубу, не упоминая ее эксплуатацию и унижение со стороны грубых, хищных бизнесменов и бандитов-янки, которые захватили экономику страны. Кубинская провинция Майари была «фактически вассальным государством корпорации *«Юнайтед фрут»* , считает Джон Ли Андерсон, биограф Че. Сама же Куба, по утверждению Хорхе Кастанеды, являлась «полуколонией США».

На самом деле в 1958 году – спустя всего пятьдесят пять лет после установления независимости в результате разрушительной войны с Испанией – американские инвестиции составляли всего лишь 9 процентов инвестированного капитала Кубы, американские компании производили менее *одной трети* всего сахара на Кубе. Из 161 сахарного завода Кубы только 40 принадлежали американцам.

«Я думаю, что нет такой страны в мире, включая всю Африку и другие страны, находящиеся под колониальным господством, где последствия экономической колонизации, унижений и эксплуатации были бы более разрушительны, чем на Кубе». Это сказал не Че Гевара в Организации Объединенных Наций. Это сказал Джон Ф. Кеннеди в беседе с французским журналистом Жаном Даниэлем в 1963 году. «В частности, в результате политики моей страны», – честно добавил Кеннеди.

Выбирая помощников по вопросам отношений с Кубой, президент Кеннеди однажды заметил: «Разум не может потерпеть поражения».

Санкции США против Кубы – просьба Че

Факт того, что санкции, выдвинутые США в адрес Кубы, явились для острова предупредительным, необоснованным и жестоким «наказанием» со стороны амбициозного противника, отмечается повсеместно в академических источниках, поддерживающих левые партии. Ежегодно на протяжении уже пятнадцати лет Генеральная Ассамблея ООН практически единогласно голосует за отмену данных санкций, основываясь на критических заявлениях министра иностранных дел Кубы Переса Рока, называя санкции «блокадой». США, Израиль и Маршалловы острова – единственные страны, выступающие против снятия ограничений. Посол Ирана в ООН Джавад Агазаде открыто выступил в поддержку своих кубинских товарищей во время последнего голосования, в попытке дискредитировать действия США, охарактеризованные как «нетерпимость к другим политическим, экономическим и социальным системам, которая идет вразрез с принципами защиты прав и достоинства человека!». Показательно, что сия лекция относительно нетерпимости и нарушения прав человека звучит из уст представителя той нации, которая жаждет, чтобы Израиль был навсегда «стерт с карты мира».

История же идет своим ходом, не предоставляя политикам США особого разнообразия в выборе. Че Гевара, будучи президентом Национального Банка Кубы, неоднократно выступал против какого-либо делового сотрудничества Кубы с США. Несмотря на то что Соединенные Штаты приобретали кубинский сахар по цене, превышающей мировые цены на данный вид товара, Че Гевара обвинил Америку в установлении «экономического рабства»!

«О\'кей, как хотите», – пожали плечами американцы и перестали покупать кубинский сахар. Че Геваре было не угодить. Этот ход он объявил «экономической агрессией» янки. Когда Жан-Поль Сартр назвал Фиделя, Рауля и Че «детьми, стоящими у власти», он хотел сделать им комплимент. Однако фактически это была горькая правда – поскольку экономическая политика Кубы напоминала вспышки раздражения капризного ребенка. Че Гевара *сам напросился на эмбарго* . В скандальной речи, которая транслировалась по телевидению 23 марта 1960 года, Че Гевара заявил: «Для того, чтобы завоевать что-либо, необходимо отобрать это у другого. Суверенитет страны, вот что мы должны

подчинить себе. Именно это должно быть изъято у того, что зовется монополией. Значит, наша дорога к освобождению начнется с победы над монополиями США!»

Че отдавал распоряжения о массовом незаконном присвоении имущества американских компаний. Будучи министром экономики, он организовал хищение почти 2 миллиардов долларов США у американских бизнесменов и акционеров. Около 5911 компаний были отобраны в буквальном смысле под дулом пистолета у их законных владельцев, которые усердно работали и шли на рискованные сделки. Это самый большой грабеж, совершенный за всю историю. В течение двух недель с помощью лишь нескольких вооруженных группировок Кастро и Че отобрали у американских бизнесменов больше, чем за все время других «национализаций» (читай: актов мародерства), совершенных всеми вместе взятыми приверженцами других националистических (мародерских) режимов на земле.

Кастро ликовал, трубя на всех углах, что в жизни не вернет ни цента. Так оно и было. Те немногие, кто оказал сопротивление этому неприкрытому грабежу, были казнены. Одним из них был гражданин Америки, Говард Андерсон, который лишился принадлежащего ему местного представительства компании *«Джип»* (напомним, что это тот самый Андерсон, который стал одной из жертв жестокости Че Гевары). Другим был Роберт Фуллер, у которого отобрали принадлежащую его семье ферму. Как и Андерсона, Фуллера связали, заткнули рот и привязали к расстрельному столбу.

Европейцы, в особенности французы, тайно торжествовали, глядя на то, как Че и Кастро грабили Дядю Сэма. Затем они сами устремились за добычей, потирая руки.

Однако европейцы неожиданно для себя упустили возможность наживы. Куба охотно брала взаймы, однако продемонстрировала явное нежелание выплачивать иностранные коммерческие и двусторонние долги, имевшиеся перед всеми несоциалистическим странами. Она остановила выплату в 1986 году. Парижский клуб стран-кредиторов обнаружил, что Куба совершенно не была заинтересована в ведении с ним каких-либо переговоров.

А как насчет пяти миллиардов долларов США, которые Куба ежегодно получала от своего «богатого папика» – Советского Союза?

Фидель также отказался от погашения этих долгов. История вновь сняла с него все обязательства, когда его кредитор – Советский Союз – прекратил свое существование. Как можно выплатить долг юридическому лицу, которое больше не

существует?..

Отчаявшиеся проститутки

Хорошим примером способности Че отрицать очевидное стал случай, произошедший в 1960 году, во время государственного визита в Чехословакию. Все члены кубинской делегации обратили внимание на огромное количество проституток как на улицах, так и в самой гостинице, где они остановились. Че лишь вяло кивал в ответ на их замечания. Когда, вернувшись на Кубу, один из делегатов заговорил о них, Че вспыхнул и возмущенно заявил: «Я не видел там никаких проституток!» Остальные лишь переглянулись, пожав плечами, но из осторожности решили не говорить больше на эту тему. Че просто не *хотел* вспоминать о том, что он видел проституток в той великой социалистической стране.

Куба, созданная Кастро и Че, превратилась с тех пор в огромный публичный дом, где «секс-туристы» с шокирующей легкостью могут найти себе женщину.

Джулия О'Коннел Дэвидсон пишет: «Поскольку эти женщины, как правило, находятся в отчаянном положении, их услуги стоят очень дешево».

О'Коннел Дэвидсон, профессор социологии британского Ноттингемского университета, автор книги *«Правда и ложь о проституции»* , тщательно изучила вопрос проституции на современной Кубе.

«Услуги проститутки на Кубе стоят от двух до четырех долларов США, – пишет О'Коннел Дэвидсон. – Неопытных женщин и девушек можно уговорить и/или обманом заставить провести с клиентом всю ночь за ужин, выпивку или небольшой подарок. Секс-туристы говорят, что две недели удовольствий на Кубе стоят дешевле, чем в других центрах секс-туризма, например, на Филиппинах или в Таиланде. Отчасти это так потому, что высокая конкуренция среди кубинских женщин снижает цену на их услуги.

Девочки четырнадцати-пятнадцати лет еще сильнее гонятся за долларами, поэтому они более доступны. Мы видели 14—15-летних проституток, работающих в Варадеро. Они говорили, что некоторые из их итальянских, канадских и немецких клиентов приезжают на Кубу три-пять раз в год. Однако гораздо больше беспокоит то, что эти туристы платят взрослым кубинкам, которые сами зачастую являются проститутками, чтобы они приводили им 14—15-летних девочек».

Профессор О'Коннел Дэвидсон обнаружила явление, названное ею «неприязненной сексуальностью», которое

встречается среди многих мужчин, приезжающих на Кубу. Это понятие можно определить девизом «найти их, накормить их, поиметь их, забыть их». Одна американская компания, публикующая печатные и электронные рассылки *«Путешествия для одинокого мужчины»* , называет Кубу новым горячим направлением для рисковых свободных молодых людей. Один британский турист объяснял, что его кубинская «девушка» (а за день до этого была другая) предложила ему переехать из отеля к ней. В отеле он платил двадцать долларов США за сутки. Она же соглашалась стирать, готовить, быть гидом-переводчиком, а также спать с ним за пять долларов плюс стоимость продуктов. Дома этот мужчина не мог купить на эти деньги даже пачку сигарет, не говоря уже об услугах горничной или проститутки.

Профессор О'Коннел Дэвидсон также обнаружила кое-что, что может показаться интересным Чарли Рэнджелу, Джесси Джексону, Максин Уотерс, Дэнни Гловеру, Гарри Беллафонте, Наоми Кэмпбелл, Квейси Мфуме, Майку Тайсону – обладателю татуировки с Че, рэпперу Джею Зи, носящему майку с Че, и прочим темнокожим знаменитостям и «звездам» молодежных телеканалов. «Кубинцы сталкиваются с теми же многими «расистскими» проблемами угнетения чернокожих, что и весь остальной мир. Первым нашим впечатлением было то, что среди *«хинитерас»* (проституток) было гораздо больше черных, чем мулаток или белых. Как говорил мне один канадец, вы можете назвать здесь (на Кубе) негра негром, и никто не возмутится».

Профессор О'Коннел Дэвидсон сделала вывод о том, что на Кубе расисты «могут удовлетворить сексуальные желания за счет тех, кого они и презирают, и хотят. Куба – это рай для них. Здесь секс-туристам могут много чего предложить. Эти мужчины могут высокомерно командовать кубинскими женщинами и девушками. Это для них так же просто, как и заказать коктейль».

Это не слова озлобленной кубинской беженки, а цитата из лекции профессора, выступающего за равноправие женщин, преподавателя европейского университета.

Но, чтобы мы не поняли ее превратно, профессор О'Коннел Дэвидсон приводит в заключение следующую фразу: «То, что они командуют (кубинскими женщинами), основывается не только на шокирующей разнице в благосостоянии между жителями развитых и развивающихся стран, но и на *внешней политике Америки* . Во время правления Батисты США постепенно превращали Кубу в бордель и игорный дом. Эти *меры наказания* привели сегодня к воссозданию условий для того, чтобы кубинские женщины и девушки стали забавой для более состоятельных людей».

Да, это вина американцев. Это похоже на правду, особенно если учесть академический стаж профессора О'Коннел Дэвидсон. Во всяком случае, она подробно записала то, что сама непосредственно видела и слышала на Кубе.

В 1958 году уровень жизни на Кубе был выше, чем (обратите внимание на фамилию профессора) в Ирландии. Во время режима Батисты Куба *не* была частью «третьего» мира, а тем более «борделем и казино для Америки». В 1958 году на Кубе было примерно десять тысяч проституток. Сегодня сто пятьдесят тысяч кубинок занимаются этой ужасной торговлей.

По версии газеты *«Лондон сандей таймс»* , Ноттингемский университет, в котором работает профессор О'Коннел Дэвидсон, является одним из десяти лучших университетов Великобритании. Вряд ли стоит ожидать, что там история Кубы изучается более тщательно, чем в университете Беркли, Йельском или Принстонском университетах. Описанная профессором О'Коннел Дэвидсон «шокирующая разница в благосостоянии» между сегодняшней Кубой и развитыми странами не имеет ничего общего с политикой США. Зато она является результатом политики Кастро, особенно назначения им Эрнесто Че Гевары президентом Национального Банка Кубы и, вскоре после этого, министром промышленности Кубы.

Чернокожие на Кубе

Когда Розу Паркс вышвырнули из автобуса в Монтгомери, институциональный расизм на Кубе был уже тридцать лет как упразднен. Чернокожими представителями правительства, которое помог свергнуть Че Гевара, были председатель Сената, министр сельского хозяйства, главнокомандующий армии и сам глава государства, Фульхенсио Батиста.

Батиста захватил власть в бескровном перевороте 1952 года, однако в 1940 году он был избран президентом на выборах, которые американские наблюдатели описали как безупречно честные. Таким образом, даже если на Кубе в то время и существовали какие-то расовые барьеры, это не помешало населению, которое на 71 процент было белым, проголосовать за чернокожего президента и избрать его почти за двадцать лет до того, как Эйзенхауэр послал федеральные войска в Литтл-Рок для усиления интеграции.

Сегодня на Кубе 85 процентов заключенных составляют чернокожие. Режим, в установлении которого участвовал Че Гевара, отличился, ко всему прочему, еще и самым длительным политическим заключением двадцатого века. Эусебио Пеньявер пробыл в заключении в тюрьмах Кастро дольше, чем Нельсон Мандела в Южной Африке.

Пеньявер пролил немало крови в своей борьбе с коммунизмом, но не был сломлен за тридцать лет заключения. «Ниггер!» – насмехались над ним надзиратели. «Обезьяна! Мы сняли тебя с деревьев и отрубили хвост!» – издевались головорезы Кастро, когда бросили его в одиночную камеру.

Тюремщики-коммунисты всегда добивались от Эусебио Пеньявера «признания», подписи на каких-то документах, подтверждающих его «идеологические преступления». Они убеждали его, что это значительно облегчит его страдания в заключении.

Они получали ответ очень быстро и четко. Эусебио пренебрегал любым «перевоспитанием», которым занимались его тюремщики, приверженные режиму Кастро. Он знал, что они сами отчаянно нуждались в перевоспитании. Он отказывался носить общую для заключенных униформу. Он знал, что им самим нужно ее носить. После тридцати лет мучений в темницах Кастро Эусебио Пеньявер остался несломленным, гордым и дерзким.

Он живет в Майами. Однако можно с уверенностью сказать, что среднестатистический американец о нем слыхом не слыхивал. *Си-эн-эн* не берет у него интервью, *«Нью-Йорк таймс»* и « *Бостон*

глоуб» не пишут о нем статей. На заседаниях Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения или собраниях черных в конгрессе о нем не было сказано ни слова.

Ведь он был *кубинским* политическим заключенным. А судя по позиции основных средств массовой информации и научного сообщества, такая форма угнетения за проявление расовой дискриминации не считается.

Сегодня полиция Кастро ограничивает чернокожих кубинцев в доступе в туристические зоны. Самый известный кубинский политический заключенный – доктор Оскар Элиас Бискет, видный защитник прав человека – чернокожий. А из всех коммунистических руководителей на Кубе чернокожие составляют… ровно 0,8 процента. В других странах такая ситуация почему-то обычно называется громким словом «апартеид».

Че в Африке

Для того чтобы понять, каким образом вообще Че Гевара очутился в Африке, напомним читателю несколько печальных страниц из ее истории.

Среди африканских стран Конго является одной из самых жутких и мрачных. Каннибализм, шаманство, ритуальные убийства – эти практики зачастую встречаются в ее первобытных джунглях и по сей день. На протяжении долгого времени страна была бельгийской колонией, но 30 июня 1960 года новые «прогрессивные» власти Конго объявили о независимости страны от Бельгии. Самыми популярными среди новоявленных конголезских деятелей были трое: Патрис Лумумба, Жозеф Касавубу и Моиз Чомбе. После революции Касавубу стал президентом, Лумумба «подружился» с Советским Союзом, а Чомбе отправился в провинцию Катанга, где он родился, и провозгласил ее независимость от центра. К белым Моиз Чомбе относился с уважением (исключая коммунистов). Бельгии – вчерашней метрополии – было разрешено ввести в Катангу войска для защиты бельгийцев от насилия со стороны «революционеров». Таким образом, в провинции был наведен порядок.

Однако Патрису Лумумбе удалось провести в ООН резолюцию против решений Чомбе. Принятым на заседании ООН постановлением было объявлено: бельгийцы покидают Катангу, а на их место приходят миротворческие войска. Эта замена, мягко говоря, не поспособствовала стабильности в регионе. Полный хаос, пожалуй, не наступил, но и до порядка было очень далеко. Только к январю 1963 года вооруженные силы ООН навели в Катанге некое подобие спокойствия, а спустя полгода Чомбе уехал в Испанию – подальше от правительственных интриг.

Летом 1964 года Конго снова начало лихорадить. В районе бассейна реки Квилу разгорелось восстание симба («львов» на языке суахили). Это примитивное неграмотное племя своей главной задачей считало полное уничтожение всех белых, а также всех более-менее образованных черных. Их основной ударной силой были «юнессы» – подростки-отморозки, практиковавшие людоедство и готовые сеять смерть направо и налево. Возглавил восстание Пьер Мулеле. На помощь он призвал шаманов, ритуалы и зелья которых делали повстанцев неуязвимыми для пуль. Все, что от них требовалось – это размахивать веткой и твердить простенькое заклинание, от которого пули якобы превращались в воду.

Советский Союз был страшно обижен на центральные власти

Конго за подлое и жестокое убийство Патриса Лумумбы. В связи с этим страны социалистического блока и некоторые арабские государства, считавшиеся «прогрессивными», решили оказать симба всяческую поддержку. В восточные районы Конго по «воздушному мосту» отправились оружие и боеприпасы. За несколько месяцев с мачете и копий симба полностью перешли на автоматы Калашникова. Посему правительственные войска (по сути, являвшие собой такой же сброд) при виде симба, вооруженных до зубов и к тому же защищенных колдовством, предпочитали разбегаться на все четыре стороны.

Напуганный Касавубу уговорил Чомбе занять пост премьер-министра. Тот ответил согласием и пригласил в страну технических и военных иностранных специалистов. Западная Европа и США охотно вмешались, ибо хорошо знали, что кровожадный Пьер Мулеле с удовольствием казнил белых заложников. Заключив тайное соглашение с бельгийцами, американцы для начала перебросили в Конго несколько вертолетов *«UH – 1B «Ирокез»* и с десяток тяжелых бомбардировщиков-штурмовиков *«B-26 «Инвэйдер»* . Пилотами были наемники из числа эмигрировавших в США кубинцев. Они пылали жаждой отомстить коммунистам за недавний разгром в заливе Кочинос. Впервые симба прочувствовали на своих шкурах мощь бортовых пулеметов и пушек *«Инвэйдеров»,* когда правительственные войска штурмовали Альбертвиль – город на озере Танганьика. Симба ударились в панику, и город был благополучно взят. В дальнейшем эти самолеты еще времен Второй мировой много раз наносили симба тяжелый урон, выкашивая людоедов буквально сотнями. Вылеты непременно согласовывались с агентом ЦРУ в Конго и с офицером ВВС США, находившимся в американском посольстве.

В то же время в Конго начали появляться отряды белых наемников, имевшие большую самостоятельность в действиях. Майк Хор, о котором речь пойдет ниже, сформировал из англоговорящих наемников «Пятый отряд», который действовал на востоке страны. Франко-бельгийскую группу возглавил парашютист Боб Денар, француз.

Конголезские сухопутные силы и ВВС, окрепшие за счет помощи Запада, наносили симба одно поражение за другим. Они преследовали их даже на территории соседних стран – в частности Уганды. К концу весны 1965 года восстание было подавлено. Однако с приближением победы противоречия между Касавубу и Чомбе лишь нарастали. Неизвестно, к чему бы это привело, но 25 ноября 1965 года главнокомандующий армией Конго Жозеф Дезире Мобуту устроил государственный переворот,

отстранив президента Касавубу с поста. Чомбе ничего не оставалось, как снова бежать в Испанию, однако он продолжал втайне лелеять надежду когда-нибудь заполучить власть в свои руки.

Именно во время мятежа симба Че Гевара и оказался в Конго. А предшествовала этому поездка по странам Африки в январе – феврале 1965 года. Гевара, еще будучи в то время министром промышленности Кубы, посетил Алжир, Конго, Мали, Танзанию, Гану и Объединенную Арабскую Республику. В Алжире министр поучаствовал в работе Второго экономического семинара афро-азиатских стран, где ознакомился с насущными проблемами континента. Этот семинар призывал к оказанию «освободительным движениям» военной и финансовой помощи. Также звучала просьба поспособствовать формированию и обучению военных кадров.

Гастон Сумиало, представитель конголезских повстанцев, обратился к кубинцам за поддержкой. Просьбы «борцов с неоколониализмом» не смогли оставить Гевару равнодушным. Вне всякого сомнения, в той поездке у него родилось множество идей…

Забегая вперед, скажем, что кампания Че Гевары в Африке завершилась довольно трагикомично, потому что в «мастерстве и умении» организовывать и вдохновлять африканские войска ему попросту не было равных.

Для полноты картины расскажем небольшую предысторию, красочно описывающую отношение Гевары к чернокожим.

В радиоинтервью вскоре после занятия Гаваны Че Гевара ясно дал понять, какое будущее ожидало кубинских негров. Известный кубинский чернокожий бизнесмен по имени Луис Понс позвонил в студию и поинтересовался у Гевары, какие действия собирается предпринимать революция, чтобы помочь черным. «Мы собираемся сделать для черных то же самое, что черные сделали для революции, – отрезал Че. – То есть – ничего». Сегодня Понс является видным кубино-американским бизнесменом в Нью-Йорке и одним из основателей Кубино-американского национального фонда. Его матери было отказано в разрешении покинуть Кубу – именно потому, что она была черной.

«Когда мы тренировались в Мексике перед высадкой на Кубу, – вспоминает Мигель Санчес, который руководил многими тренировками, – Че забавлялся, унижая кубинского чернокожего партизана по имени Хуан Альмедиа. Он постоянно с издевкой называл его *«эль негрито»* – негритенок. Альмедиа страшно злился на Че, и тогда я, наконец, сказал ему: «Послушай, Хуан, когда Гевара называет тебя *«эль негрито»* , зови его в ответ *«эль*

чанчо» – свинья, потому что этот парень, похоже, никогда не моется». Это сработало – на какое-то время. Но Че вскоре нашел другую мишень для своего врожденного расизма, глумясь над «всеми этими неграмотными мексиканскими индейцами».

Не это ли пренебрежительное отношение мешало Геваре в налаживании контакта с африканскими войсками? К апрелю 1965 года Че уже был в Танзании с контингентом кубинских офицеров и солдат. Под кодовым именем Тату Че со своим отрядом вошел в Восточное Конго. В то время эту африканскую страну буквально лихорадило от непрерывных гражданских (в основном племенных) войн. Эрнесто Гевара, известный любитель делать из мухи слона, раздул эти конфликты до «народной войны» против «капиталистических угнетателей», которой требовалось вмешательство «братьев-пролетариев».

Миссией, которую Тату сам себе избрал, было помочь симба во главе с их лидерами Лораном Кабилой и Пьером Мулеле и некоторым другим группам насильников, головорезов и каннибалов. К слову сказать, Кабилу и Мулеле, кроме СССР, активно поддерживал и Китай; в частности, в Китае они оба прошли обучение. Все эти «освободительные» группы были заняты в основном истреблением конголезских последователей Моиза Чомбе, а также беззащитных европейцев, оставшихся в недавно покинутой бельгийской колонии.

Особенно ужасной была резня, устроенная симба в Стэнливиле. Среди зарубленных во время кровавого побоища были американские миссионеры – доктор Пол Карлсон и Филлис Райн. Консул США Майкл Хойт и все сотрудники консульства вместе с членами их семей были захвачены симба. Таща пленников к центру города, симба завывали: «Убить! Убить их всех! Без сомнений! Мужчин, женщин, детей – убить их всех!» Спастись заложникам удалось буквально чудом. Согнав пленников на главную площадь Стэнливиля, под статую Патриса Лумумбы, симба уже готовились привести свою угрозу в исполнение, когда – как гром среди ясного неба – буквально на голову повстанцам свалилась группа десантников Бельгийского иностранного легиона. Они спустились на парашютах с самолетов *«Геркулес С-130»* , управляемых американскими пилотами (база их находилась во Франции). Благодаря эффекту неожиданности десантники освободили почти всех заложников без единой потери в личном составе. В итоге симба побросали оружие и в панике разбежались.

Вскоре бельгийские легионеры соединились с отрядом наемников Майка Хора по прозвищу Бешеный Майк. К ним примкнули конголезцы, выступавшие против Кабилы, и несколько

ветеранов битвы в заливе Кочинос, направленных ЦРУ. Кубинцы были в основном летчиками, которые обеспечивали непосредственную авиационную поддержку Бешеному Майку на самолетах *«Норт Американ Т-28 «Троян»* и *«Дуглас А-26 «Инвэйдер»* . Ветераны Плайя-Хирон составили пехотную часть знаменитого «Пятого отряда» Бешеного Майка. Вскоре они покончили с людоедами симба, к горячей благодарности запуганных жителей Стэнливиля.

Примерно в это время на сцене появился «могучий Тату» – Эрнесто Че Гевара.

Первой военной миссией Че в качестве союзника симба было спланировать нападение на гарнизон охраны гидроэлектростанции в местечке под названием Фронт Бендела на реке Кимби, что в восточной части Конго. Искусно устроенная засада должна была стать мастерским творением Гевары. Однако не успели его солдаты занять позиции, как тут же из осаждающих превратились в осаждаемых, попав под жесточайший обстрел из минометов и пулеметов. В этом первом африканском военном «шедевре» команданте Тату потерял половину своих людей.

Африканские союзники Че начали более пристально приглядываться к его послужному списку и задавать разные вопросы (правда, на суахили, которого он не понимал). Кубинский команданте Виктор Колас, соратник Че, вспоминает об очередной стычке с Бешеным Майком и кубинцами из ЦРУ. «Наконец я решил дать приказ к отступлению, – рассказывает он. – Я обернулся… и обнаружил, что остался один! По всей видимости, я был один уже довольно продолжительное время. Все сбежали. А ведь меня предупреждали, что подобное может произойти…»

Еще несколько поражений и позорных отступлений – и вскоре Гевара уже не мог получить аудиенцию ни у одного африканского лидера. «Я пытался поговорить с майором Казали, – пишет Че. – Но он отказал мне, сославшись на головную боль».

В течение нескольких недель сам глава симба Лоран Кабила демонстративно отказывался отвечать на любую корреспонденцию Тату. Очевидно, боевая «слава» Гевары уже начала распространяться и по Африке. Наконец он кратко ответил на одно послание – и Че возликовал. Едва ли не виляя хвостом от радости, как подобранный на улице щенок, он немедленно написал следующее (заметьте, человеку, которого он видел один лишь раз, и то недолго): «Дорогой товарищ! От души благодарю Вас за Ваше письмо. Я с нетерпением жду Вашего приезда сюда, потому что считаю Вас старым другом. Кроме того, я должен перед Вами объясниться. И можете быть уверены: я

всецело отдаю себя в Ваше распоряжение. Я также прошу Вас об одолжении. Разрешите мне присоединиться к борьбе в качестве политического посланника моих товарищей».

Некоторые симба говорили на ломаном французском и могли кое-как объясняться с Че. «Один из первых конголезцев, которых я встретил, вождь по имени Ламберт, – вспоминает Гевара в своих дневниках, – сказал мне, колотя себя в грудь, что он и его войска просто смеются над вражескими самолетами. Ламберт пояснил, что самолеты не причиняли им никакого вреда, а их пули попадали в него много раз, но попросту отскакивали и падали на землю.

Причина была в том, что он и его войска находились под полной защитой *дава* – зелья, приготовленная местным *муганга* , или шаманом, к тому же очень могущественным. Этим снадобьем, сваренным из множества магических трав, шаман обрызгивал их перед битвой. Проблемы могут возникнуть только в том случае, если воин либо коснется женщины перед боем, либо же испытает страх во время него. Тогда он потеряет защиту *дава* . Могущество того или иного *муганга* также имеет огромное значение».

Че, признанный теоретик марксизма, кажется совершенно равнодушным к к подобного рода информации, сообщая об этом в том же ленивом тоне, каким написаны и остальные его произведения.

После одной из очень немногих успешных атак из засады на «Пятый отряд» Бешеного Майка солдаты Че обнаружили в захваченном грузовике несколько ящиков виски. Избежав полного провала в тот день, Тату был весьма горд собой. Его победные проповеди на тему «пролетарского интернационализма» и «империалистической эксплуатации» звучали громче и дольше, чем обычно. В пропагандистскую риторику Гевары и так никто никогда особенно не вслушивался, но в тот день отвлекающий фактор был особенно силен. Солдаты буквально набросились на содержимое захваченного грузовика. Вскоре началась разудалая пирушка.

Для создания полной картины давайте вспомним, что еще на Кубе, заняв Санта-Клару, Гевара издал указ, запрещающий спиртные напитки, танцы и петушиные бои. (Для беззаботных гуляк на мексиканском курорте Канкун, которые очень хорошо помнят Че, подобный ход с его стороны наверняка стал полной неожиданностью).

Чтобы превратить место засады в сумасшедший дом, полный кричащих и хохочущих как безумные «солдат», много времени не потребовалось. Гевара в это время хриплым голосом что-то тщетно вещал о «пролетарском интернационализме». Увы, у

симба в ружьях осталось много патронов, и вскоре они начали палить куда попало. Сначала в воздух, но целиться по понятным причинам становилось все труднее, и дело кончилось тем, что симба начали стрелять друг в друга. Одного «солдата» в этой развеселой пальбе таки застрелили насмерть. Этот человек явно шпионил на наемников – соорудил правдоподобное объяснение для Гевары пьяный симба. Вскоре Тату принял уже знакомое решение по поводу столь проблемного поведения его войск. Он предложил создать «Конголезскую военную академию», чтобы обучать свою «Африканскую освободительную армию» в духе «пролетарского братства и революционного сознания», как он делал с новобранцами- *милисианос* на Кубе.

Кубинцы под командованием Че Гевары были не столь оптимистичны. «Вся эта затея – дерьмо и чушь собачья!» – жаловался один из них. Разгром конголезских повстанцев и их кубинских союзников следовал за разгромом; Бешеный Майк, бельгийцы и кубинцы из ЦРУ не собирались останавливаться на достигнутом, и боевой дух африканских «воителей» стремительно падал. «Многие мои товарищи бесчестят звание революционеров! – такими словами описывал Тату в своем дневнике этот проблеск здравого смысла среди кубинских солдат. – Для революционеров они поступают крайне предосудительно. К ним я применяю самые жесткие дисциплинарные взыскания».

И какая же дисциплинарная мера была, по мнению Гевары, самой страшной? Он угрожает отправить своих кубинских товарищей *домой* !

«Мы понятия не имели, почему и зачем мы были в Африке», – вспоминает Дариэль Аларкон, еще подростком завербованный в колонну Гевары в Сьерре и с тех пор сопровождавший его во всех авантюрах. – Вся эта заваруха в Конго была делом слишком поспешным и опрометчивым. Мы были просто солдатами, которые выполняли приказ. Но Геваре невозможно было ничего сказать или посоветовать. В то время мы были еще совсем зелеными, и Че обращался с нами, как с марионетками.

Всякий раз, когда он созывал собрание, главной его задачей было запугать нас. Никто не осмеливался противоречить его словам или хотя бы просто высказать свое мнение. «Слушай, ты, закрой рот!» – это все, что можно было услышать в ответ». (Вспомним, кстати, утверждение Кастанеды о том, что порядочность и благородство Че всегда заставляли его быть вежливым и извиняться в случае чего).

У Че не было никаких рычагов воздействия на африканских подчиненных, которые обычно смеялись над ним. Однажды Тату

решил, наконец, показать солдатам «Африканской освободительной армии», кто в доме хозяин. Они отказывались рыть окопы, нести провиант… да и вообще выполнять какую-либо работу.

«Мы не грузовики, – говорили они со смехом в ответ на громогласные команды Че, – и мы не кубинцы!» – намекая на тех, кто обычно выполнял всю тяжелую работу. Тут Гевара окончательно вышел из себя.

«В ярости я кричал им, – пишет Че в своем дневнике, – что они ведут себя как женщины. Что я должен был бы надеть на них фартуки и вручить корзины с юккой, чтобы они носили их на головах, как местные крестьянки».

Но гневные тирады Че сначала нужно было еще перевести. Франкоязычный африканец-переводчик стоял рядом с Геварой и транслировал его возмущенные речи войскам. Это означало, что его красноречие доходило до цели с некоторой задержкой. Сначала солдаты наблюдали за брызгающим слюной Че. Потом поворачивались к переводчику, который объяснял, почему это покрасневший от напряжения Тату так разоряется.

«Когда до них, наконец, дошло, – пишет Че дальше, – они принялись истерически гоготать, что привело меня в замешательство». В голову проницательному Че, который не понимал ни слова на суахили, так ни разу и не пришло, что его переводчики могли умышленно искажать смысл его речей – таким образом, выставляя «могучего Тату» еще большим болваном, чем гремевшая о нем «слава».

Шли недели и месяцы, и, наконец, один из кубинцев, высокопоставленный чиновник кубинской коммунистической партии Эмилио Арагонес, взорвался: «Че! Что, черт возьми, мы здесь делаем?!» Гевара в ответ завел привычную волынку о международной пролетарской солидарности и борьбе с империализмом. Его товарищи возвели глаза к небу, обреченно кивнули и отошли.

Кубинцы по другую сторону баррикад получили совсем другой опыт. «Бешеный» Майк Хор, понаблюдав за своими союзниками, отметил: «Эти кубинцы из ЦРУ были самыми жесткими, преданными и целеустремленными солдатами, которыми я когда-либо имел честь командовать. Их командир – Рип Робертсон – был самым выдающимся и самоотверженным солдатом из всех, которых я встречал. Эти кубинские летчики вытворяли в воздухе такое, что мало кто смог бы с ними потягаться. Они пикировали, обстреливали и сбрасывали бомбы с такой энергией, с таким напором, что эта решительность передалась и пехоте, которая позже вовсю проявилась в

рукопашной схватке».

Густаво Понсоа был кубино-американским пилотом, участвовавшим в самоубийственных налетах на Кубу во время вторжения в залив Кочинос, где половина его братьев по оружию была убита в бою. Густаво нанес страшный ущерб врагам-коммунистам на Плайя-Хирон. Четыре года спустя он сгорал от нетерпения, желая сразиться с этими врагами снова, и ринулся на них в Конго.

«То, с чем нам пришлось столкнуться в Конго, ужасно и нелепо одновременно, – говорит он. – Я горжусь тем, что Бешеный Майк до сих пор высоко ценит нас. И мы, в свою очередь, очень высокого мнения о нем. Этот человек был настоящим бойцом! Он командовал танковой бригадой в битве против Роммеля при Эль-Аламейне, затем в Южной Африке он снова показал себя храбрым и находчивым командиром. Но когда я вспоминаю тех африканских людоедов, с которыми мы сражались в Конго – тех, которыми якобы командовал Че, «могучий Тату»… господи ты боже мой!..

Я обеспечивал прикрытие с воздуха «Пятому отряду» Хора, в котором также были американцы кубинского происхождения, ветераны Плайя-Хирон и мои друзья. Дело было, как вы понимаете, в непроходимых джунглях Конго. Нам приходилось лететь низко – очень низко, как правило, прямо над дорогой. Это был единственный способ ориентироваться на этой поросшей джунглями местности. Я обнаруживал врага и радировал солдатам Хора: «Бросьте дымовую гранату, чтобы мы знали, где вы находитесь». Увидев ее, мы – я и мои товарищи Луис Ардоис, Рене Гарсия и другие, все ветераны залива Кочинос – так вот, мы пикировали вниз и пускали в ход наши пушки пятидесятого калибра и ракеты… Черт подери, что творилось там внизу!..

Тогда Хор радировал в ответ: «Мы здесь! Ребята, вы попадете в нас! Вы слишком близко!»

«Мы знаем, что вы там, Майк! – орали мы. – Мы точно знаем, где вы находитесь. Враги у вас на хвосте, и мы ликвидируем их!» Потребовалось несколько боевых заданий, чтобы Хор почувствовал себя комфортно с кубинской авиационной поддержкой. Никогда раньше она не была настолько близко – что естественно для бескрайних пустынь Северной Африки. Но это были джунгли, и поддержка с воздуха просто *обязана* была держаться вблизи».

«Но через пару заданий Хор буквально влюбился в нас, – продолжает вспоминать Густаво. – Он видел, что мы знали, что такое летать – и стрелять. С тех пор он не мог обойтись без нас. При встрече он всегда хлопал нас по спине и широко улыбался».

Атакуя с бреющего полета, Понсоа и его товарищи-пилоты частенько раскрывали рот от изумления, видя своих африканских врагов, которые стояли на дороге или на опушке джунглей и спокойно глядели в небо. Они вели себя скорее как зрители на авиашоу, чем мишени.

«Некоторые даже *махали* нам за секунду до того, как наши ракеты разносили их в ошметки», – вспоминает он.

Вскоре кубино-американские пилоты узнали о магической *дава* , или защите, которую местные шаманы- *муганга* даровали войскам «могучего Тату» и его союзникам. «Африканским лидером в нашем регионе был Пьер Мулеле, – говорит Понсоа. – Он сказал своим солдатам, что если они выпьют волшебную воду, которую он им даст – приготовленную очень известным и могущественным шаманом, – то пули от их тел будут просто отскакивать, не причиняя вреда».

Не все союзники Гевары повелись на столь откровенную чушь. Многие взирали на это дело скептически. Но Мулеле быстро нашел способ успокоить недовольных и убедить маловеров. «Мулеле заставил нескольких своих солдат выпить шаманское снадобье, – говорит Густаво Понсоа. – Потом он приказал офицерам схватить их, связать и выстроить этих несчастных ослов для расстрела. *Бах! Бах!* В них действительно стреляли, но… холостыми. «Видите? – ухмыльнулся он, широким жестом указывая на дрожащих солдат. – Вот вам доказательство! А теперь идите и пейте волшебное снадобье, чтобы мы смело могли пойти в бой против этих империалистических наемников!»

Пьер Мулеле, кстати, был министром *образования* при конголезском режиме Патриса Лумумбы, которого Джон Хенрик Кларк, профессор Корнелльского университета, называл не иначе как «Черный Мессия», «лучший сын Африки» и «Линкольн Конго».

Знаменитый автор *«Партизанской войны»* , человек, которого ученые ставят на один пьедестал с Мао и Лоуренсом Аравийским, основатель Кубинской революционной военной академии, официальный инструктор кубинских ополченцев, объект голливудского поклонения… В общем, этот «могучий Тату» мог бы и просветить наивных конголезцев, что пули пятидесятого калибра и самолетные ракеты, которые вспарывают немецкие танки «Тигр», как консервные банки, действительно способны пробить человеческую кожу.

Последнее столкновение Тату с «бешеными псами империализма» произошло на вершине одной из гор в городке Физи Барака. Союзником Че здесь был «генерал Мулана», который носил мотоциклетный шлем и заворачивался в шкуру леопарда, за что получил от кубинцев прозвище «генерал

Космонавт».

Когда Че посетил его «штаб-квартиру», Мулана торжественно облачился в свою военную форму (тот самый шлем и шкуру). Затем, чтобы продемонстрировать свою грозную оборону, он приказал солдатам, разряженным в куриные перья и обезьяний мех, пройти строем перед Тату. Излишне добавлять, что придворный шаман «генерала Космонавта» сделал их пуленепробиваемыми.

Вскоре на сцену ворвался «Пятый отряд» Хора – в буквальном смысле слова, с Густаво и его товарищами в качестве прикрытия.

Результатом стала очередная ужасная бойня и полный и окончательный разгром. Тату во время одного из взрывов едва не распрощался с жизнью. Шаман нервно придумывал оправдания своему почему-то не сработавшему *дава* .

Вся эта операция, больше напоминающая комическую оперу или нечто подобное, наконец, заставила задуматься даже Гевару. *«История катастрофы»* – так озаглавил он свои дневники из Конго. Но во всем этом он обвиняет своих союзников. «Конголезцы были очень, очень плохими солдатами», – наконец признался он Феликсу Родригесу перед смертью. Однако по какой-то неизвестной причине конголезцы на стороне Хора сражались вполне неплохо…

Вскоре миссия Гевары в Конго завершилась. Че и кубинцы-кастровцы совершили унизительное отступление через озеро Танганьика. Во время поспешного бегства из Африки они побросали союзников и имущество, стремясь спасти хотя бы свои жизни.

Однако Гевару было не унять. Стремясь воплотить в жизнь свою мечту о том, чтобы превратить Анды в «Сьерра-Маэстру на континенте», он нацелился на Боливию, которая должна была стать местом следующей партизанской авантюры. «Нам нужны два, три… много Вьетнамов!» – патетично восклицал он.

Кастро, как обычно, извлек ценные уроки из этого опыта. Вскорости он вообще перестал иметь дело с партизанскими и прочими «народными» войнами.

В середине 1970-х годов, когда Кастро был действительно серьезно заинтересован в установлении подчиненного режима в Африке, он послал туда пятьдесят тысяч солдат, сотни советских танков и несколько эскадрилий «МИГов». Они обстреливали безоружные деревни из советских 122-миллиметровых гаубиц и «катюш» и использовали против них газ зарин. Именно этими усилиями объясняется кубинская «победа» в Анголе. Как ни странно, к помощи шаманов и их волшебных зелий в этот раз никто не прибегал. (К слову, поправка Кларка, одобренная

демократами в конгрессе США, которая запрещала помощь США ангольским антикоммунистам, также облегчила Кастро задачу.)

Единственное, чем Гевара действительно произвел впечатление на симба, так это тем, что он ни разу не сходил к реке помыться.

Последний провал Че Гевары

Было бы трудно представить себе более смехотворный план для Боливии, чем тот, который разработал Че Гевара. При президенте Пасе Эстенсоро, в 1952–1953 годах, в Боливии произошла своего рода революция с обширной земельной реформой, которая – в отличие от реформ Че и Фиделя – на самом деле дала крестьянам право собственности на землю, так же как и земельные реформы Дугласа Макартура в послевоенной Японии. Еще более странным является то, что сам Че Гевара в своей знаменитой поездке на мотоцикле посетил Боливию и стал свидетелем положительных результатов реформ. Тем не менее его поразительное искусство самообмана одержало победу.

Каким-то непостижимым образом Че Гевара убедил себя, что в той части Боливии, где население состоит не из безземельных крестьян, а практически целиком из землевладельцев, местные жители будут толпиться в очереди в его палатку, чтобы подписать соглашение с группой иностранных коммунистов о свержении правительства, которое дало им землю, сельские школы и значительную свободу в управлении своими делами. Эти индейцы были очень подозрительны по отношению к иностранцам, и к белым в особенности. Че Гевару не остановил ни один из этих фактов. «Всегда до победы!» – как он любил говорить. На данном этапе своей жизни Че, вероятно, заблуждался точно так же, как и Гитлер в своем бункере.

«Единственное место, где у нас есть серьезная структура, – уверенно говорил Че Гевара боливийскому руководителю Коммунистической партии, Марио Монхе, – находится в Боливии. И те, кто действительно борется с империалистами, – это боливийцы».

Монхе, уроженец Боливии и проницательный коммунист-ветеран, должно быть, гадал, с какой такой луны Че Гевара свалился. Местные индейцы также казались озадаченными. «Их молчание было абсолютным, – писал лидер в своих дневниках о противостоянии жителей боливийского поселения Эспина, – как будто мы жили в разных мирах». Это заставляло Че нервничать. В соответствии со своими принципами, он старательно подготовил партизан, заставив их выучить диалект кечуа, на котором разговаривало большинство индейцев Анд.

Проблема была в том, что индейское население, проживающее в том районе Боливии, который он выбрал для своей славной партизанской кампании, говорило на гуарани – совершенно другом диалекте.

Не существует никаких доказательств того, что Кастро принял всерьез миссию в Боливии. Скорее, это было средство избавиться от Че Гевары. Однозначно то, что его покровители в Советском Союзе явно не были в этом замешаны. Уж они-то знали, когда следует просто тихонько понаблюдать со стороны. Ведь буквально на их глазах все партизанские движения Латинской Америки были уничтожены одно за другим. Единственное, что могла вызвать сия сомнительная авантюра, – это раздражение американцев, с которыми они во время кубинского ракетного кризиса заключили «небольшую сделку» (к огромной досаде Кастро). Зачем же было нарушать это хрупкое равновесие потаканием очередной безрассудной идее Че Гевары? Советское правительство рассуждало так: гораздо лучше работать в рамках существующей в Латинской Америке системы, в то же время постепенно подрывая правительства с помощью узаконенных коммунистических партий. Через несколько лет победа Сальвадора Альенде в Чили принесла свои плоды в рамках данной советской стратегии.

У Боливийской коммунистической партии имелись свои четкие указания относительно плана Че Гевары в Боливии. Глава партии Марио Монхе был верным последователем советского партийного режима и не желал иметь с Че ничего общего – кроме, разве что, желания помочь его убрать. Как только Че прибыл в Боливию, Монхе посетил Гавану и Москву для получения дальнейших инструкций. По словам бывшего офицера ЦРУ Марио Риверона, который возглавлял группу, выслеживающую Че в Боливии, Монхе был рад узнать, что его планы полностью совпадают с планами Кастро. Совет Фиделя, который тот дал Монхе касательно помощи Че Геваре, был очень четким: «Ничего, даже ни одной таблетки аспирина!»

Отсутствие какой-либо заинтересованности у лидера боливийских коммунистов было таким явным, что даже тугодум Гевара наконец-то почувствовал это – хотя сперва и не понял, что истоки этой холодности надо было искать в Москве и Гаване. После встречи с Монхе в декабре 1966 года Че написал в своем дневнике: «Партия уже против нас, и я не знаю, к чему это приведет».

Естественно, это привело к предательству, к гибели, организованной руками самого Кастро. Гевара еще не осознавал, что «пылкий проповедник всего мироздания», «самая благородная историческая фигура Латинской Америки» уже тайно пустил слух о том, что партизан-герой скоро будет мертв. События достигнут своего кульминационного момента в октябре 1997 года, когда Кастро будет лить крокодиловы слезы над «своим самым лучшим

другом» во время эксгумации останков Че Гевары и на их пышном перезахоронении в Санта-Кларе.

По словам Марио Риверона, еще в 1964 году Кастро уже готовил Че ту же участь, что и его товарищу-революционеру Камило Сьенфуэгосу, с которым он познакомился на яхте *«Гранма»* и с которым стояли плечом к плечу братья Кастро и Че. Марио Риверон говорил, что самомнение Кастро просто не позволит кому-нибудь подняться на ту же ступень, где находится он сам, даже временно, даже совсем слегка. «Из-за известности Че Гевары избавиться от него будет сложнее, чем избавиться от Камило. Но тем не менее Кастро избавится и от Че».

Кто такой был Камило Сьенфуэгос?

Камило вошел в Гавану за день до Че, 3 января 1959 года, где, по приказу Кастро, он сразу же взял на себя командование Кубинской военной штаб-квартирой в лагере Колумбии. Камило был красивым и харизматичным мужчиной, и в глазах многих фактически затмил Фиделя и Че на ранних революционных митингах, часто становясь центром внимания благодаря своей улыбке и чувству юмора. Кубинцы использовали слово *«симпатико»* , чтобы описать личность Камило Сьенфуэгоса. Кастро прекрасно отдавал себе в этом отчет. Во время первого массового митинга в Гаване Фидель обратился к стоящему рядом с ним на трибуне Сьенфуэгосу: «Я всё делаю правильно, Камило?» Подобное проявление почтения было в наименьшей степени свойственно Кастро – если не сказать больше.

Несколько месяцев спустя Камило вылетел из Гаваны в восточную провинцию Камагуэй с ненавистным ему заданием арестовать своего друга и революционного товарища Убера Матоса. Революция, которую сам же и организовывал, теперь готовилась пожрать его самого. Камило Сьенфуэгос покорно исполнил свой долг – и на обратном пути в Гавану исчез без следа. По словам властей, его самолет разбился и пропал, хотя согласно всем записям, в тот вечер была хорошая погода. Братья Кастро соорудили показательный спектакль из спасательной операции, но так ничего и не нашли. Многим, в том числе и самому Уберу Матосу, смерть Камило показалась не случайной. Слишком уж удобной она была для режима.

Двое верных помощников Камило также погибли в результате «несчастных случаев» в течение нескольких дней после исчезновения их командира. Глава небольшого аэропорта в Камагуэе стал подозревать что-то неладное и начал задавать вопросы о спасательной операции. Спустя две недели после исчезновения Камило служащий аэропорта был найден с пулей в голове. Его смерть квалифицировали как «самоубийство».

Че Гевара, всегда свято веривший Кастро, проглотил его версию о гибели Камило, ничего не заподозрив. (Камило, первый сын Че, был назван в честь его покойного друга).

Всего через два месяца после прибытия в Боливию и создания лагеря в Нанкауазу Че решил оставить небольшую команду в лагере и взять с собой группу партизан в разведку по его окрестностям. «Мы вернемся на следующей неделе», – сказал он остальным.

Не отошли они и двух миль от лагеря, как группа Че заблудилась. Две недели спустя у них закончилась еда. Через месяц они по-прежнему блуждали по совершенно незнакомым местам, питаясь обезьянами и попугаями и постоянно ссорясь. Несколько человек заболели малярией. Еще двое мужчин утонули при попытке переплыть реку с шестью винтовками и боеприпасами. Сорок восемь дней спустя остальные вернулись в лагерь, деморализованные, нездоровые и умирающие от голода – во главе с их «искушенным в партизанской войне» вождем. Тогда они узнали, что несколько партизан-боливийцев из их группы уже дезертировали и предали их, и что местные крестьяне уже предупредили армию о присутствии «освободителей».

Че Гевара – автор самого продаваемого в XX веке руководства по партизанской войне – ушел в джунгли, выучив неверный диалект местного языка и, судя по всему, не умея даже соотнести показания компаса с картой. Че мог бы попытаться хотя бы «идти по звездам» – этот надежнейший способ ориентирования прекрасно зарекомендовал себя еще в позднем палеолите. Но он не сделал и этого.

Единственными боливийцами, которых Че Геваре удалось завербовать в свои обреченные на смерть отряды, были коммунисты-ренегаты и маоисты. Большинство из них заманили в партизаны обманным путем. Партизаны Че, которых всего было около сорока пяти человек, были объединены под помпезным названием «Национальная освободительная армия». Тем не менее ни разу в течение одиннадцати месяцев рискованных операций боливийцы не составляли более половины ее членов. И эти несколько боливийцев приехали из городов, с оловянных рудников и университетов, находящихся далеко от партизанской базы. Сельское же население бежало от «Национальной освободительной армии», как от чумы.

25 марта 1967 года организация «Боливийский национальный союз крестьян» (объединявшая самое что ни на есть коренное население страны) мобилизовала *всех своих членов* против Че Гевары – «против вмешательства иностранных участников во внутренние дела страны».

Задолго до того, как туристы из Челси, Манхэттена и Малибу начали приезжать на экскурсии «тропами Че Гевары», как пафосно вещают туристические брошюры, эти боливийские крестьяне прошли по следам Че с мачете, вилами и арканами.

Шестьсот крестьян из сельской области Кочабамба в Боливии добровольно сформировали ополчение для борьбы с Че. Их было в три раза больше, чем партизан в повстанческой армии Кастро и Че на Кубе вместе взятых, и *в десять раз* больше, чем в «Боливийской национальной освободительной армии» Че на ее пике деятельности. Ироничнее всего было то, что все эти шестьсот боливийцев, готовых бороться против Че, на самом деле были *крестьянами* , а не безработными юристами, скучающими студентами и уволенными профессорами философии.

Тем не менее боливийские крестьяне не относились с пренебрежением и негодованием ко всем иностранцам. Когда майор армии США Ральф «Паппи» Шелтон из подразделения «Зеленых беретов» прибыл в Боливию со своей командой из шестнадцати человек для подготовки людей, которые бы выследили и ликвидировали Че и его «Национальную освободительную армию», боливийские крестьяне осаждали его на каждом шагу. Повсюду в сельской местности местные жители встречали Паппи и его людей песнями и теплыми приветствиями и снабжали едой и питьем.

«Невозможно улыбаться при мысли о Че: из-за него погибло столько людей, – говорил Феликс Родригес, кубано-американский офицер ЦРУ, который играл ключевую роль в выслеживании Че в Боливии и был другом Шелтона. – Но когда дело доходит до Че в качестве партизана, губы сами расползаются в усмешке. В Боливии он не смог завербовать ни одного крестьянина в свои ряды партизан – ни одного! Я воевал во Вьетконге, Эль Сальвадоре, против сандинистов и в Никарагуа. Я знаю все о партизанских движениях – и крестьянское население очень сложно завербовать».

«Вообще-то те немногие боливийцы, которых Че удалось завербовать, были вынуждены присоединиться к бандам партизан – я говорил с некоторыми из них, – вспоминает Родригес. – Че Гевара убеждал их прийти к нему в лагерь, чтобы поговорить об их возможных поездках на Кубу или даже в Россию и Китай – для того, чтобы учиться в тамошних школах. Когда же они добирались до лагеря, Гевара озадаченно хмурился: «Куба? Россия? Что вы имеете в виду? Никто не говорил, что придется туда ехать», – протягивал новобранцу ружье и говорил: «Добро пожаловать, теперь ты партизан. И не пытайся убежать, а то мы тебя догоним и убьем».

«Тем не менее у Гевары было достаточно много дезертиров. И мы пользовались этим: они постоянно снабжали нас информацией о местонахождении партизан. Эти люди чувствовали себя обманутыми. Я пользовался этим ощущением предательства со стороны Че, когда добывал разведданные».

Че Гевара потом жаловался на боливийских новобранцев в своих дневниках. «Они не хотят работать. Они не хотят брать в руки оружие, они не хотят переносить грузы, они симулируют болезни». Кроме всего этого, один из боливийцев по имени Эусебио оказался «вором, лжецом и лицемером».

«На крестьян все еще невозможно до конца положиться, – пишет Че в своих дневниках в начале марта. – Но кажется, что с помощью спланированного террора мы сможем нейтрализовать часть врагов. Поддержка крестьян придет потом».

Но этого не случилось. Крестьяне продолжали сообщать о местонахождении партизан солдатам, с которыми у них были неплохие отношения, и по понятной причине: боливийская армия состояла из таких же боливийских крестьян, а не бородатых иностранцев, которые резали их скот. «Все кампании по привлечению боливийцев в ряды партизан провалились», – писал Че, освободитель боливийских крестьян.

Партизанка из Восточной Германии Хайди Тамара Бунке, или Таня, которая отправилась в Боливию за год до Че, чтобы проделать подготовительную работу перед его торжественным появлением, на самом деле была агентом КГБ, Штази и Кубинского генерального разведывательного управления. В Боливию ее направили, чтобы держать Гевару под наблюдением. Они познакомились в 1960 году. Че совершал поездку по Восточной Германии, а Тамара выступала в качестве его переводчика. По слухам, большая часть этих «переводов» звучала в постели. Бунке родилась в Аргентине; ее родителями были коммунисты, бежавшие из Германии. Тамара, считавшая себя женщиной широких взглядов, а также весьма проницательной и начитанной, быстро нашла с Че общий язык.

Их отношения продолжались и в течение длительных командировок Тани на Кубе в начале шестидесятых годов. Естественно, посвященные во все это, Танины руководители из разведки признали ее идеальной кандидатурой, которая могла бы информировать их о действиях Гевары.

«Некоторые утверждают, что Таня была тройным агентом, работавшим также на ЦРУ, – говорит бывший сотрудник ЦРУ Феликс Родригес. – Но это неправда. Она была давним агентом КГБ и спецслужб Восточного блока. Кастро хорошо это знал. Она даже была членом Коммунистической партии Кубы».

Увы, бедной Тане с самого начала было предначертано оставаться в первую очередь в боливийской столице Ла-Пас и действовать в качестве связующего звена между Че и Гаваной, а также партизанской сетью города. В марте 1967 года она отправилась в партизанский лагерь Че, расположенный в сельском районе Нанкауазу, чтобы сопроводить туда журналистов: француза Режи Дебре и аргентинца Сиро Бустоса.

Оба на словах исповедовали социализм, восхищались кубинской революцией и, казалось, были готовы сделать для Че в Боливии то, что Герберт Мэтьюз из *«Нью-Йорк таймс»* сделал для Кастро на Кубе. Они также были готовы работать на партизан в более официальном качестве – как вербовщики и посредники.

Бустосу, в частности, было поручено обратить особое внимание на план боливийской операции, потому что сразу после победы в Боливии Че должен был провести подобную блестящую операцию в Аргентине. Именно оттуда «Че всемогущий» начнет «освобождение» всего Южноамериканского континента! «Борьба в Латинской Америке со временем приобретет континентальный размах, – писал Че. – Она станет сценой множества великих битв человечества за свое освобождение».

И, когда это славное пламя со скоростью лесного пожара распространится по всему Западному полушарию, Че в конечном счете поведет «человечество» на борьбу с «величайшим врагом рода человеческого: Соединенными Штатами Америки». Весь этот план должен был бы показаться Бустосу пугающе знакомым, ведь он пытался проникнуть в Аргентину, чтобы начать партизанскую войну по приказу Че, еще в 1963 году. Теперь он снова вернулся к Че в сопровождении Тани, готовый к очередной рискованной попытке.

«Че планировал соорудить в Андах гору Олимп, не меньше, и усесться на самой ее верхушке – выше, чем Фидель», – говорит Дариэль Аларкон, кубинский партизан, который воевал с Че в горах Сьерры и Конго и был одним из трех боевиков, которым удалось пережить боливийское фиаско.

Не прошло и месяца с начала его «олимпийского» предприятия, как некоторые боливийские «новобранцы» уже начали дезертировать из отряда Гевары. Эти неблагодарные сообщили боливийской армии о лагере Че как раз тогда, когда приехала Таня с Дебре и Бустосом. Ко всему прочему, Таня оставила в соседнем городе Камири джип, полный партизанских документов и фотографий, в комплекте с ее собственным удостоверением личности и оперативными псевдонимами. Джип и все его содержимое было обнаружено полицией и вскоре уже находилось в распоряжении разведывательного отдела

боливийской армии. Скоро всех агентов Гевары в Ла-Пасе (прямо скажем, немногочисленных) вычислили и арестовали.

Из-за своей некомпетентности в качестве шпиона Таня теперь застряла в партизанском лагере. Но Дебре и Бустос придумали способ, как выбраться из лагеря Че. Дебре должен был изображать иностранного журналиста, а Бустос – коммивояжера, который случайно не туда свернул во время деловой поездки. Расторопный Че Гевара даже сподобился передать Дебре и Бустосу несколько важных сообщений для внешнего мира.

Одним из них было напыщенное «военное коммюнике № 2». Другим был призыв к друзьям Бертрану Расселу и Жан-Полю Сартру начать как можно громче оповещать мировую общественность о событиях в Боливии. И еще одним была просьба к Фиделю послать ему новое радио, побольше денег – и, пожалуйста, ради всего святого, поторопиться и открыть тот «второй фронт» в Боливии, который он давно обещал, послав туда всех боливийских коммунистов, которые на тот момент проходили обучение на Кубе.

Реакция Марио Монхе на сообщение Че Фиделю о втором фронте нигде не задокументирована. И скорее всего, у него, как у коммуниста, чувство юмора было сильно атрофированным. Но, тем не менее, можно предположить, что он смеялся, и громко. Не отойдя и на десяток километров от лагеря Че, Дебре и Бустос были схвачены полицией Боливии и оперативно переданы военным боливийской армии. Нескольких ударов оружейными прикладами хватило, чтобы уже через несколько минут они выдали местонахождение Гевары. Бустос, вспомнив о неудавшейся карьере художника, даже любезно набросал портреты людей, которых он видел в партизанском лагере. Возможно, Бустос действовал из страха. Или, возможно, имея в своем активе уже две миссии, заранее обреченные на неудачу, за которые он чуть не поплатился жизнью, Бустос почувствовал, что он должен хоть как-то поквитаться с Че.

Рисунки Бустоса, наконец, убедили начальство ЦРУ в том, о чем сотрудникам низшего ранга – таким, как Марио Риверон – уже было давно известно: Че Гевара действительно в Боливии. Подготовка боливийской армии Шелтоном и «зелеными беретами» теперь, ввиду четкой цели, началась всерьез. Феликс Родригес убедил боливийских военных прекратить расстрелы пленных партизан. При правильном подходе и умелых допросах они могли бы сообщить ценную информацию, которая в итоге помогла бы захлопнуть ловушку для Че.

По словам Дариэля Аларкона, Че был сначала был в ярости на Таню за то, что она появилась в лагере. «Какого черта я тебе

вообще что-то говорю?!» – орал он на нее, а та ревела как белуга.

Но вскоре Че нашел эффективное применение ее присутствию. Этих двоих часто видели вместе, пробирающимися в палатку Гевары по ночам. Данное обстоятельство совершенно не устраивало остальных партизан, испытывавших сильный голод по этой части.

Эротические встречи с Таней обнаружили новую грань в лицемерии Че. Начиная со своих дней в Сьерре, позже в Конго, и теперь в Боливии, Че внимательно следил за проявлениями мужского либидо – и пресекал их, назначая суровые наказания оступившимся. Этого требовал его патологический деспотизм. «У меня нет ни дома, ни женщины, ни родителей, ни братьев, ни друзей, – писал Гевара. – Мои друзья – друзья мне только до тех пор, пока они мыслят политически так же, как я». Теперь же одинокий Че, по мнению его людей, сам привел в лагерь женщину, которая «утешила» бы его.

Вскоре Таня свалилась с высокой температурой. Че приписал ее в свой партизанский «арьергард» – группу во главе с кубинцем Хоакином. «Авангард» он возглавлял сам. Через несколько дней после этого решения обе группы безнадежно потеряли друг друга из виду. Более того, они не знали, где находится их лагерь. Во время их бесцельного блуждания по джунглям наугад они натолкнулись на пару-тройку неопытных патрулей боливийской армии и провели несколько успешных нападений из засады. Однако большей удачи им не суждено было испытать. Обе группы продолжали плутать по округе – полуголодные и полуодетые – без какого-либо контакта в течение шести месяцев, хотя они часто проходили всего лишь в нескольких километрах друг от друга. Неудивительно, что обе группы не знали, насколько близко друг к другу они находятся: у них не было никаких средств связи, даже древних раций времен Второй мировой войны.

Дневниковые записи Гевары, датируемые началом мая, весьма комичны, хоть и непреднамеренно. «Мы шли прямо в течение пяти часов подряд, и, пройдя около двенадцати-четырнадцати километров, наткнулись на стоянку, сделанную Бениньо и Анисето». Это были мужчины из собственной авангардной группы Че. Сие доказывает, что партизаны ходили кругами. «Возникает несколько вопросов, – недоумевает Че в своих дневниках. – Где река Икири? Может быть, именно здесь Бениньо и Анисето были обстреляны? Возможно, нападавшими были люди Хоакина?..»

Другими словами, они не только нарезали по джунглям круги. Они еще и стреляли друг в друга.

Книга Гевары *«Партизанская война как метод»* не дает

никаких объяснений по поводу этой хитрой партизанской тактики. Но его дневниковые записи зачастую на удивление откровенны.

«В этот день возникло много путаницы относительно нашего географического положения», – написал он 2 мая. Прежде чем освободить континент, Геваре сначала нужно было попытаться выяснить, где находится он сам. И это тот самый человек, который, по словам журнала *«Тайм»* , вел партизанскую кампанию, где проявил храбрость и удивительное мастерство; человек, которого некоторые исследователи сравнивают с Мао Цзэдуном и его «Великим походом» протяженностью более десяти тысяч километров.

Оказавшись вдали от Че, товарищи Тани по арьергарду смогли, наконец, дать выход своему долго сдерживаемому возмущению. Они постоянно издевались над ней. В частности, кубинские партизаны любили раздеться догола и окружить ее, смеясь и непристойно жестикулируя. Таня не была «маленьким нежным цветком», о нет. В списке ее любовных связей, кроме Че, был и жесткий офицер кубинской разведки, чернокожий Улисес Эстрада, и президент Боливии Рене Баррьентос.

Однако угрозы сексуального характера и постоянные оскорбления со стороны революционных товарищей практически сломали Таню. «Ну погодите, вот только мы вернемся! – плакала она. – Я все, все расскажу Че!»

Но Че рядом не было. Обе группы кружили друг возле друга, ели древесные корни и броненосцев, страдали от дизентерии и постоянной рвоты. К концу боливийского злоключения, говорит Дариэль Аларкон, Таня часто ударялась в слезы в ответ на грубые оскорбления мужчин и убегала, крича в бешенстве: «Почему бы вам просто не застрелить меня, а?!»

Боливийская армия вскоре оказала ей эту услугу. После четырех месяцев в джунглях, сотрясаемые лихорадкой и на глазах слабнущие от голода, члены «арьергарда», переходя реку, наткнулись на засаду патруля боливийской армии. Плохие новости для Гевары заключались в том, что причиной резни стал «непросвещенный» боливийский крестьянин Онорато Рохас.

Несколькими неделями ранее собственная группа Гевары случайно натолкнулась на Рохаса, который дал им немного еды и указал направление. По словам самого Че, Рохас оказал им «хороший прием и сообщил множество полезной информации». Видит бог, это случалось нечасто, поэтому партизаны пришли в радужное расположение духа. Этот крестьянин, очевидно, признал своих благодетелей! Конечно, если бы они победили, их «революция» украла бы его скудные запасы – и убила бы его

самого, вздумай он сопротивляться, как она сделала с тысячами подобных крестьян на Кубе. Но откуда *он* мог это знать?..

В конце августа Таня с арьергардом тоже наткнулись на Рохаса и попросили указать им хорошее место, чтобы пересечь близлежащую реку Масикури. И снова он им помог. Затем Рохас поторопился к штаб-квартире капитана боливийской армии Варгаса Салинаса и указал ему точное место переправы. Онорато сказал, что будет в белой рубашке, чтобы отличаться от партизан, и пусть военные ради всего святого будут осторожны и не пристрелят заодно и его. Рохас вернулся домой и стал ждать. Арьергард Че прибыл вовремя.

«Сюда! Идите за мной, *амигос* !» В назначенное время Онорато привел их к мелкому броду, пожелал им счастливого пути и затаился неподалеку на пригорке, откуда открывался отличный вид на место предстоящего шоу. Для полноты картины не хватало только попкорна. Когда все десять членов арьергарда уже шлепали по пояс в воде, капитан Варгас Салинас сделал первый выстрел. Его солдаты вскинули пулеметы. Последовавшая за этим канонада была оглушительной и смертоносной. Вода вскипала и пенилась под градом пуль. Таня упала в реку, и ее тело унесло течением вместе с другими.

Только партизан-боливиец по имени Пако пережил бойню. Допросив его позже, Феликс Родригес понял, что Пако был вполне готов выдать местонахождение «авангарда» его партизанской группы во главе с Че. Пако чувствовал себя обманутым и не скрывал своей обиды. Как выяснилось, Гевара привлек его на свою сторону вовсе не картинами героических партизанских сражений, а фальшивым обещанием отправить его на Кубу учиться. Как и в случае со многими другими новобранцами, как только Пако показался в партизанском лагере, Че изменил своему слову, фактически взяв его в заложники и начав обращаться с ним, как с рабом.

Но найти группу Че будет нелегко, объяснил Пако. Однако местонахождение Гевары было тайной не только для боливийской армии. Гораздо большей тайной оно было для *самого Че* , а заодно и всех, кто находился под его командованием. (В кои-то веки бестолковость Че сыграла ему на руку). Родригес, ветеран разведки, почувствовал, что Пако говорит правду. Но тем не менее кольцо вокруг Гевары начало сжиматься.

«Дорогая мама, – написала Таня всего за несколько недель до того, как угодила в боливийскую ловушку, – я боюсь. Я постоянно напугана и постоянно плачу. Мои нервы совсем сдали. Я не женщина. Я маленькая девочка, которая хочет спрятаться в каком-нибудь уголке, где никто не сможет ее найти. Но где, где я могу

спрятаться?..»

Ужас и отчаяние последних дней Тани, безусловно, были наполнены осознанием того, что ее судьба связана с судьбой человека, который всегда и во всем заблуждался и, конечно, был обречен. «Легенда о нашей партизанской группе растет и ширится, как огромная волна, – писал Че в своем дневнике в июле. – В глазах боливийцев мы уже непобедимые сверхчеловеки».

Может быть, она также, наконец, постигла природу идеализма Че. «Животные, – так называл Гевара боливийских крестьян в своих дневниках. – Крестьянские массы совсем никак нам не помогают». (Два года спустя Рохас был схвачен прямо в собственном доме и убит на глазах у жены и детей. Этот метод «борьбы» – прямое наследие Че Гевары, что могли бы подтвердить многие крестьянские семьи в Сьерра-Маэстре на Кубе).

Дариэль Аларкон рассказывает, что в то время как все страдали от голода и неизвестности, Че был одержим позированием для фотографий. Одна из них изображала Че верхом на лошади (скорее всего краденой), стоящим на гребне горы, так что его силуэт эффектно выделялся на фоне неба. Гевара вручил Аларкону свой «пентакс» и велел отойти на нужное расстояние, чтобы вся сцена попала в объектив. Че кивнул, а затем вытащил мачете и стал размахивать им высоко над головой, крича: «Я новый Боливар!», в то время как Аларкон послушно щелкал затвором фотоаппарата.

В то же время солдаты Че блуждали вокруг, постоянно ссорились друг с другом, то и дело теряли новобранцев, терроризировали крестьян, ели кошек, кондоров и броненосцев. Да, это была далеко не та партизанская война, которую вел Кастро – толстея, купаясь в потоках лести заискивающих журналистов и одурачивая финансовых спонсоров, которые давали взятки, чтобы армия Батисты воздержалась от стрельбы.

Дариэль Аларкон также вспоминает попытку Гевары запугать его. «Однажды я готовил еду в лагере, – вспоминает он, – и тут подошел Че».

«Что ты делаешь?»

«Собираюсь готовить еду».

«Ладно, и что же ты будешь готовить?»

«Я тут раздобыл немного картошки, сварю ее. И еще есть чуток мяса».

«Нет! – отрезал Че. – Никакого мяса. Свари риса, фасоли и добавь пару сардин».

«Хорошо, как прикажете, Че, – ответил я, и по неизвестной мне причине это вывело его из себя.

«Как прикажете? *Как прикажете* , молокосос? – взбеленился он. – Да в моей заднице больше ума, чем в твоей сраной башке! Ты понял меня?»

«Да, но погодите минуту. Я же ничем не оскорбил вас, команданте. Почему вы так на меня орете?»

«Я сказал, *ты понял* ?!»

После этого Че круто развернулся и ушел.

В своих дневниках Че рассказывает, что Аларкон совершил ужасную ошибку, случайно показавшись на глаза мирно рыбачившей крестьянской семье. «Бениньо (это была партизанская кличка Дариэля) позволил себя увидеть, а потом позволил крестьянину, его жене и ребенку убежать. Когда я узнал об этом, то вспыхнул от гнева и назвал это предательством. У Бениньо это вызвало приступ рыданий». Очевидно, Аларкон должны был перерезать всю семью.

Эта запись довольно типична. В своих дневниках Че Гевара, кажется, смакует каждое наказание, назначенное его солдатам, наряду с мелкими нарушениями дисциплины, их спровоцировавшими. «Сегодня был неприятный инцидент, – писал Че в сентябре. – Чино пришел пожаловаться мне, что Нато зажарил и съел целый кусок мяса прямо у него на глазах. Я страшно орал и ругался на Чино».

«Каждый раз, когда Че звал тебя, это означало, что он хочет задать тебе трепку. Причина могла быть какой угодно», – говорил его бывший кубинский телохранитель Альберто Кастельянос.

Дариэль Аларкон, покорно сражавшийся рядом с Че в Сьерра-Маэстре, Конго и Боливии, сумел избежать последней стычки в ущелье Юро. После нескольких недель скитаний он попал в Чили, и в конечном счете вернулся обратно на Кубу (к очевидному недовольству Кастро). Потребовалось некоторое время, но Аларкон, наконец, пришел в себя. Он покинул Кубу в 1996 году и сегодня живет в Париже. Он не сомневается, что случившееся с Че в Боливии было специально подстроено Фиделем. Осознание этого факта вызвало у Аларкона такое отвращение, что тот предпочел эмиграцию. Будучи на Кубе, он однажды услышал это от своего хорошего приятеля из кубинской разведки, телохранителя Че Альберто Кастельяноса. «Я скажу, глядя тебе прямо в глаза, – признался Кастельянос Аларкону. – Вас, парни, бросили в боливийских джунглях так же, как кто-то бросает обглоданную кость в мусорный бак».

«Еще задолго до последней стычки и смерти Че Гевары все выглядело так, как будто Куба бросила нас», – вспоминает Аларкон о разговоре у костра между партизанами однажды ночью.

«Забудьте о какой-либо помощи! – фыркнул соратник Аларкона Антонио Оло Пантоха. – Забудьте об этом! Черт возьми! Я говорю вам, что там, на Кубе, они попросту хотят *избавиться от нас.* Это же очевидно!» Кому, как не Антонио, было знать об этом. Он был ветераном кубинской оперативной разведки, прекрасно осведомленным, как все это работает. Он сам спланировал не одно подобное избавление от бывших соратников-революционеров. Теперь пришло время признать, что настал его черед.

В то время как Че позировал для снимков Дариэля Аларкона, ни он, ни члены его группы не имели ни малейшей возможности связаться с Кубой. К концу лета их древний ламповый радиоприемник замолчал навеки. Кастро отправил агента по имени Ренан Монтеро в Ла-Пас, чтобы поддерживать связь с Че, но в июле Монтеро внезапно покинул Боливию и вернулся на Кубу. Примечательно, что всего за неделю до этого Кубу посетил Алексей Косыгин и встретился с Кастро.

Косыгин только что приехал со встречи с Линдоном Джонсоном, в ходе которой президент США жаловался на «подрывную деятельность кастровцев» в Латинской Америке. (О, если бы он только знал реальные мотивы этих действий…) Эта «кастровская диверсия» была явным нарушением сделки между США и Советами, заключенной в октябре 1962 года, благодаря которой Кастро оставили в покое. Теперь же происходящее в Боливии может заставить Соединенные Штаты переосмыслить сделку, объяснил Джонсон.

Услышав это от Косыгина, Кастро пришел к выводу, что настало время ускорить процесс и, наконец, избавиться от Че. Через несколько дней Монтеро вернулся домой, а Че был брошен на произвол судьбы. Не прошло и двух месяцев, как «Национальная освободительная армия» была уничтожена, а Че – мертв.

16 сентября боливийский патруль, который предупредили малообразованные крестьяне, устроил засаду отряду Че около деревни Ла-Игерра и убил троих партизан. Феликс Родригес, который получил большой объем ценной информации от Хосе Кастильо Чавеса по кличке Пако, опознал одного из убитых партизан как Мигеля. Это был кубинец по имени Мануэль Эрнандес, капитан повстанческой армии Кастро, заместитель Че. Феликс чувствовал, что Гевара был рядом, и посоветовал боливийской армии послать американский разведывательный батальон в ту местность.

«Но их обучение еще не окончено», – возразил боливийский командир.

«Неважно! – ответил Родригес. – Я думаю, что мы засекли Че. Посылайте их!»

Всего неделю спустя Че жалостливо умолял боливийских солдат: «Не стреляйте! Я же Че, я стою больше живой, чем мертвый!»

Стараниями биографов захват Че Гевары и его последний день жизни овеяны плотной дымкой романтизма – и посему требуют некоторых уточнений. Они утверждали, что Че демонстративно не повиновался. Че был удивлен, застигнут врасплох, был не в состоянии защититься или убить себя последней пулей, как планировал. Джон Ли Андерсон был одержим этой версией. Хорхе Кастанеда утверждал, что всему виной был пулеметный выстрел, который не просто раздробил карабин Че, а «вырвал его из рук Гевары, ранив его в процессе». Кристофер Хитченс писал про его «неукротимое сопротивление».

В действительности же, приказав своим людям сражаться до последнего человека и последней пули, Че Гевара с превеликим энтузиазмом сдался. Его знаменитым «ранением» была небольшая царапина от пули на икре ноги, которая не задела кость и почти не повредила мышцу. Че сдался добровольно, будучи на безопасном расстоянии, и его захватили, практически целым и невредимым, *с полным магазином патронов.*

«Че не мог отстреливаться, – утверждал Кастанеда. – В его магазине не было патронов».

«Че стрелял из карабина «М-2», но затем пуля задела ствол, и карабин вышел из строя, – пишет Андерсон. – Магазин его пистолета, очевидно, был уже испорчен до этого, и Че оказался безоружен».

И откуда прилежные и упертые биографы Че Гевары взяли эту героическую версию тех событий? Их «проверенные источники» гласят: «Мы с точностью определили, что Че продолжал сражаться даже будучи раненым до того, как ствол карабина был поврежден выстрелом, выведшим пистолет из строя. Его пистолет был без обоймы. Эти невероятные события объясняют, почему Че был захвачен живым».

Данный отрывок был взят из предисловия к дневникам Че, опубликованным в Гаване. Это предисловие было написано *Фиделем Кастро* .

Тем не менее в 1997 году Государственная служба телевещания США в своем выпуске, посвященном тридцатилетию со дня смерти Че Гевары, сообщила, что «господин Андерсон получил неограниченный доступ к личным архивам Че с согласия его вдовы и к секретным архивам Кубинского правительства». Естественно, сейчас Алейда Марч является одной из

приближенных Кастро и возглавляет исследовательский центр по изучению жизни и наследия Эрнесто Че Гевары в Гаване. Андерсон получил неограниченный доступ к материалам пропаганды одного из наиболее закрытых обществ в мире. Это то же самое, как если бы историки приняли на веру версию неонацистов о том, что Гитлер умер, сражаясь с советскими войсками, а не совершил самоубийство.

Что же на самом деле произошло? Кастро, конечно же, не был на месте событий. Трое кубинских партизан, сбежавшие из Боливии, не были рядом с Че Геварой, когда он сдавался. Боливийский минер и партизан Вилли, который был пойман с Че, был казнен на следующий день вместе с ним.

Почему бы биографам не заглянуть в полные отчеты боливийских офицеров, находившихся на месте захвата? Совершенно очевидно, почему. Ведь правда совершенно нелицеприятна.

Боливийские военные офицеры – капитан Гэри Прадо и полковник Арнальдо Сауседо Парада внимательно изучили и составили полный список личных вещей, имевшихся у Че во время захвата. Оба указали в списке его 9-миллиметровый «вальтер» *с полностью заряженным магазином* .

Иначе говоря, несмотря на то что он находился внизу ущелья во время последней битвы и мог спастись, убежав в противоположном направлении, как сделали несколько его людей, Че Гевара двинулся вверх и по направлению к боливийским солдатам, ведущим огонь, приказывая своему товарищу, несчастному Вилли, идти с ним. Однако сам Че в тот момент не стрелял. Затем, увидев солдат, он вскрикнул: «Не стрелять! Я Че! Я стою больше живым, чем мертвым!» – и вышел из колючих зарослей абсолютно безоружным, демонстративно отбросив полностью заряженный пистолет.

«Мы – лицо Кубинской революции! – гремел Че всего несколько часов назад. – И мы будем бороться во имя ее до последней капли крови и до последней пули!»

Однако сам он отнюдь не был готов на такие жертвы.

«Если бы он не боялся и хотел умереть, он бы остался драться до последнего, – утверждает капитан Гэри Прадо. – Но нет, он попытался выпутаться из положения».

Че был удивлен «внезапным появлением прятавшихся совсем неподалеку солдат», – пишет Андерсон, который получил эту версию событий непосредственно из источников Кастро, когда жил в самой Гаване.

«Че был поражен, застигнут врасплох», – уверяет Кастанеда.

И снова эти безымянные истории расходятся с версиями

настоящих участников тех событий. «Че заранее сдался, чтобы солдаты перестали стрелять, – пишет полковник Сауседо Парада. – Че кричал, чтобы они не стреляли, называл свое имя, а потом вышел безоружным».

«Че приподнял свой карабин, – рассказывает боливийский генерал Луис Рике Теран, возглавлявший Четвертую дивизию, – и закричал, что он сдается, чтобы они пощадили его, что он стоит больше живой, нежели мертвый».

«При аресте оружие Че и Вилли было полностью заряжено», – пишет полковник Сауседо Парада, развеивая в пыль остатки мифа о «храброй защите Че». Не стоит также упускать из виду тот факт, что Че и Вилли приходилось противостоять всего *двум* боливийским солдатам, однако Че никогда не любил рисковать.

Что же насчет «поврежденного» карабина Че? По версии Кастро, Че был вооружен карабином «М-2», как и все партизанские офицеры. Капитан Гэри Прадо действительно зарегистрировал неисправный карабин, но это был «М-1», который вполне мог принадлежать Вилли, товарищу Че по последней битве. Конечно, ни один из скрупулезных биографов Че не сделал попытки прокомментировать это несоответствие.

Сразу же после того как его схватили, поведение Че стало еще более красноречивым: «Как ваше имя, молодой человек? – обратился он к одному из своих захватчиков и, услышав его, воскликнул: – О Боже, какое прекрасное имя для боливийского солдата!»

Перестрелка продолжалась и после того, как Че сдался. Но его люди, в отличие от самого команданте, продолжали бороться до последней пули, и вскоре один из боливийских солдат был ранен.

«Хотите, я его посмотрю?» – спросил он у своих захватчиков.

«А что? Вы доктор?» – удивился капитан Гэри Прадо.

«Нет, но я немного понимаю в медицине», – ответил Че Гевара, жалко заискивая перед солдатами и, по сути, признавая тот факт, что он не являлся доктором на самом деле.

«Так что они собираются со мной делать? – спросил Че капитана Прадо. – Я не думаю, что вы убьете меня, я уверен, что более ценен живым».

Позже он снова спрашивал то же самое: «Я слышал по радио, что если меня схватит Восьмая дивизия, то суд будет в Санта-Крузе, а если Четвертая, то в Камири».

«Я не уверен, – ответил полковник. – Но думаю, в Санта-Крузе».

«И полковник Зентено будет вести судебное заседание? Что он за личность?» – все спрашивал взволнованный Че.

«Он очень справедливый человек, – ответил Прадо. – Настоящий джентльмен, так что не переживайте».

«А *вы* , капитан Прадо, – быстро сказал Че, – вы сами необыкновенный человек. Я говорил с некоторыми из ваших людей, они отзывались о вас только хорошо. И не беспокойтесь, это конец. Мы проиграли. – Он пошел даже дальше: – Ваша армия преследовала нас неустанно… а теперь не могли бы вы поинтересоваться, что они планируют в отношении меня?»

Молодая боливийская учительница по имени Хулия Кортес, родом из деревни Ла-Игерра, принесла Че немного еды в его последний день.

«Казалось, он верил, что выберется невредимым, – рассказывает она. – Он говорил мне, что им выгоднее сохранить ему жизнь, что он им нужен».

Че готовился к новой для себя роли пленного героя, как актер, готовящийся к выступлению. И в самом деле, при взятии в плен на его голове был знаменитый черный берет, с выставленной напоказ дырой от пули. Однако те, кто участвовал вместе с ним в Боливийской операции, например Дариэль Аларкон, утверждали, что Че ни разу не надевал этот берет во время Боливийской кампании.

Че Гевара всегда носил военную кепку. Все фотографии из Боливии лишний раз подтверждают это. Маркос Браво, ныне находящийся в изгнании, а ранее выступавший против режима Батисты, знал многих из товарищей Че по Кубинской революции. Он предполагает, что Гевара специально надел знаменитый черный берет (и даже прострелил в нем дырку), чтобы эффектно сдаться и произвести впечатление на своих захватчиков. Че, вероятно, ожидал, что в процессе захвата будет сделано несколько снимков.

После мирной операции пленения Че ожидал торжественного суда, который перерос бы в мировую медиа-сенсацию. Со всего мира люди ратовали бы за его освобождение: Бертран Рассел и Жан-Поль Сартр подали бы прошения о его освобождении; Норман Мейлер и Сьюзен Зонтаг вещали бы из Нью-Йорка; Джоан Баэс, Кантри Джо Макдональд и Уэйви Грэйви организовали бы концерт и демонстрацию при свечах в парке Голден Гейт. Рамсей Кларк оставил бы на время свой пост министра юстиции при президенте Линдоне Джонсоне, чтобы помочь Уильяму Кунстлеру в судебной защите Че. И, сверх всего этого, можно было бы рассчитывать на студентов всего мира, которые бы протестовали, бунтовали и нарушали спокойствие своих общежитий до тех пор, пока Че Гевара не был бы освобожден.

Но вот что случилось на самом деле.

«Наконец, я оказался лицом к лицу с убийцей тысяч моих храбрых соотечественников, – вспоминает Феликс Родригес. – Я вошел в маленький школьный кабинет, где он, связанный, лежал на полу. Мои ботинки были рядом с его лицом – точно так же, как ботинки Че были рядом с лицом моего друга Нестора Пино, после того как тот был захвачен в заливе Кочинос. Че тогда посмотрел на Нестора со своей презрительной усмешкой и просто сказал: «Мы будем убивать вас всех до одного». Теперь же роли поменялись, и я стоял над Геварой».

Оба офицера ЦРУ, принимавшие участие в захвате Гевары, Феликс Родригес и Марио Риверон, утверждают, что – противореча истории сторонников левых – Управление пришло к соглашению с Геварой. Они хотели, чтобы он оставался живым, и прилагали все усилия, чтобы так и было. «При правильном обращении рано или поздно пленный все расскажет, – говорил Риверон, – а вот мертвый, очевидно, никогда не заговорит».

Несмотря на попытки Феликса Родригеса разубедить Боливийское верховное командование, сверху поступил приказ убить заключенного. Родригес неохотно передал его своим боливийским коллегам. «Я был их союзником в этой операции, советником, – говорит он. – Я не давал окончательного приказа. Но я отвечал за радиосвязь на том участке и имел официальный чин капитана. Мне поступил приказ: Че должен быть убит».

Феликс передал приказ, как и следовало из его должностных обязанностей, однако все время пытался изменить решение боливийских офицеров. «Феликс, мы работали вместе очень слаженно и успешно, – отвечал суровый боливийский полковник Зентено. – Мы очень благодарны за ту помощь, которую вы и ваша команда оказали нам в этой борьбе. Но, пожалуйста, не просите меня ослушаться прямого приказа моего главнокомандующего. Я буду с позором уволен».

Теперь, когда Че покинул свой командный пост, борьба партизан в Юро достигла крайнего предела, и боливийские бойцы начали нести потери. В отличие от своего доблестного командира воины Че залегли на дно и отстреливались до последнего патрона. Таким образом, и у полковника Зентено было срочное дело на своем командном пункте.

«Феликс, я должен вернуться сейчас в свою штаб-квартиру, – сказал полковник Зентено. – Но я хотел бы получить ваше честное слово, что приказ будет исполнен сегодня до двух часов дня. Мы знаем обо всех тех ужасных вещах, которые Гевара сделал вашей стране, и если вы хотите сделать это лично, то мы, конечно, все поймем».

Вместо этого Феликс продолжал убеждать полковника

изменить свое решение. Наконец, он понял, что это бесполезно. «Даю вам слово, полковник».

«На самом деле я понял, что Гевару придется расстрелять, даже раньше, чем получил непосредственный приказ, – говорит Родригес, – когда я услышал по боливийскому радио, что Че Гевара был убит в бою. Тогда я попросил сержанта Терана стрелять в Че ниже шеи, чтобы сымитировать боевые раны. После этого я вернулся в маленький школьный класс, чтобы сообщить новости Че. «Поймите, команданте… – сказал я. – Я сделал все от меня зависящее, чтобы вас спасти…» В этот момент Че побелел. Он знал, что будет дальше. Поэтому я спросил, нет ли у него последних слов, которые бы он хотел кому-нибудь передать.

«Он сказал мне: «Да, скажи Фиделю, что вооруженное восстание в конечном счете одержит победу». Однако Че сказал это весьма иронично, с грустной ухмылкой на лице. Я убежден, что Че в конце концов понял, что Кастро предал его и избавился от него умышленно. По необъяснимой причине я был здесь, лицом к лицу с одним из своих злейших врагов, но я не чувствовал ненависти к Че Геваре в тот момент… Это трудно объяснить.

Я вышел из школы и услышал выстрелы. Я посмотрел на часы, было 13.10, 9 октября 1967 года».

Эрнесто Че Гевара был мертв.

Биографы Че, основываясь на официальной версии, сочиненной Кастро, рассказывают другую историю – куда более душещипательную, патетическую и нравоучительную. Однако когда речь заходит о героизме, возможно, лучшим его примером будут мужественные и непокорные выкрики жертв расстрельных отрядов Че.

…

«Я становлюсь на колени не перед человеком, а перед Богом!»

…

«Да здравствует Свободная Куба!»

...

«Да здравствует Царь Христос!»

...

«Долой коммунизм!»

Послесловие

Люди, по-прежнему романтически воспринимающие Че Гевару и кубинскую революцию, будут всегда. Че Гевара в их глазах навеки останется настоящим мужчиной – не сентиментальным либералом, а жестким, целеустремленным и деятельным товарищем. Франк Калзон, исполнительный директор центра «Свободная Куба», говорит: «Да, Че Гевара был смелым и идейным. Прямо как банковский грабитель!» Бернар Кушнер, французский гуманист и политик, утверждал, что приверженность его земляков Че Геваре сродни энтузиазму по поводу Саддама Хусейна в преддверии иракской войны. Это всего лишь способ выражения антиамериканизма, факты же в данном случае роли не играют.

Но эти факты небезразличны для кубинских эмигрантов в Америке. Представьте себя на месте одного из них: каково это – видеть изображения Че Гевары повсюду вокруг себя? Представьте даже больше: вы – сын или дочь кого-то, кого Че Гевара расстрелял лично. Таких людей в Америке полно. Или вообразите еще больше: вы – кубинский политзаключенный, знающий, что огромная масса людей в свободных странах носит футболки с изображением Че на груди.

Если вы спросите кубинских американцев, что они чувствуют, они сначала скажут о Гитлере и членах Национал-социалистической рабочей партии: никто никогда не будет продавать футболки с изображением этих чудовищ, а тем более восхвалять их деяния.

А ведь разницы между этими персонажами – кроме разве что масштаба – по сути, нет никакой.

Библиография

1. Alberto Iglesias, Socio-Economic Conquests' of the Communist Experiment on Cuba, Miami: Cuba Free Press, Inc., June 1999.

2. Andres Oppenheimer, «How Latin American Elite View the World», Miami Herald, September 25, 2005.

3. Antonio Navarro, Tocayo: A Cuban Resistance Leader's True Story, Westport, Conn.: Sandown Books, 1981.

4. Armando Valladares, Contra Toda Esperanza, Barcelona: Plaza Janes Editores, 1985.

5. Christopher Hitchens, «Goodbye to all That», New York Review of Books, July 17, 1997.

6. Colonel Arnaldo Saucedo Parada, No Disparen Soy El Che, Santa Cruz de la Sierra, Bolivia: Editorial Oriente, 1987.

7. David Sandison, Che Guevara, New York: St. Martin's Griffin, 1998.

8. Enrique Encinosa, Cuba en Guerra, The Endowment for Cuban-American Studies, 1994.

9. Eric Luther, Ted Henken, Che Guevara (Critical Lives), Alpha Books, 2001.

10. Fulgencio Batista, Cuba Betrayed, New York: Vantage Press, 1962.

11. Georgie Ann Geyer, Guerrilla Prince, Boston: Little, Brown & Co., 1991.

12. Grayston Lynch, Decision for Disaster, Washington D. C.: Brassey's, 1998.

13. Henry Butterfield Ryan, The Fall of Che Guevara, New York: Oxford University Press, 1998.

14. Humberto Fontova, Exposing the Real Che Guevara and the Useful Idiots Who Idolize Him, Sentinel Trade, 2008.

15. Jack Hawkins, «Classified Disaster», National Review, December 31, 1996.

16. Jean Cormier, Che Guevara, Editions du Rocher, 2002.

17. Jon Lee Anderson, Che: A Revolutionary Life, New York: Grove Press, 1997.

18. Jorge Castaneda, Compañero: The Life and Death of Che Guevara, New York: Alfred. A. Knopf, 1997.

19. Kirby Smith and Hugo Llorens, «A Comparison of Socioeconomic Indicators in Pre-Castro and Current-Day Cuba», Proceedings of the Annual Meetings of the ASCE.

20. Leo Sauvage, Che Guevara: The Failure of a Revolutionary, New York: Prentice-Hall, 1973.

21. Luis Ortega, Yo Soy El Che! Mexico: Monroy Padilla, 1970.

22. Mario Lazo, Dagger in the Heart: American Policy Failures in Cuba, New York: Funk & Wagnal s, 1968.

23. Maritza Beato, «El Saqueo del Patrimonio Cultural Cubano», El Nuevo Herald, March 1, 2006.

24. Martin Ebon, Che: The Making of a Legend, New York: Universe Books, 1969.

25. Michael Beschloss, The Crisis Years: Kennedy & Krushchev 1960–1963, New York: HarperCollins, 1991.

26. Nat Hentoff, «Book Burning in Cuba», Jewish World Review, August 18, 2005.

27. Peter Schweizer, «Cuban Missile Crisis: Kennedy's Mistakes», History News Network, November 4, 2002.

28. Rene Dumont, Cuba Est-Il Socialiste? Paris: Seuil, 1973.

29. Richard Nixon, «Cuba, Castro, and John F. Kennedy», Reader's Digest, November 5, 1964.

30. Salvador Diaz-Verson, One Man, One Battle, New York: Worldwide, 1980.

31. Sam McGowan, «Operation Dragon Rouge», The HistoryNet.com, June 2002.

32. Theodore Draper, Castro's Revolution, New York: Frederick Praeger, 1962.

33. William Breuer, Vendetta! Fidel Castro and the Kennedy Brothers, New York: John Wiley & Sons, 1998.